

ББК 76
А 38

**Факультет
журналистики ВГУ
Академия наук
региональной печати**

АЛЬМАНАХ

Выпуск 1-2 (144-145)
2017

Редакционная коллегия:

**В.В. Тулугов —
главный редактор**
А.М. Шишляникова
Л.Е. Кройчик
(Воронеж)
С.Г. Корконосенко
(Санкт-Петербург)
А.И. Акопов
А.И. Станько
(Ростов-на-Дону)
Ю.Н. Мясников
(Томск)
В.Ф. Олешко
(Екатеринбург)
А.Л. Факторович
(Краснодар)

ISBN 5-900955-02-8

Корректоры – Т. Коновалова,
А. Князева

© Факультет журналистики
Воронежского
государственного
университета.

Подписано в печать
01.03.2017. Тираж 150 экз.

Содержание

СЛОВО РЕДАКТОРА

Владимир Тулугов

Проблемы медиадизайна в условиях конвергенции СМИ... 2

ИСТОРИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРЫ

Наталья Козлова

Николай Астырев. Воронежское начало 5

Владимир Колобов

Воронеж и воронежцы в писательском дневнике

А. В. Жигулина..... 13

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ЦЧР

Виктор Руденко

Газета «Коммуна» на рубеже веков (1993-2016 гг.) 18

ПОЛИТИКА И ЖУРНАЛИСТИКА

Мурат Темиров

От Обамы к Трампу: бифуркация Восточной Европы 22

НАУЧНАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

Олеся Фарберович

Динамика развития научных исследований Германии

и Израиля 25

ДАЙДЖЕСТ

..... 31

ЖУРНАЛИСТСКОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ

Римма Адамова

Создание знаменитой «Баксанской» 33

ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИЯ

Виктор Хорольский

Этические и медицинские аспекты коммуникации

в интернете 37

РЕКЛАМА И ПАБЛИК РИЛЕЙШНЗ

Марина Новичихина

Использование аффиксоидов как один из перспективных

путей создания товарного знака в современных условиях... 42

ИСТОРИЯ

Денис Пименов

Воронежские новомученики революционного периода 45

ОБРАЗОВАНИЕ

Иосиф Стернин

О научных статьях и рейтингах 51

КУЛЬТУРА

Т. Федоренко

Особенности уличного театрального представления

(на примере эстетике итальянского театра) 55

ЛИТЕРАТУРА

Виктор Конецкий

Третий лишний 58

Виталий Смирнов

На переломе 64

SUMMARY OF THE ISSUE

..... 79

Владимир Тулунов

Проблемы медиадизайна в условиях конвергенции СМИ

Из выступления на пленарном заседании Международной научно-практической конференции «Дизайн СМИ: тренды XXI века» (25-26 ноября 2016 г., факультет журналистики МГУ)

Аудитория – редакция – СМИ

Мы являемся очевидцами изменения отношения аудитории к журналистике и журналистам, к средствам массовой коммуникации и средствам массовой информации. Меняются также характер деятельности журналистов, всей редакции, содержание и форма СМИ.

Атомизация аудитории связана со стремительным расслоением общества, с увеличением количества информационных площадок, ростом средств массовой информации, с возможностью каждому не только выбирать, подбирать «пакеты информации», но и создавать собственные информационные потоки.

Взрослое население отдает предпочтение традиционным СМИ (бумажные газеты и журналы, телевизор, эфирное радио), хотя и в этой среде – все больше людей, черпающих информацию из интернета через стационарные компьютеры, планшеты, смартфоны.

Молодежь отдает предпочтение новым СМИ и гаджетам, воспринимая информацию не последовательно, а порционно, выхватывая полезную информацию (клиповое восприятие). Отсюда – клиповое мышление. Молодежь в целом меньше читает, больше смотрит и слушает. Отсюда – смена вербально-визуального типа мышления визуальнo-вербальным.

Современная аудитория в целом не удовлетворяется текстом и фотографией – она ищет аудио- и видеодополнения.

Современные журналисты работают не отдельно с читателями, слушателями, зрителями, а с аудиторией в целом, предлагая информацию сразу на нескольких платформах в различных форматах. Редакция превращаются в цифровые (digital) холдинги.

Об авторе: Тулунов Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой рекламы и дизайна, декан факультета журналистики Воронежского государственного университета.

Возвращается профессия выпускающего, который сегодня не просто осуществляет связь между редакцией и типографией, не подбирает шрифты и отликает заголовки, а модератор процесс разветвления информации по различным платформам. В больших редакциях секретариат работает как кросс-функциональная команда (эта форма применяется и для реализации тех или иных проектов, разовых акций – журналист, фотограф и дизайнер создают инографику; журналист, программист и SMM-специалист – спецрепортаж и т. п.). В интернет-центрах работают контент-редакторы и модераторы веб-сайта газеты/журнала, инженеры-системотехники др. При усложнении редакционных задач и появлении новых форматов возникает необходимость в таких специалистах, как продюсер, режиссер текста, редактор инфографики, редактор мультимедийной статьи и др.

Журналисты используют интернет-возможности для продвижения своих текстов, для продолжения работы с ними в комментариях на собственных электронных ресурсах и в тех социальных сетях, где располагаются представители целевой аудитории средства массовой информации, которое представляет журналист (замечу в скобках, что прежде сотрудники СМИ разделялись по специализациям: пишущий журналист – корреспондент, репортер; редактирующий журналист – заведующий отделом, работник секретариата и редактората, теперь же при продолжающемся усилении данной профилизации практически каждый журналист каждодневно занимается редактированием текстов, например, проверяя и перепроверяя информацию из социальных медиа, которые рассматриваются уже не как конкуренты, а как своеобразный актив журналистов. Ведь раньше в редакциях была обязательная работа с внештатными авторами, с экспертами, тексты которых литературно обрабатывали, готовили к печати профессиональные журналисты).

Каждый журналист – еще и оформитель будущего материала: он думает о структурировании текста, об иллюстрациях к нему (если корреспондент не сопровождал фотокор, он сам делает снимки).

Возросла роль бильдредактора, особенно при моде на информационную графику.

Объемы современных газет и журналов увеличились, при этом уменьшился средний объем текста.

Возник новый вариант бумажных периодических изданий – газетно-журнальный или журнально-газетный.

Текст визуализируется за счет иллюстраций и средств ориентирования, под которые отдается гораздо больше, чем прежде, площади (*заголовочный комплекс продолжает развиваться*: суперрубрика, рубрика, надзаголовок, основной заголовок, подзаголовок, лид, набранный титульным шрифтом, авторская подпись с фотографией автора и факсимиле).

Текст персонифицируется (увеличивается число портретных снимков), структурируется (авторская подпись, территориальная ссылка, лид, информационный блок, вынос в тексте, «бокс», постскриптум) и «продолжает жить» за счет комментариев в интернет-версиях газет и журналов.

Пример из практики («Российская газета», вторник, 1 ноября, А2, 16 полос + 8 полос приложения «Наука и технологии» + 4 полосы региональной вкладки ЦФО) показывает, как реально уменьшился объем текстовой составляющей газетного контента: всего в номере размещено 83 текста, в среднем – 5 на полосе; тексты – 740 строк, 52,5 %; иллюстрации – 446 строк, 31 %; средства ориентирования – 254 строки, 17, 5 %).

Игра – дело серьезное, но...

Наш современник – это информационный человек. Он же – играющий человек, что, по мнению Хейзинги, проявляется в функции «делателя» (*homo faber*). Возможно, не случайно в последние годы особенно громко заявили о себе СМИ – с их «играми, видео, нестандартным подходом, иронией, шутливым тоном» и даже «с матом, с криком, при самых неподходящих обстоятельствах», с тестами, комиксами, пабликами, с «психоделической версткой» и т. п. (по мнению главного редактора «ВОС» (аббревиатура расшифровывается одновременно и как «Вокруг Огромная Страна», и как «Взаимодействие Открытых Систем») Дарьи Борисенко, их СМИ – это особый лайфстайл (*Life-style*), желание говорить свою правду – «навык ужасно неуместный во взрослой жизни», в которой преобладает лицемерие и компромиссы (<https://vc.ru/n/wos-funerals> – дата обращения 5 ноября 2016 г.). Такой подход вполне уместен в молодежных, маргинальных, специализированных изданиях, но вряд ли – в универсальной прессе, проходящей по рангу качественных СМИ. Хотя «игровой момент» присутствует и в общественно-политической (общественно-правовой) прессе. Он проявляется не только в соответствующем контенте (кроссворды, комиксы и т. п.), но и в самой творческой природе создания СМИ. Во-первых, основной поток информации в СМИ – это публицистика, особый род литературного творчества; во-вторых, сама форма СМИ подчиняется эстетическим законам: у каждой полосы есть дизайнерская идея,

средства оформления – шрифты прежде всего – создают особый художественный контекст, вызывают определенные ассоциации и т. д.

Угрозы всеобъемлющей визуализации

Но следует заметить, что всеобъемлющая визуализация может негативно сказаться на эффективности и действенности информирования. Дизайн, начинающий «играть первую скрипку», перестает быть таковым, поскольку игнорируется его главный принцип – подчиненность содержанию, нарушается и функциональность. Ведь форма, обладающая относительной самостоятельностью, по определению – вторична. Кричащая, агрессивная, довлеющая форма ослабляет коммуникацию, а как бы не замечаемая форма, напротив, повышает ее эффективность. Лишь сознательное подчинение смыслу делает работу дизайнера профессиональной.

Документальная фотография при всей ее конкретности менее точна, чем даже слабая в профессиональном отношении словесная публикация (текст). Фотография несет иллюзию точности, хотя на самом деле ее ассоциативный ряд много шире – снимок предлагает больше альтернатив психологической схематизации. И это отнюдь не недостаток, а достоинство иллюстрации как особой формы закрепления и преподнесения информации.

Ориентация человека лишь на визуальную коммуникацию отчуждает его от словесности, которая способствует целенаправленному и скорейшему формированию общего информационного, эстетического – культурного – кода (что, кстати, облегчает расшифровку и визуального кода как частного случая).

Активное использование информационной графики как определенной журналистской формы стало характерной чертой СМИ, электронных в том числе, именно в эпоху компьютерных технологий. Инфографика как особая форма представления некой социально-политической темы (проблемы) с использованием тех же карт, таблиц, диаграмм и т. п., а также фотографических и рисованных иллюстраций, коллажей, фотомонтаже должна приветствоваться и развиваться, но не в ущерб традиционным словесным журналистским формам. К тому же подготовка развернутой инфографики требует продолжительного времени и особой квалификации сотрудников – в редакциях включают эту форму в композиционно-графическую модель СМИ, если отдел иллюстрирования укомплектован журналистом-креатором, бильдредактором, фотографом, художником или компьютерным графиком, верстальщиком. Чтобы наглядные и остроумные информационно-графические композиции показывали проблему по-особенному, с той стороны, до которой, возможно, не смогли добраться пишущие журналисты. Именно такая инфографика может стать «гвоздевой» публикацией, а ее постоянное присутствие в номере – своеобразным фирменным приемом издания.

Выводы

Дизайн-мышление – это комбинаторный тип мышления, предполагающие постоянное переплетение вербального и визуального, рационального и интуитивного, логического и образного, элементного и целостного, проектного и творческого.

Такой тип мышления становится массовым, чему способствует «экранно-рекламная среда» и доступные современные технологии по созданию и транслированию информации на различных платформах и в различных форматах.

Диджитализация (сбор, обработка и представление информации сразу на нескольких платфор-

мах) – уже не мода, а обязательное условие эффективного функционирования СМИ.

Если считать *клиповость* не угрозой сознанию, а неизбежным этапом его переориентации, то медиакоммуникаторы должны определиться с парадигмой деятельности:

- реагируя на сиюминутные потребности аудитории, следовать за ней;
- ориентируясь на объективные потребности аудитории, находить новые варианты подачи информации, способствующие углубленному пониманию смыслов.

Наталья Козлова Николай Астырев. Воронежское начало

Аннотация: Статья посвящена известному публицисту и земскому деятелю 1880-х – 90-х гг. Н. Астыреву. В ней обозначены основные этапы его творческой биографии, начало которой связано с Воронежской губернией; представлены фрагменты публикаций в журнале «Вестник Европы»; выявлена закономерность содружества этого автора с крупнейшими либеральными изданиями указанного периода.

Личность и творчество Николая Михайловича Астырева (1857–1894) давно стали предметом изучения воронежских исследователей истории нашего края¹. В центре их внимания была книга «В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления», издание очерков этого автора, публиковавшихся в петербургском либеральном журнале «Вестник Европы» в 1885–1886 гг.

С 1881 по 1884 гг. Астырев служил волостным писарем в селах Рождественская Хава и Орлово Воронежского уезда. В этот период он начал свою литературную деятельность. Сотрудничал с газетой «Воронежский телеграф», был воронежским корреспондентом московской газеты «Русский курьер» и петербургской газеты «Порядок», публикуя за подписью Н.-вз, Н. А. и другими материалы по этнографии и статистике Воронежской области. Предположительно ему принадлежали сообщения о поджогах дворянских усадеб, уводе помещичьего скота воронежскими крестьянами, печатавшиеся в нелегальной газете «Народная воля».

Трехлетняя работа в волости – первоначальном звене местного самоуправления, опыт непосредственного общения с крестьянским миром, приобретенный навык литературной деятельности сделали воронежский период определяющим в его недолгой жизни. Публикация в «Вестнике Европы» вызвала широкий отклик в столичной и провин-

¹ Ласунский О. Г. Н. М. Астырев (1857–1894) // Очерки литературной жизни Воронежского края XIX – начала XX в. / [под ред. В. А. Тонкова и О. Г. Ласунского]. – Воронеж : Центр-Черн. кн. из-во, 1970. – С. 324–336; Карпачев М. Д. Писатель-демократ Н. М. Астырев в Воронежском крае (из истории позднего народничества) / Классовая борьба и революционное движение в Воронежском крае. Межвуз. сб. научн. трудов. – Воронеж : Из-во Воронеж. ун-та, 1983. – С. 52–63.

Об авторе: Козлова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории журналистики и литературы Воронежского государственного университета.

циальной прессе, что сразу сделало его известным публицистом. Работая в Воронежском губернском земстве после отставки списарской должности, он в конце 1884 г. был приглашен в Московское губернское земство, в 1887 г. – в Иркутскую и Енисейскую губернии на работу по сбору и обобщению статистических материалов о сельской жизни и в 1888 г. стал заведующим статистическим бюро в Иркутске.

Успех очерков, написанных на воронежском материале, безусловно, способствовал началу работы над книгой, основанной уже на сибирских впечатлениях, которая была завершена в конце 1880-х гг.²

В голодном 1891 г. Н. Астырев проехал по Воронежской и Нижегородской губерниям, оказывал помощь голодающим в Самарской губернии. Результатом стала прокламация «Первое письмо к голодающим крестьянам» за подписью «Мужицкие доброты», написанная им и его единомышленниками – членами петербургского народнического кружка. По доносу Астырев был арестован, два года провел в одиночной камере сначала Московского тюремного замка, затем Петропавловской крепости; приговорен к трем годам ссылки в Вологодскую губернию, замененной надзором полиции по месту жительства. Подорванное в тюрьме здоровье обусловило его скорую смерть.

Решение послужить на должности волостного писателя в воронежской деревне круто изменило жизнь Н. Астырева. Уроженец города Тихвина Новгородской губернии, незаконный генеральский сын, он благодаря отцу получил прекрасное начальное образование. Учился в 1-й петербургской и 6-й московской гимназиях, затем окончил реальное училище в Москве и поступил в один из самых престижных российских вузов – Петербургский институт инженеров путей сообщения. Увлечение идеей хождения в народ, влияние произведений писателей-народников, особенно Глеба Успенского, по свидетельству самого Астырева, вызвали у него желание «сесть на землю», чтобы ближе узнать народную жизнь, чтобы вернее судить о ней и непосредственным воздействием парализовать те враждебные силы, среди которых протекает жизнь русского крестьянина³. Бросив

² Астырев Н. На таежных проталинах. Очерки жизни населения Восточной Сибири. – Москва, 1891.

³ Венгеров С. А. Критико-библиографический словарь русских писателей и ученых. – Санкт-Петербург, 1889. – Т. 1. – С. 845.

институт, он через приятеля, сына воронежского землевладельца, познакомился с предводителем дворянства Воронежского уезда М. П. Савостьяновым и в результате состоявшейся беседы получил место помощника волостного писаря в Рождественской Хаवे. С рассказа об этом начинался первый очерк из серии «В волостных писарях». И все они представляли собой неспешное, изобиловавшее деталями сельского быта, характеристиками отдельных персонажей, размышлениями автора над увиденным и пережитым повествование (имена и фамилии, названия сел были изменены).

Еще современники очень точно обозначали главные достоинства очерков. Они «чрезвычайно поучительны для всякого, желающего узнать настоящую правду о народе. На человека, гонящегося за романтической внешностью, эта правда произведет тяжелое впечатление и не возбудит желание последовать примеру автора книги: подвиг-то оказывается очень серенькими прозаическим, а мужички... подчас куда как несимпатичными. Особенно отшибающим образом действует то, что мужики никак не могут понять бескорыстного к ним отношения... Это недоверие к чужому бескорыстию автор приводит в тесную связь с тем, что мужик сам никогда не упустит случая урвать возможное, – писал С. Венгеров. – Однако правда Астырева вовсе не дает пищи пессимистическому отношению к народу. Нужно только выбросить из головы, что мужики ангелы и носители каких-то небывалых нравственных совершенств... он ясно видел, что тут многое можно сделать, и даже без особенного самопожертвования, потому что, в конце концов, тридцатипятирублевое жалованье волостного писаря, при дешевизне деревенской жизни, равняется сторублевому городскому»⁴. «Он не выдумывает драму в народном вкусе», – отмечал В. Короленко. – «Он поставил себя в такое положение, которое само по себе представляет глубоко захватывающий драматический момент. Это... человек с тем практическим тактом, с той твердостью в достижении намеченной цели, которые позволили ему ориентироваться и устоять в трудном положении... вы имеете в книге г. Астырева, во 1-х, подлинность... Во 2-х – такую яркость изображения, которая приближает нередко его «характеристики» к пластичности истинно художественных образов... присутствие самого интересного лица, интеллигентного искателя... примеряющего свои убеждения, свои идеалы, свои силы к «косности» этой народной мысли там, где она косна, и к ее направлению – там, где она имеет известные стремления... Это-то именно лицо... как ни мало говорит о нем автор, – и является главным героем его книги»⁵.

На эти оценки опирались наиболее чуткие исследователи советского периода, делая, в свою

⁴ Венгеров С. А. Указ. соч. – С. 846–847.

⁵ Короленко В. Г. О литературе. – Москва : Гос. из-во худ. лит.-ры, 1957. – С. 302–303.

очередь, акценты на тех моментах творчества Н. Астырева, которые представлялись актуальными мыслящему русскому интеллигенту эпохи развитого социализма. «Астырев не принадлежал к числу собственно литераторов. Главная сфера его интересов – политика, социально-экономические проблемы... Но прирожденные писательские способности, знание жизни, уважение к силе печатного слова помогли Астыреву остаться в истории народничества... литератором даже в большей степени, чем революционером». И далее, цитируя предисловие редактора, одного из авторитетнейших либеральных журналов 1880-х гг. «Русская мысль» В. А. Гольцева ко второму изданию книги «В волостных писарях»: «Народу он был без лести предан», – О. Ласунский характеризовал Н. Астырева как «истинного демократа, обеспокоенного судьбой родины»⁶.

В постсоветский период на первый план был выдвинут культурно-просветительский аспект в подходе Астырева к изображению жизни воронежских крестьян. «Замечательно, – отмечал М. Карпачев, – что... писатель не увидел быстрых путей к радикальному изменению народной жизни. Его «Очерки» убеждали, что у такой задачи нет простых решений. Не в перераспределении собственности, а в созидательной и напряженной работе всего общества по подъему хозяйства и культуры деревни лежал ключ к улучшению жизни русского крестьянства»⁷.

Сегодняшний интерес к очеркам «В волостных писарях» обусловлен наличием в них по крайней мере трех ключевых понятий, характеризующих личность автора: преодоление, достоинство, созидание. Преодоление трудностей вживания горожанина в деревенский быт (и, судя по всему, это оказалось самым легким испытанием, поскольку практически нет сетований на всякого рода неудобства). Тоски унылого пейзажа с его бесконечными полями, где глазу не на чем остановиться (но и на этих настроениях не делается акцента). А главное – пропасти между мужиком и интеллигентом («баринном»), которую за три года стараний удалось только немного уменьшить; нравственного дискомфорта, связанного с абсурдом, беззаконием, порочными практиками решения насущных проблем крестьянства, причем не только со стороны уездного начальства, но и внутри самого крестьянского мира. При этом сохранение чувства собственного достоинства в любой ситуации и понимание важности его культивирования в мужичьей среде как основы формирования гражданина из бывшего раба; предпринятые в этом направлении личные усилия. Наконец, постоянный поиск и предложение решений, которые могли бы создать более

⁶ Ласунский О. Г. Указ. соч. – С. 329, 336.

⁷ Карпачев М. Д. Писатель-демократ Н. М. Астырев о духовном состоянии воронежского крестьянства // Филологические записки. Вестник литературы и языкознания. Вып. 7. – Воронеж, 1996. – С. 185.

благоприятные условия жизни и для односельчан, и для всей российской деревни. И по мере того, как рассеивались иллюзии Астырева-народника, связанные со свойственной этому течению русской отечественной мысли идеализацией крестьянства, – укрепление убеждения Астырева-гражданина, что его сочувствие, знания, труд нужнее всего именно реальному народу. Пьянствующему, лукавящему, страшашемуся начальства всех уровней, подчас неоправданно жестокому, но могучему, имеющему громадный потенциал развития.

Неудивительно, что еще до всякой своей известности человек с такими личностными качествами оказался востребован в кругу близких ему по духу деятелей российского земства. Покинув деревню, он в том же 1884 г. познакомился, видимо, в Воронеже, с В. И. Орловым, заведовавшим статистическим отделением Московского губернского земства. Известный своим опытом и успехами в изучении условий жизни крестьянства, Орлов в 1884 г. был приглашен Воронежской губернской управой для участия в земском собрании, где были выработаны программа и план земско-статистических исследований по Воронежской губернии (Заведовать ими пригласили Ф. А. Щербину, автора трудов, посвященных общине и артели, который к началу XX века стал в российской земской статистике фигурой европейского масштаба и для которой работы Астырева были важным этапом в исследовании крестьянского хозяйства Воронежской губернии⁸).

Василий Иванович Орлов (1848–1885) работал сначала в Московском уезде, а потом в губернском земстве с 1875 г. По свидетельству современников, он поставил статистические исследования на научную основу с использованием европейского опыта. Ввел систему подворной переписи крестьянского населения с описанием состояния каждого крестьянского хозяйства и частного имения на данной территории. «Он был далек от мысли, что общественная деятельность отдельного лица возможна лишь при известных общественных условиях, хотя вполне сознавал... потерю производительности труда... вследствие затраты массы энергии на мелочную борьбу с условиями, препятствующими достижению высоких целей, – писал в некрологе журнал «Русская мысль». – Сознывая необходимость постоянной борьбы... понимал, что тот только действительно служит родине, кто не впадает в апатию ввиду тяжелых условий... кто считает для себя обязательным действовать в пользу народа при всяких условиях»⁹. Достаточно привести только одну цитату из финальной части очерков Астырева, чтобы понять, почему состоялось сотрудничество этих людей: «Я и теперь не поколеблюсь сказать всякому из интеллигентов, который спро-

8 Подробнее см.: Дорощева О. П. Общественно-политическая деятельность Ф. А. Щербина в Воронежском крае в конце XIX – начале XX веков : дис. ... канд. ист. наук. – Воронеж, 2007.

9 Русская мысль, 1885, № 10. – С. 125–126.

сил бы меня – «идти ли туда?» (работать в деревню. – Н. К.) – «идите, там ваше место!»... И однако, не будучи лицемером и узкопартийным человеком, я не могу закрывать глаза... да и другим не указывать язв, разъедающих народный организм; надо знать, на что идешь и что тебя ожидает; если не знаешь – очень тебе трудно будет»¹⁰.

Воронежский опыт помог Н. Астыреву быстро освоить новый вид деятельности. Уже с 1885 г. началась регулярная публикация его статистических трудов в «Ежегоднике Московского губернского земства», «Сборнике статистических сведений по Московской губернии». Он стал сотрудником влиятельной, особенно популярной в российской провинции либеральной московской газеты «Русские ведомости», журнала Московского юридического общества «Юридический вестник». После публикации в «Вестнике Европы» появился среди авторов журнала «Русская мысль». С цифрами в руках, имея возможность обобщить широкий статистический материал, он продолжал писать о положении крестьян Воронежской губернии, либо посвящая этому отдельную статью («Крестьянское хозяйство в Воронежском уезде» в № 1 журнала «Юридический вестник» за 1886 г), либо включая данные по губернии в публикацию более широкой тематики («Мирские расходы по Европейской России» в № 12 «Русской мысли» за 1886 г.)¹¹. Именно эти московские издания дали наиболее развернутую оценку очеркам «В волостных писарях», откликаясь на каждую очередную их публикацию в «Вестнике Европы» и отмечая в них, в соответствии со своей спецификой, наиболее важные проблемы в деятельности органов местного самоуправления. «...Людей, готовых, несмотря на неблагоприятные обстоятельства, делать в тиши негромкие дела, еще очень мало... помимо «независящих обстоятельств», ставящих преграду доступу людей со средним и высшим образованием к должности волостных писарей, существуют и иные обстоятельства, зависящие всецело от... начальствующих лиц, предпочитающих таких писарей, с которыми можно общаться как с лакеями. Опросите этих господ начальников из конца

¹⁰ Вестник Европы, 1886, № 2. – С. 549.

¹¹ В этой статье есть интересное упоминание Бутурлиновки: «Здание правления какой-нибудь Бутурлиновской волости (Ворон. губ.), в коей числится свыше 27 тысяч жителей, должно кишмя кишеть народом, имеющим дело до волости; губернский или даже уездный город с таким количеством жителей имел бы совершенно отдельные друг от друга и самостоятельные учреждения. Здесь, в Бутурлиновке, все это совмещается в одном здании – в волостном правлении, и большинство функций этих учреждений выполняется писарем или всецело, или хотя другими лицами (старшиной, волостными, судьями), но при непременном участии того же писаря. Немудрено, что такой работник получает и жалованье, соразмерное количеству выполняемой им работы (если не ошибаемся, высшее для Воронежской губернии жалованье – 1,400 руб. (1,400 руб. в год. – Н. К.) положено писарю именно Бутурлиновской волости); немудрено также, что у такого писаря оказывается 6 человек помощников» («Русская мысль», 1886, № 12. – С. 91).

в конце по всей России и вы получите от 99 из 100 такой ответ: «...с этими интеллигентами «сладу не будет», т. е. нельзя на него кричать, топтать и осыпать цветами начальнического красноречия. Мы еще никак не можем отделаться от хамства и крепостнических замашек», – писал журнал «Русская мысль», увидевший в очерках Астырева яркие свидетельства того, «во что обратилось в условиях двадцатипятилетней практики крестьянское самоуправление, установленное положением 19 февраля 1861 г. ...Обилие начальства поистине изумительное. Надо только удивляться, как при этом умудряются старшины и писаря находить время и для своего «настоящего» дела, и... нельзя поставить им в вину, что это... дело ведется из рук вон плохо... Все 46 начальников одного подчиненного менее всего заботятся об этом самом подчиненном, а только теребят его физически и нравственно, мешая друг другу и превращая главный орган крестьянского самоуправления в низшую инстанцию всех инстанций»¹². Специализированный «Юридический вестник» делал акцент на другом аспекте проблемы: «Очерки эти... заслуживают серьезного внимания со стороны каждого интересующегося постановкой крестьянского самоуправления и волостного суда и лучше всяких рассуждений характеризуют ненормальность условий, в которые поставлена деятельность этих учреждений... Из этой характеристики роли закона в народной жизни, закона, создаваемого по каждому данному случаю, каждым начальником и притом создаваемого, смотря по обстоятельствам, в той или иной форме, ясно, что здесь затрагивается вопрос... вообще всей законодательной деятельности и роли ее по отношению к народу и его мирозерцанию, а также тех условий, в которых стоит народ по отношению ко всякому «начальству» вообще»¹³.

Такая востребованность Н. Астырева либеральной прессой 1880-х гг., конечно, неслучайна. Автору данной статьи уже не раз приходилось говорить о либеральной печати этого десятилетия как по сути единственной активной легальной оппозиции политике контрреформ Александра III. О том, что общей платформой этой оппозиции были защита и продолжение курса реформ Александра II. И земская реформа представлялась одним из самых удачных преобразований, начатых в 1860-е гг. В развитии органов местного самоуправления видели основу для введения в России «представительной» – парламентской – формы правления; школу гражданственности для основной массы населения – крестьянства; в соединении с процессами децентрализации власти – средство охраны государства от потрясений¹⁴. Либеральные издания указывали на необходимость увеличения доли

¹² Русская мысль, 1885, № 8, библиографический отдел. – С. 59–61.

¹³ Юридический вестник, 1885, № 10. – С. 366–368.

¹⁴ См., например: Козлова Н. Н. Российская провинция в журнале «Вестник Европы» 1880-х гг. // Вестник ВГУ. Серия Филология. Журналистика, 2015. – № 2. – С. 100–106.

молодежи среди земских служащих, на беспрецедентную роль земской статистики в создании объективной картины социально-экономического положения России. В свою очередь, политика правительства Александра III была направлена на ограничение самостоятельности земств, и на рубеже 1880–90-х гг. появился так называемый «закон о земских начальниках». Газета «Новое время», которая не была замечена в симпатиях к оппозиции, так характеризовала этот документ: «Земство умерло в виде самостоятельного местного учреждения, действующего под надзором правительства, а воскресло в виде выборного ведомства, введенного в общий строй наших административных учреждений в порядке полной подчиненности губернатору... земство... отдано в опеку местной администрации. По части избрания своих управ земству предоставлено меньше самостоятельности, чем любой акционерной компании в избрании своего правления... При новом губернаторе или новом министре земству... придется прилаживаться ко взглядам и желаниям новых администраторов»¹⁵. О шаткости положения, в частности, земских статистических бюро писал еще в середине 1880-х гг. «Вестник Европы»: «...они имеют немалое число противников как в самом земстве, так и в сферах, стоящих вне и выше... В основе лежит, между прочим, боязнь истины и опасение, что близкое исследование экономического положения откроет факты, компрометирующие действия кружков, лиц и т. п.»¹⁶. Между тем статистики были «передовым отрядом земской интеллигенции... Огромная работа... по детальному изучению жизни русской деревни оставила глубокий след в науке»¹⁷.

Расставание с народническими иллюзиями, возрастающая литературная известность¹⁸, профессиональная карьера – на этом фоне обращение к нелегальной деятельности кажется почти безумием. Но, видимо, картины голодающей воронежской и поволжской деревни заставили Н. Астырева задуматься о смысле работы своей и своих коллег, если все многолетние усилия по созданию условий для подъема народного благосостояния не избавляют российского крестьянина от таких страшных и масштабных катастроф, какой был голодный 1891-й год. И сделать попытку напрямую объяснить мужику, что корень его бедствий – существующая в стране система власти (собственно, это и было содержанием написанной им прокламации). И на-

¹⁵ Цит. по: Вестник Европы, 1890, № 8. – С. 893.

¹⁶ Вестник Европы, 1885, № 7. – С. 382.

¹⁷ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение: Социальные корни и эволюция до начала XX века. – Москва: Наука, 1977. – С. 114. Н. М. Пирумова. (1923–1997) – самый авторитетный исследователь истории земства в отечественной исторической науке. Особенно актуальны ее работы стали в начале 1990-х гг., когда в нашей стране возобновилось широкое обсуждение вопросов общественного самоуправления.

¹⁸ В начале 1890-х гг. вышла еще одна книга Н. Астырева, основанная в том числе и на его воронежских впечатлениях: Астырев Н. Деревенские типы и картинки. – Москва, 1891.

деяться, что экстремальная ситуация заставит адресата прислушаться к этим словам. В сущности, здесь Астырев решал ту же задачу, которую он ставил перед собой и как земский статистик, и как публицист: дать как можно более объективную картину происходящих событий и процессов.

Судьба Н. Астырева не была исключением. Его современник земский врач И. Н. Игнатов писал: «...до последнего времени русскому интеллигенту необходимо пройти через несколько обязательных стажей... 1) стаж тюремный; 2) стаж административной ссылки; 3) стаж служения земству в качестве «третьего элемента»¹⁹; («третьим элементом» называли земских служащих: учителей, врачей, статистиков и т. п. – Н. К.). И без всякой нелегалщины третий «стаж» мог продолжиться либо тюрьмой, либо ссылкой. Достаточно было упомянутому выше Ф. А. Щербине, который на протяжении почти двадцатилетней службы заведующим статистическим отделением Воронежского губернского земства стал членом ряда научных обществ, лауреатом многих премий, выступить на заседании Воронежского губернского комитета по сельскохозяйственным нуждам с обоснованием необходимости введения конституции в России, чтобы власти признали его неблагонадежным и отправили в ссылку. У кого-то хватало сил и здоровья переживать такие драматические эпизоды своей биографии, кого-то это приводило к трагической развязке.

Книга Н. Астырева «В волостных писарях. Очерки крестьянского самоуправления» выдержала три издания: в 1886, 1896 и 1904-м гг. И есть ощущение, что, переизданная в наши дни, она способна вызвать живой интерес читательской аудитории. В приложении к данной статье представлены фрагменты очерков, которые печатаются по тексту, публиковавшемуся в журнале «Вестник Европы». В отличие от книжного, в журнальном варианте они были разделены на две части: «В волостных писарях. Заметки и наблюдения» (№ 7-9 за 1885 г.) и «С сильным не борись! Из памятной книжки бывшего волостного писаря» (№ 2 за 1886 г.). Выбор фрагментов обусловлен стремлением автора статьи продемонстрировать многоплановость астыревского повествования и выявить те его стороны, которые приближают публицистику стотридцатилетней давности к реалиям сегодняшнего дня.

Приложение

Н. Астырев. В волостных писарях. Заметки и наблюдения.

Персонажами первых очерков стали люди, знакомством с которыми началась деревенская жизнь автора.

Уездный предводитель дворянства Павел Иванович Столбиков: «...чтобы не отстать от века, он не отказывался при случае чуть-чуть полиберальничать, щегольнуть, например, своими «симпатиями» к «безответному труженику-народу», к «трезвой» части молодого поколения, к народнической литературе и т. п., благо все это не вредило его карьере, и все

¹⁹ Русские ведомости : 1863–1913 : сб. статей. – Москва, 1913. – С. 71.

эти симпатии ограничивались на деле – изданными им картинками к одному некрасовскому стихотворению из народного быта».

Волостной писарь Григорий Федорович Ястребов, в помощниках у которого первоначально служил Астырев: «При 38 рублевом жалованье он ухитрялся хорошо одевать свое семейство из шести душ, воспитывать старшего сына в прогимназии и жить, вообще, в достатке... ныне он преблагополучно уже жительствует в своем новом доме».

Волостной старшина Яков Иванович, добродушный, общительный, порядочный человек: «Одно было нехорошо в Якове Ивановиче: очень он уж робел перед всяким «начальством»... Я... упрасивал его держаться с большим достоинством, но он односложно отвечал: – Ведь стрескает!.. Однако благодаря моим насмешкам и убеждениям... начал понемногу переставать лично подавать стаканы... И то был прогресс».

Крестьянин Иван Моисеевич Герик, сумевший из нищеты выбраться в люди, стать высокооплачиваемым служащим у местного владельца винного завода. Односельчане выбрали его поверенным по общественным делам, и он честно служил «миру» во всех инстанциях: «...он был умен, и поэтому в нем часто замечалось презрение к людской пошлости и глупости. Но и сам он, не получивший никакого образования, едва умеющий подписывать свою фамилию и отродясь не читавший ни одной книги, не имел, кажется, никаких твердых нравственных правил: иногда он являлся образчиком честности и бескорыстности, иногда просто мошенником; часто прощал сделанное ему зло или обиду, а случалось – был мстителен и низко злопамятен. Он отлично понимал людей и ладил с людьми самого тяжелого характера... с... ошалелым миллионщиком... умел отлично ладить, сохраняя свое достоинство... Со слезами, правда – пьяными, на глазах жаловался он, что он неуч, невежда; что он хотел бы жить полюдски, жить «по чистой совести»; что у него нет поддержки... он неподдельно возмущался слабостью народа к вину, нарушением общинных традиций, развитием клеузничества и сутяжничества и прочими... темными сторонами народной жизни».

В первых же очерках – впечатления от села Кочетово, куда Астырев был переведен волостным писарем после конфликта с Ястребовым.

«... за все это время (3 года. – Н. К.) мне не случилось ни разу натолкнуться на человека, живущего не исключительно мыслью о рубле, а интересующегося хоть чем-то умственным... Будто большая фабрика для добывания хлеба раскинулась на сотни верст, а снуют по этой фабрике суетящиеся люди, все помыслы которых устремлены на создание возможно большего количества хлеба... придется касаться печального факта почти полного отсутствия внутренней, душевной жизни в населении этой местности».

«Люди здесь гораздо жестче и бессердечнее, чем у нас на севере; в них нет поэтической жил-

ки, мать-природа не научила их пониманию прекрасного и изящного; не слышно здесь песен, кроме бессмысленного визжания девок и баб, одетых безвкусно-пестро, с громадными золочеными треугольными головными уборами; нет здесь ни сказок, ни былин нашего севера; нет тут и забав нашей удалой молодежи... народ здесь вдвое и втрое богаче тверитянина или новгородца; казалось бы, что ему представляется больше досуга для работы мысли, потому что он не так забит нуждой, как северянин... Но это ошибка: воронежец гораздо тупоумнее, гораздо ограниченнее потомков тех беспокойных людей, которые ватагами ходили изведывать новые края, потешить разудалую молодецкую руку, – а дома у себя изгоняли нелюбого князя и долее других племенных групп отстаивали... от властолюбия татарских данников свое могучее, вольное вече!.. Скучный край, скучные люди!».

«Мужик привык видеть, что все всегда стараются с него что-нибудь содрать: поп, писарь, старшина, староста, урядник и проч... что в каждом эксперименте над ними совершаемом, в каждой попытке принять участие в их личных или общественных делах кроется какой-нибудь подвох, какое-нибудь посягательство на их тощий карман».

Далее в очерках все большее место занимают размышления автора о своей службе.

«...волостному писарю приходится... производить такие служебные действия, которые могут совершенно не согласоваться с его взглядами на вещи... вполне зависеть от всякого рода начальства и быть обязанным... исполнять всякие его требования, даже незаконные... зависеть в материальном отношении от кучки мироедов... могущих уменьшить писарское жалованье до невозможности существовать на него... если вы – человек робкий и чересчур нравственно чистый, то вам не совладать с той массой зла, подлости и насилия, которые со всех сторон нависли над беспомощным населением сел и деревень; вы будете только бесполезно мучиться и терзаться и в конце концов сами сочтете себя ни к чему не годной тряпкой».

«...чувство собственного достоинства и нравственная порядочность никак не могут развиваться у лиц, сознающих себя, с одной стороны, полностью властными хозяевами над целой территорией, а с другой – безответными рабами всяких «благородий»; такие люди... должны прийти к высокомерию с низшими и к раболепству перед высшими... Чем же у простых людей... может быть выражена угодливость к своему волостному начальству? Конечно... обиходным и для всех понятным – угощением или деньгами».

Удивляет «добродушное отношение мира к своим паразитам. Явной злобы или вражды... мне никогда не приходилось подмечать... стригомые овцы, частью одобрительно, частью с завистью смотрят на... эксперимент с мирским имуществом... слышалось лишь сожаление, что «очистил»... не он».

В заключении журнального варианта очерков «В волостных писарях» нет главки, появившейся в книжном издании 1886 г.: Здесь обращают внимание замечания автора об отдельных сторонах жизни крестьянского мира.

«Страх есть господствующий элемент в крестьянской жизни: религия и земные власти действуют на мужика страхом; таинственные явления природы, могущие пустить его по миру... заставляют его пребывать в постоянном трепете; немудрено, что мужик, испытав на себе воспитательное значение страха, научается действовать... на других преимущественно страхом же... В некоторых случаях... происходят сцены дикого самоуправства, подозреваемого... в каком-нибудь деянии, наводящем страх на окружающих (например, колдовство, поджог, конокрадство и пр.), «доходят своими средствами» – бьют, калечат, убивают и жгут».

«Грустно, что экономические условия создали людей, не останавливающихся перед уводом последней лошади у пахаря; грустно, что эти пахари... иногда обрушиваются гневом своим на неповинных людей... но что всего грустнее, это – что гнев их, – справедливый или несправедливый... может быть утишен... хотя бы двумя ведрами водки!.. Разум у крестьян при виде водки как бы перестает действовать, и в тем большей степени, чем их большее количество собрано вместе... желание выпить в компании, поразнообразить бесшабашной гульбой свою вечно серую, будничную жизнь, заговаривает с особью силою, и сход делает невероятные вещи: отдает за бесценок мирскую землю, пропивает чужой стан колес, закабалывается за грош на многие годы, обездоливает правую из числа двух спорящих сторон, прощает крупную растрату мошеннику старосте, ссылает невинного односельца на поселение, принимает заведомого вора обратно в общество и т. д., и т. п... Но вот водка выпита, хмельные головы протрезвились... – и спросите тогда каждого из бывших на сходе, – как это они за несколько шкаликов водки сделали такую гнусность? Почти все дадут... ответ совершенно искренний: «Да нешто это я? Я... на такое дело сам не пошел бы... А супротив обчества что же поделаешь?».

В цикле очерков «С сильным не борись! Из памятной книжки бывшего волостного писаря» речь идет о взаимоотношениях начальства с народом и автора с начальством, представлены разные типы «руководителей на местах».

Предшественник Столбикова Сафонов, совмещавший должность председателя уездной управы и предводителя дворянства: «...все и вся перед ним если не трепетало, то во всяком случае преклонялось; старшины и писаря были как шелковые, ибо Сафонов сокращал их в срок, гораздо меньший двадцатичетырехчасового... мог «доехать» даже исправника, если б того захотел... несмотря на всю строгость, он пользовался большою популярностью... и, сравнивая порядки, бывшие при нем, с порядками, введенными Столбиковым, многие и многие с сожалением вспоминали о прежних временах... Вот что рассказывал мне один из старшин: «...Строгий он был начальник... да тем был хорош, что наши мужицкие рас-

порядки знал и нужду мужицкую понимал... А то раз в присутствии собрал всех нас, старшин, и такую речь повел: «Вот теперь новое начальство у вас появилось, – урядниками зовутся. Слыхал я, что эти самые урядники к вам придираются, мужиков прижимают... А вы этому начальству в зубы не глядите! У вас один начальник – я!.. Артачиться будут, вон их гоните... Да силы им не давайте над собой брать! Ох, пропадет Россия, если полиция силу возьмет!».

«Вспомнив, вероятно, либеральные фразы, обильно расточавшиеся им до выборов его в предводителя, Столбиков внес в присутствие билль о привлечении старшин и писарей к более сознательному отношению к вопросам, решаемым в присутствии. Мысль была бы... удачная, если б не... плохое ее исполнение... Столбиков... велел поставить несколько рядов стульев в зале, где происходило заседание присутствия, и усадил в ней старшин и писарей, сильно перепугавшихся этих новшеств. Как и следовало ожидать, «благие порывы» с первого же дня превратились в пустую комедию. Столбиков председательствовал... скороговоркой прочитывал заготовленное секретарем решение... затем из вежливости, должно быть, обращался к присутствию с вопросом: «так?! – те кивали головой, и дело, как решенное, откладывалось, за ним... другое, пятое, десятое, двадцатое... Иногда председатель находил нужным спросить моргнувшего от страха старшину: «что ж, ты принял меры для ограждения прав просившего?» – Точно так-с! Все силы-меры!.. – бывал ответ. В этих невинных, но либеральных занятиях проходило дня два... тратились даром деньги, пропадало даром время... у отдаленно живущих пропадало ежемесячно с проездом по 3-4 дня, итого в год – около полутора месяцев... старинные служаки... с сожалением вспоминали былые времена, когда Сафонов задерживал их в городе не более, чем на один день».

Как-то после очередного такого заседания секретарь крестьянского присутствия сообщил собравшимся: «Рассматривая представленные вами, господа, приговоры о выборе лиц для участия в избирательных съездах, Павел Иванович (Столбиков. – Н. К.) изволил усмотреть, что во всех волостях назначен самый полный комплект выборщиков... Между тем в положении о земских учреждении сказано, что число выборщиков от волости может не превышать числа сельских обществ... причем от каждого общества должен быть хоть один выборщик... советую вам, господа, ограничить число выборщиков до наименьшего размера, дозволенного законом. Тогда съезды будут не так многочисленны, и самые выборы будут производиться в большем порядке...»

– И будут выбраны те, которых желательно видеть выбранными?... – раздался голос из нашей кучки.

Секретарь несколько смешался, но... продолжал развивать гениальную мысль своего начальника.

– Мужики ведь совершенно не понимают, кого выбирают... совершенно все равно, сто ли человек участвуют в выборах или тридцать...

– Но представительство от волостей будет... крайне неравномерно, – попробовал и я вставить свое замечание...

– Ну, тут говорить не о чем!.. Я вам передал приказание... то бишь – сделал разъяснение закона и затем ничего больше прибавить к этому не имею».

Один из персонажей цикла – крестьянин, делающий карьеру в органах местного самоуправления: «Этот Дыхляев может служить прекрасным типом деревенского кулака-выжиги, все помыслы которого сосредоточены на извлечении копеек из всех, близко к нему приближающихся карманов, будь то карман хоть полунищего... Разорив своих братьев при разделе отцовского имущества, он завел разные торговые операции,.. и, как человек грамотный, юркий и с большим грабительским нюхом, успел быстро разбогатеть; ему теперь только 30-ть с небольшим лет, а считается уже в нескольких тысячах... знаком с разными чиновными лицами, да и сам грезит попасть в начальство. Два уже года состоял он в кандидатах волостного старшины и вел в то время сразу две мины: одна из них должна была сделать его настоящим старшиной (она уже удалась), другая – земским гласным (эта, покуда, не удалась); думаю, что он грезил даже пробраться куда-нибудь в члены управы... Он пользовался... благоволением от начальства... и будучи поэтому уверен в своем избрании, несколько даже надменно относился к слабым к вину выборщикам, изредка подходившим к нему и просившим “угощеньца”».

«...я попал в опалу к предводителю Столбикову; он... понял, что я начинаю приобретать чересчур нежелательное для него влияние среди крестьян... и участь моя, как волостного писаря, была... решена, тем более, что мне пришлось иметь несколько столкновений с разного рода начальством и с лицами, близко к начальству стоящими».

«...мною была сделана попытка осмыслить борьбу с пожарами, истребившими в кочетовской волости за последние десять лет более чем на 200 тыс. руб. крестьянского имущества... ничьего разрешения на устройство пожарной дружины я не испрашивал, ибо полагал, что сельский сход имеет полное право принимать те или другие меры... но когда приговор об этом предмете был составлен, то я представил его в присутствие по крестьянским делам... Столбиков... вряд ли серьезно испугался предложенной мною меры, но... устройство мною пожарной дружины служило ему впоследствии одним из доводов при требовании моего увольнения».

– Послушайте, – говорил он одному из членов присутствия: – разве мы с вами все еще студенты, чтобы не видеть, к чему все это клонится? Ведь сегодня он устраивает только пожарные дружины, а завтра начнет, пожалуй, устраивать, черт знает, какие?».

«...предложение перейти в другую волость было лишь выходкой труса, побоявшегося... прямо

заявить о своем намерении – совершенно удалить меня со службы. Признаюсь, горечь и злоба закипели во мне... Три года неустанных трудов, три года нравственных и материальных лишений – с единственной целью заслужить доверие населения – все это пошло прахом от одного мановения властной руки... Столбиков предложил присутствию уволить меня, и когда трое из четырех прочих членов присутствия высказались против... то он заявил им, что принужден будет... обратить внимание высшего начальства на мою «неблагонадежность». Чтобы обвинить в этом преступлении, моему гуманному начальнику не потребовалось бы, конечно, никаких доказательств и одного его намека было бы достаточно, чтобы испортить мне всю жизнь... Много дней и ночей провел я в нравственной борьбе... прежде чем подать в отставку. В конце концов я послушался голоса так называемого «житейского благоразумия» и, сдав должность своему помощнику, выехал из Кочетова, чтобы никогда, вероятно, туда более не возвращаться).

«...какую я о себе оставил среди кочетовцев память? ...у большинства обывателей – никакой, ибо я для них был не человеком, интересным сам по себе, имеющим с ними общие дела, общие интересы, а только... «наемною шкурой», как обозвал меня один обыватель в пьяном виде».

«...несмотря на то, что ни один человек из кочетовской волости не может похвалиться, что я, за данную им взятку мне, учинил какое-либо беззаконие,.. деревенский мир поверил, что я мог прельститься 10-ю фунтами масла, стоящими 2 р. 50 к., и за эту несчастную взятку решиться сменить старосту!.. горшей обиды не было мне нанесено за все время моего пребывания в деревне, и нужно ж было этому случиться почти перед самым моим отъездом, – как будто именно для того, чтобы я не возмечтал о своем значении в волости, о нравственном влиянии, которое я будто бы приобрел... Страшно сказать, но мне кажется, что заурядный мужик (по крайней мере в нашей местности) вполне честного человека... представить себе не может».

«...Какую я приносил... текущую пользу кочетовцам за время моей у них службы и что сделал я такого, чего не сделал бы всякий заурядный пи-

сарь на моем месте? Единственное, на что я могу указать без колебаний, это – что я сохранил им несколько сот рублей чистыми деньгами и несколько тысяч рабочих часов. Деньги я им сохранил тем, что ни сам с них поборов не делал, ни другим, по возможности, делать не давал, что я вел их дела в городе... устраняя тем необходимость самим туда ездить и тратиться на городских «аблакатов»... Рабочие часы я им сохранил, не сзывая лишних сходов, не разъезжая по пустым делам по волости, не задерживая просителей в волостном правлении и т. п. ...самолюбие нашептывает мне, что может быть, благодаря моим многочисленным разъяснениям и разговорам на сходах и судах, кочетовцы стали лучше понимать свои права и обязанности, получили более правильный взгляд на некоторые вещи, словом – развились несколько; но не одно ли это самообольщение с моей стороны?».

«Я по сей день получаю от некоторых друзей – ского уезда письма, в коих они подробно описывают местное житье-бытье вообще и кочетовское в частности. Все идет там своим чередом. Столбикову была поднесена роскошная икона от признательных подчиненных его; пели по этому случаю молебны... Столбиков прослезился; с супругой его, от радостного волнения, случилась истерика... Дыхляев стал старшиной против воли схода, который для выборов старшины был собираем раз пять; наконец, на последнем сходе, на котором присутствовал сам Столбиков, старостам было «предложено» приложить печати к приговору о выборе Дыхляева, и в демьяновской волости орудует теперь такая парочка (Дыхляев и Ястребов), какой не скоро еще сыщешь в целой губернии... Иван Моисеевич понемногу приобретает себе значительную популярность; между прочим, он принял себе за правило, во все пострадавшие от пожаров селения кочетовской волости, и даже в окрестные, посылать погорельцам печеный хлеб... Старшина Яков Иванович... уже подавал раз в отставку, но потом раскался, испросил у Столбикова прощение и ныне еще старшинствует, хотя несколько трепещет за свое существование».

г. Воронеж

Владимир Колобов Воронеж и воронежцы в писательском дневнике А. В. Жигулина

Аннотация: в статье впервые исследуются дневниковые записи известного писателя, бывшего узника сталинских лагерей, нашего земляка Анатолия Владимировича Жигулина (1930–2000) о малой родине и близких ему по духу людях: литераторах, журналистах, бывших членах подпольной антисталинской организации КПМ (Коммунистическая партия молодежи).

«О город юности бессонной!»

«Я родился в городе Воронеже 1 января 1930 года. И нынче сохранился в Больничном переулке родильный дом, где я впервые увидел свет. Теперь улица называется по-другому, а дом цел, и коренные, старые воронежские жители до сей поры называют его вигелевским (по имени дореволюционного владельца Вигеля)», – так начинается автобиографическая повесть А. В. Жигулина «Черные камни» (впервые опубликована в журнале «Знамя» в 1988 году, № № 7 и 8).

В основу повести легли многочисленные записи в дневниковых тетрадях и записных книжках, которые в составе писательского архива в настоящее время хранятся в Воронежском областном литературном музее им. И. С. Никитина [1].

Как рассказывает поэт, его мать, Евгения Митрофановна Раевская, родилась в 1903 году в бедной многодетной семье прямых потомков поэта-декабриста и друга А. С. Пушкина Владимира Федосеевича Раевского. У Раевских был небольшой деревянный дом под Касаткиной горой (сейчас улица Авиационная).

Отец, Жигулин Владимир Федорович, родился в 1902 году в селе Монастырщина Богучарского уезда Воронежской губернии в зажиточной многодетной крестьянской семье. В 1930-е годы он работал начальником районного узла почты в селе Подгорное на юге Воронежской области, где прошли юные годы Толи Жигулина.

«Года с 27-го родители жили в селе Подгорном Воронежской области, но не в том, что под Воронежем, а в другом – за Лискарами, за Сагунами, на юге области, – вспоминал А. В. Жигулин. – Село Подгорное, но существу, – главная моя родина. Дело в том, что родился я в Воронеже случайно и раньше

времени, восьмимесячным. Мать ездила из Подгорного хоронить мою бабушку, свою мать, умершую в последние дни 1929 года. От волнений и переживаний матери я и появился на свет раньше».

В 1937-м семья Жигулиных переехала на постоянное место жительства в город Воронеж. Здесь 11-летний школьник Толя Жигулин услышал известие о вероломном нападении фашистской Германии на нашу страну. Здесь испытал все тяготы военного времени: бомбежки, эвакуация, разлука с близкими, скитания по селам, холод и голод. Тяжелые впечатления военных лет позднее легли в основу его первых поэтических опытов и нашли отражение в дневнике писателя.

Первые стихи Анатолия Жигулина были опубликованы в многотиражке «Революционный страж» (орган политчасти УМВД по Воронежской области) 29 марта 1949 года. Стихотворение было посвящено родному городу и называлось «Два рассвета» («Тебя, Воронеж, помню в сорок третьем...»). 15 мая 1949 года воронежская областная газета «Коммуна» опубликовала стихотворение «Пушкинский томик» («Вот он, пушкинский томик...»). Следующей публикации начинающему поэту, по не зависящим от него причинам, пришлось ждать более пяти лет.

В октябре 1948 года Анатолий Жигулин вступил в ряды подпольной юношеской организации Коммунистическая партия молодежи (КПМ), ставившей перед собой задачу – восстановление ленинского облика партии и борьба с культом личности («обожествлением») Сталина. В сентябре 1949 года всех участников КПМ арестовали и после изнурительных допросов с применением физических мер воздействия приговорили к различным срокам заключения в исправительно-трудовых лагерях по печально знаменитой 58-й статье тогдашнего УК РСФСР.

Студент первого курса Воронежского лесотехнического института А. Жигулин чудом избежал высшей меры наказания (за стрельбу в портрет Сталина) и получил 10 лет лагерей. «Мотать» срок воронежскому юноше пришлось на лесоповалах в Сибири и на урановых рудниках Колымы. Спустя год после смерти «вождя всех времен и народов» А. В. Жигулин был освобожден по амнистии, в 1956 году – полностью реабилитирован.

«Встреча с Воронежем» – так называлось одно из самых первых стихотворений, написанных им на воле:

Об авторе: Колобов Владимир Васильевич, кандидат филологических наук, преподаватель кафедры связей с общественностью факультета журналистики Воронежского госуниверситета.

Вот переулочек у «Заставы».
Я много лет мечтал с тоской
К твоим булыжникам шершавым
Припасть небритую щекой.

О город юности бессонной!
Чем дышишь ты и чем живешь?
Быть может, в ватнике казенном
Меня теперь не узнаешь?

Я жил в тайге угрюмым зверем,
В глухих урановых горах...
Я знаю, Город, ты не верил,
Что я преступник или враг.

На Колыме в краю острожном,
В моих мечтах с тех давних пор
Зеленый твой бугор Острожный
Был выше всех колымских гор.
1954.

В марте 1962 года Анатолий Жигулин был принят в Союз писателей СССР. В 1963-м вышел в свет его первый «московский» сборник стихов – «Рельсы», который собрал множество положительных отзывов критики. В том же году Жигулин поступает на Высшие литературные курсы Союза писателей СССР и по семейным обстоятельствам (женитьба на выпускнице филологического факультета Воронежского университета И. В. Неустроевой, работавшей в то время в Государственной библиотеке им. В. И. Ленина в Москве) переезжает на постоянное место жительства в столицу.

Воронеж стал одной из главных тем дневника, который поэт вел на протяжении почти полувека – с 7 апреля 1954 года и до конца своей жизни, закончившейся 6 августа 2000 года.

Две страны, два Воронежа

Как человек, занимающийся не один год исследованием творчества и биографии поэта, беру на себя смелость и ответственность утверждать: для Анатолия Жигулина в послелагерный период жизни существовали два Воронежа. А по большому счету – и две страны.

Одна страна – это родина, которую он трепетно и бескорыстно любил. Которую был готов защищать до последней капли крови, как защищал родную землю его предок – участник Отечественной войны 1812 года, поэт-декабрист В. Ф. Раевский.

Этой стране Анатолий Жигулин посвятил самые лучшие и проникновенные строки.

Другая страна – это государство сего карательными органами – НКВД–МГБ–КГБ, сего все видящим и все слышащим партийно-советским аппаратом. Борьба с инакомыслием. Насажение коммунистической идеологии. Догматизм и оторванность правящей верхушки от нужд и чаяний народа...

Эту, чуждую ему, страну он всеми фибрами души ненавидел и не принимал до конца жизни.

Аналогичным было и его отношение к Воронежу. С одной стороны, он считал Воронеж духовной и физической колыбелью, нравственной и философской опорой. «Воронеж! Родина! Любовь!» – кто сегодня не знает эти слова, давно уже ставшие визитной карточкой города, своеобразным гимном малой родины?

И что ты там, судьба, городишь?!
Тебе вовек не сдамся я,
Пока на свете
Есть Воронеж –
Любовь и родина моя.

С другой стороны, с Воронежем у него был связан ряд неприятных или, как выражался сам Жигулин, травмирующих психику воспоминаний: арест, следствие, допросы, сломанная – в самом начале – жизнь... Видимо, не случайно именно в Воронеже в конце 1980-х годов сразу же после выхода в свет «Черных камней» началась травля поэта, едва не стоившая ему жизни. Более подробно об этом рассказывается в документальной книге «Жигулинский век» [2].

Такой город – официальный, чопорный, надменный – естественно, был ему чужд.

Приведу несколько дневниковых записей А. В. Жигулина, не требующих, на мой взгляд, особых комментариев.

«19 января 1969 года, воскресенье».

(...) Звонил сейчас отец из Воронежа. Рад – в воронежских книжных магазинах появилась моя книжка «Поле боя». Купил, говорит, 6 штук... Только и мечтаю – поехать в Воронеж, отдохнуть немного, увидеть родных и близких».

«Об окончании дня 24.VIII.1971 (записано утром 25.VIII.1971 г. в поезде «Воронеж–Москва»)».

Главное событие дня – ездили с мамой на улицу Авиационную, на Касаткину гору, как она раньше называлась. Семья Раевских жила там приблизительно до 1915 года. Дом, принадлежавший моей прабабушке, сохранился до сего времени. Она завещала его своей дочери – моей бабушке Марии Ивановне Раевской (урожденной Гавриловой). В этом доме и поселилась семья. Нынешний адрес дома – Мордовцев переулок, 6. (...) Сейчас дом разделен, одна половина сильно пострадала во время войны. Заходили в комнаты. По словам матери, все сохранилось по-прежнему – низкие потолки с выступающими балками, двери, печь, чулан, часть пола. Кажется, сохранилась даже одна из икон, но это предположение. Мать не была в своем родном доме лет 55.

Прошли по улицам в сторону реки. Район древний. Сохранилось много старых домов. Дом священника, красильня. А церковь Иоанна Богослова снесена. Один бурьян на кирпичках. Строят новую набережную, дымит электростанция. Вдали – в лесах – церковь Успения. Впервые в Воронеже восстанавливается в качестве памятника архитектуры одна из старинных церквей... Снова поднялись на

Касаткину гору. В стороне от Каменной лестницы нарвали для матери жирных лопухов (она их прикладывает к ногам – от отложения солей).

«27 марта 1976 года, суббота.»

Приехал днем от Неустроевых к родителям. У тещи хорошо, а у матери все-таки лучше...

(...) Сейчас вечер (22.20), отец давно уж спит, а мы с матерью беседуем. Вспоминаем былое, почти забытое.

Алексеевский монастырь – где-то писали – будут восстанавливать.

А разрушенная церковь под Касаткиной горой – это церковь Иоанна Богослова. У Каменного моста – церковь Спаса. Там Лерочку крестили во время войны. Церковь была обгоревшая, но работала, служила. Служила народу после освобождения города. Сейчас там какой-то склад.

Вспоминаю, что и от Митрофановского монастыря (позавчера мельком видел) сохранились какие-то маленькие церквушки и часовенки.

Сейчас на том месте, где был монастырь, стоит казенный, как тюрьма, четырехэтажный квадрат Университета. Главный корпус.

У самого берега на Гусиновке была еще церковь Взыскания погибших. Когда ее взрывали после войны, свершилось чудо: заблестели, засияли иконы на стенах.

Полагаю, это не просто легенда. От сотрясения упала поздняя закопченная штукатурка и открылась яркая ранняя роспись».

Сразу же после этих записей в дневнике А. В. Жигулина – текст нового стихотворения, только что навеянного разговорами с матерью:

*Упал снаряд, и совершилось чудо:
На опаленной порохов стеной
Возник в дыму неведомо откуда
Святой Георгий на лихом коне.*

*От сотрясения обнажилась фреска,
Упала штукатурка поздних лет, –
И он возник – торжественно и дерзко,
Как древний знак сражений и побед.*

*В сиянии возвышенного лика
Простер десницу грозную свою,
И острая карающая пика
Пронзила ядовитую змею.*

*А пулемет стучал в старинном храме,
И ладил ленту молодой солдат,
И трепетало яростное пламя,
И отступал безбожный супостат.*
1976

Воронежские воспоминания определили темы многих стихотворений А. В. Жигулина, сразу же ставших классикой: «Встреча с Воронежем», «На Острожном бугре», «Предок», «Отец», «Родина», «Воронеж!.. Родина! Любовь!», «Утиные дворики», «Кордон Песчаный», «Воспоминание о воро-

нежских садах», «Приехала мать из Воронежа...», «Ах, мама, мама! Как ты пела, мама...», «Я приеду к тебе, отец...», «Коршево» и других.

Дневник А. В. Жигулина дает уникальную возможность заглянуть в святая святых – творческую лабораторию поэта – и увидеть настоящее чудо: процесс рождения стихотворения. От замысла – до художественного воплощения мысли на бумагу...

Многие воспоминания и размышления А. В. Жигулина о малой родине, запечатленные на страницах писательского дневника, позднее вошли полностью или частично в текст повести «Черные камни», вызвавшей большой общественный резонанс.

«8 мая 1975 года, четверг.»

(...) И ещё событие дня: в «Известиях» указ о награждении г. Воронежа орденом Отечественной войны I степени. Конечно, Воронеж заслуживает звание города-героя. Как пишет в своей заметке В. Комов, «Более 200 дней и ночей... во фронтовом Воронеже шли ожесточенные бои». А Киев был сдан и освобожден без боя, но получил звание города-героя. Не только с людьми, но и с городами поступают несправедливо».

Сравним эту дневниковую запись с фрагментом повести «Черные камни»:

«Судьба часто бывает несправедлива не только к отдельным людям, но даже к целым городам и народам. Киев отдали без боя, но присвоили звание «Город-герой». Через Воронеж восемь месяцев проходила линия фронта, восемь месяцев шли тяжелые, упорные бои. Но Воронеж наградили лишь орденом Великой Отечественной войны. Почему? Наверное, наше областное руководство плохо хлопотало...» [3].

В этих искренних и эмоциональных строчках – любовь к родному городу, переживания и боль за его судьбу, вера в то, что справедливость рано или поздно восторжествует...

Справедливость, действительно, восторжествовала. Указом Президента Российской Федерации В. В. Путина от 16 февраля 2008 года Воронежу было присвоено почётное звание «Город воинской славы». Тем самым были отмечены мужество, стойкость и массовый героизм, проявленный защитниками города в Великой Отечественной войне. Но поэту не было суждено дожить до этого светлого дня...

«Мне понравились пародии Л. Кройчика...»

На страницах дневника А. В. Жигулина запечатлены его дружеские и многолетние отношения со многими воронежцами. В частности, с товарищами-капээмовцами Б. В. Батуевым, Ю. С. Киселевым, В. И. Радкевичем, Д. А. Буденным, И. В. Сидоровым, Н. М. Стародубцевым, И. П. Струковым и др. Часто упоминаются имена воронежских писателей, ученых, журналистов: В. А. Кораблин, В. Г. Гордейчев, Э. И. Пашнев, Г. Н. Троепольский, А. Т. Прасолов, В. И. Гусев, А. М. Абрамов.

В. М. Акаткин, О. Г. Ласунский, В. В. Будаков, А. Г. Пресман, В. Ф. Панкратов, Г. М. Умывакина, В. Г. Кулиничев, правозащитник В. И. Битюцкий.

С большой теплотой А. В. Жигулин пишет об известном воронежском ученом, писателе и публицисте, кумире многих поколений выпускников журфака ВГУ Л. Е. Кройчике. В течение многих лет Лев Ефремович был одним из организаторов и ведущих университетских Дней поэзии. По своей популярности Дни поэзии ВГУ в конце 50-х и 60-е годы прошлого столетия можно было вполне сравнить со знаменитыми литературными вечерами в Политехническом музее, в которых принимали участие Евгений Евтушенко, Андрей Вознесенский, Белла Ахмадулина, Булат Окуджава, Роберт Рождественский. В дневнике А. В. Жигулина подробно описывается его участие в нескольких Днях поэзии ВГУ. Прочитав строки о его впечатлениях от выступления Л. Е. Кройчика:

«26 марта 1959 года, четверг.

Коротко о вчерашнем вечере в ВГУ.

(...) Из всех стихов поэтов ВГУ мне понравились только некоторые пародии Л. Кройчика. Очень остроумно».

«25 марта 1976 года, четверг.

Очень трудный был день – день поэзии ВГУ, юбилейный – XX-й. (...) Вел вечер остроумный Кройчик».

Как свидетельствуют дневниковые записи, Л. Е. Кройчик несколько раз бывал в гостях у поэта и его семьи в уютной трехкомнатной квартире, расположенной в кооперативном писательском доме в Протопоповском (бывшем Безбожном) переулке столицы, брал у него интервью, которые затем публиковались в воронежских газетах. Неоднократно писал Лев Ефремович о Жигулине и после того, как поэт не стало. Вот, например его строки из заметки с тревожно-набатным заголовком «Нужна немедленная помощь»: «... В Москве бедствует вдова поэта Ирина Викторовна Жигулина. Выпускница филологического факультета университета, литературный критик. Дачу в Переделкине отбирают для еще живущего классика, государственная пенсия маленькая, сын Володя – по болезни – слабый помощник.

Двадцать лет назад Анатолий Жигулин посвятил жене знаменитые строки:

*Продли, Всевышний,
дни моей Ирины.
Без глаз ее душа моя пуста.
Я без нее –
как елка без вершины.
Я без нее –
как церковь без креста!*

Церкви без крестов стоят на Руси по сию пору – кого этим удивить! Грустно другое: мы так волнуемся, когда в дальних странах происходит что-то неприятное – наводнения, землетрясения, пожары. А тут вблизи страдает хороший человек – и хоть бы что!

(...) Нужен Жигулинский фонд, который помог бы установить памятник на могиле поэта, который собрал бы средства на памятник Жигулину в нашем городе, который дал бы возможность не вглядываться тревожно в завтрашний день вдове поэта Ирине Викторовне.

Создание такого фонда в Воронеже – первоочередная задача» [4].

«Как себя нам в жизни удержать...»

В лихие 90-е годы прошлого столетия А. В. Жигулин жил особенно бедно, практически – в нищете. В беседах с друзьями он не раз с горечью цитировал строки из стихотворения «В больничном саду» (1975), посвященного поэту Д. Голубкову: «...И стихи, к сожаленью, не кормят. Только поят, и то не всегда».

Нищенских пенсий Анатолия Владимировича и Ирины Викторовны Жигулиных не хватало даже на самое необходимое, а гонорары от публикаций были копеечными, да к тому же еще и редкими. После конфликта с властями из-за повести «Черные камни» его практически перестали печатать и в Москве, и в Воронеже. Последняя книга стихов «Летящие дни» вышла в 1989 году, последнее издание «Черных камней» – в 1996-м.

Анатолий Владимирович уже не отвечал на замечательные, прекрасные письма читателей, которые по-прежнему шли валом. Причина проста – не было денег на почтовые расходы. Даже профессора А. М. Абрамова не поздравил с 80-летием. Причина – та же.

– Вместо того чтобы послать телеграмму, пошел, купил хлеба, чтобы вместе с Ириной поесть с чаем, – горестно рассказывал поэт одному из воронежских журналистов.

Вот несколько характерных для того периода записей из дневника А. В. Жигулина.

«2.11.94, среда.

Приезжал В. Кулиничев. Привез посылочку из Воронежа – от себя, А. Сорокина, П. Новикова – колбасу воронежского завода, банку сардин, кажется, пачку чая и лимон. Очень меня это тронуло. Колбаса полукопченая, вкусная, как в годы застоя».

«4.11.94, пятница.

...Вечером снова был Вадим Кулиничев. Он приезжал за интервью к Старшинову. Ира их познакомила и все уст<р>оила. Принес Вадим еще два лимона и пачку чая – от Льва Кройчика. Они в Москве оба по каким-то университетским делам. Спасибо».

«17 мая 1994 года, вторник.

Тоска и жрать нечего. В доме нет ни копейки. И занять негде».

«9 декабря 1999 года, четверг.

Кончилась примерно неделя голодного времени. Ира получила наши с ней пенсии и купила еды».

И совсем безысходная – гибельно страшная – запись в жигулинском дневнике:

«7 июля 1993 года, среда.

Примирился с петлей. Раз нет пистолета, что делать. Единственное, что удерживает от самоубийства, – это сознание, что семья без моей пенсии окажется в бедственном положении. Да и хоронить дорого, тысяч двести надо. А у нас денег нет даже на хлеб».

В это трудное время Жигулиным помогали В. М. Акаткин, В. И. Битюцкий, В. Г. Кулиничев, О. Г. Ласунский, Л. Е. Кройчик, П. И. Новиков, А. В. Сорокин, другие воронежцы, сами не шибко богатые люди. Посылали в Москву деньги, продукты, дары садово-огородных участков. Тем самым спасая писателя и его семью от голода.

Став в 1992 году главным редактором «Молодого коммунара», я неоднократно обращался к Анатолию Владимировичу с просьбой прислать подборку новых стихов. Или разрешить опубликовать «старые». Гонорар, естественно, начисляли по наивысшей шкале. Хотя какой это гонорар – слезы...

В дневнике А. В. Жигулина, кстати, запечатлена наша с Александром Сорокиным отчаянная попытка издать в Воронеже повесть «Черные камни», к сожалению, закончившаяся неудачей из-за разразившегося в стране экономического кризиса.

«1 января 1996 года, понедельник.

<...> Позвонил я Эдику Пашневу. Поздравил <...> его с Новым годом. И пригласил зайти его к нам с Ирой. Никогда он у нас не был. Он радостно откликнулся и пришел с бутылкой отличной юбилейной «кристалловской» водки. Посмотрел, как мы живем. Вспомнили нашу воронежскую юность и молодость. Только двое мы остались в живых от всего нашего воронежского литературного поколения. Помянули хороших людей: В. Гордейчева, В. Семенова, Г. Троепольского и многих ушедших. <...> Подарил я Эдику две книги: «Черные камни» (КП) и «Летающие дни». Он высокого мнения о моем творчестве, о судьбе моей, о роли в ней Ирины. Вспомнили начало 60-х годов, когда Ирина спорила с задиристыми молодыми воронежскими поэтами. Кто-то (Олег Шевченко и др.) утверждал в 1961-м:

– Жигулин написал свои северные стихи и кончился.

– Ничего вы не понимаете, – отвечала Ира. – Жигулин только начинается!

И была права».

А. В. Жигулин умер 6 августа 2000 года после тяжелой и продолжительной болезни. Спустя полвека его настиг урановый рудник Бутугычаг. И не пощадил.

Похороны состоялись на Троекуровском кладбище (Кунцевский район столицы). По свидетельству очевидцев, они были скромными, как и сама земная жизнь поэта.

Память о замечательном поэте жива на его родной воронежской земле. Одна из городских улиц и библиотека семейного чтения № 9 на Левом берегу Воронежа, недалеко от того места, где в последние годы жили его родители и родители его супруги, носят имя А. В. Жигулина. На доме по адресу Студенческая, 32, где он жил до и после ареста, появилась мемориальная доска.

В марте 2015 года городская общественная комиссия по культурному наследию, рассмотрев обращение представителей литературных и научных кругов, среди которых был и автор этих строк, приняла единогласное решение – одобрить идею установки в Воронеже памятника А. В. Жигулину (после определения источников финансирования).

Хочется верить, что недалек тот день, когда поэт, совершив длительное и трудное путешествие, навсегда вернется в родной город, в котором когда-то начался его блистательный литературный путь. И займет заслуженное место на пьедестале, как это уже сделали его знаменитые земляки: А. В. Кольцов, И. С. Никитин, И. А. Бунин, А. П. Платонов, С. Я. Маршак...

2. Воронеж

Литература

1. Жигулин А. В. Дневниковые тетради и записные книжки // Фонд Воронежского областного литературного музея им. И. С. Никитина.

2. Колобов В. В. Жигулинский век: Документальная повесть. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр ВГУ, 2011. – 328 с.

[3]. Жигулин А. В. Черные камни : Автобиографическая повесть. – М. : Кн. палата, 1989. – 240 с.

4. Кройчик Л. Нужна немедленная помощь. – Воронежский курьер. – 2001. – 12 июля.

Виктор Руденко

Газета «Коммуна» на рубеже веков (1993-2016 гг.)

Издание газеты «Коммуна» на протяжении последних трех десятилетий – это, с одной стороны, эксперимент по выживаемости редакции региональной общественно-политической газеты в сложных экономических условиях, с другой – пример ответственной гражданской журналистики. В России немало примеров выпуска негосударственных региональных массовых периодических изданий, но примеры удачно с коммерческой точки зрения издания общественно-политических газет единичны.

Вехи истории

Газета «Коммуна» – старейшее периодическое издание Воронежской области. Дата ее основания 20 мая 1917 г. После некоторого перерыва, вызванного Октябрьским переворотом, а затем пребыванием в областном центре Белой армии, регулярный и бесперебойный выпуск газеты с 25 октября 1919 г. продолжается по сию пору. По своему характеру издание являлось органом партийной и советской власти, финансировалось из областного бюджета, а с выходом на прибыль в начале 1960-х гг. было переведено в ведение Управления делами ЦК КПСС.

С развалом СССР и утратой Компартией руководящей роли, в условиях новой российской государственности Воронежский областной комитет КПСС вышел из состава учредителей [1], а после упразднения Советов народных депутатов в регионах в 1993 г. [2] газета осталась и без учредителя в лице областного Совета. Хотя редакция продолжала оставаться государственным предприятием областного подчинения, по инициативе тогдашнего главного редактора газеты А. М. Наквасина удалось зарегистрировать в Министерстве печати и информации РФ средство массовой информации газету «Коммуна» с новыми учредителями в лице редакции как юрлица, областного Управления федеральной почтовой связи и Ассоциации экономического взаимодействия областей ЦЧР «Черноземье» [3].

Создалась коллизия: регистрационные документы на средство массовой информации были оформлены без ведома собственника предпри-

ятия, коим тогда являлся комитет по управлению имуществом области. Потребовались длительные переговоры с представителями администрации Воронежской области, чтобы был признан новый статус-кво издания. К чести главы администрации Воронежской области А. Я. Ковалева: он не стал чинить препятствий. Руководство редакции оперативно подготовило документы на регистрацию редакции как юридического лица в виде Общества с ограниченной ответственностью. Учредителями ООО выступили все сотрудники, занимавшие на тот момент журналистские должности, как того требовала ст. 20 Закона РФ «О средствах массовой информации» [4]. От прежнего собственника редакции не досталось никакого имущества, а редакционно-издательский корпус на ул. Лизюкова, 2 перешел от Управделами ЦК КПСС в федеральную собственность.

Так редакция «Коммуны» стала Обществом с ограниченной ответственностью и приняло на себя новые вызовы времени. Большие тиражи газеты требовали больших затрат. Начиная с 1990 г. росли цены на газетную бумагу, на типографские услуги, увеличивались налоги и другие отчисления. Из-за высокой арендной платы редакция в 1999 г. перешла в более компактное помещение на ул. Комиссаржевской, 4-а.

Все острее стала ощущаться нужда в дополнительных денежных средствах. Потребовалась большая работа по созданию собственной рекламной службы, специализации части сотрудников на поиске заказчиков рекламы, увеличению объемов и качества рекламных услуг, предоставляемых газетой. Было принято решение в порядке эксперимента учредить новые, еженедельные издания – сначала «Воронежскую неделю», потом «Коммуну-плюс» для малоимущих слоёв населения, дайджест «Коммуна-глобус» «Коммунуспорт». Пробовали выпускать рекламный вестник «Коробейник» и юмористический еженедельник «Коммуналка», другие издания.

Экономический кризис 1998 г. сильно урезал амбиции коллектива редакции. Стала очевидна бесперспективность многих дочерних изданий. Дефолт убедил в необходимости выпускать «Коммуну» не пять раз в неделю, а четыре. Стало понятным и то, что нет никакой пользы от продолжавших оставаться соучредителями газеты «Коммуна»

Об авторе: Руденко Виктор Григорьевич, главный редактор газеты «Коммуна», выпускник факультета журналистики Воронежского госуниверситета/

Управления федеральной почтовой связи и Ассоциации экономического взаимодействия областей ЦЧР «Черноземье». Ссылаясь на отсутствие в учредительном договоре от 15 декабря 1993 г. финансовых обязательств (это было правдой), и УФС, и Ассоциация отказались от какой-либо помощи редакции. Положение усугублялось и тем, что УФС являлось государственным учреждением, а согласно Избирательному законодательству СМИ, имевшие в учредителях юридических лиц с государственным участием, обязаны были на бесплатной основе публиковать агитационные материалы в период избирательных кампаний. Удалось добиться добровольного выхода УФС и Ассоциации из учредительства, пережить процедуру перерегистрации документов.

У «Коммуны» в постсоветское время не всегда складывались «дружественные» отношения с областной властью. Газета могла себе позволить многое из того, на что не осмеливались другие издания. Но тем не менее, в администрации области, в областной Думе всегда признавали авторитет газеты, положительно оценивали её важную роль в общественно-политической и народнохозяйственной жизни области. Даже в условиях противостояния между властью и редакцией в начале девяностых годов губернатор А. Я. Ковалёв подписал с главным редактором договор о публикации в «Коммуне» законодательных актов на платной основе. Договор с экономической точки зрения оказался выгодным. Статус публикатора официальных документов (в их число входили постановления, распоряжения самой администрации и законы областной Думы) сохранялся и при других губернаторах до тех пор, пока в 2007 г. не были внесены изменения в областной закон, лишившие «Коммуну» этой возможности, а право печатать документы делегировали государственным газетам «Молодой коммунар» и «Воронежский курьер».

«Коммуна» – не единственная из ряда изданий бывшего партийно-советского профиля, чьи журналистские коллективы в начале девяностых годов выбрали путь независимости от властных структур и, опираясь на собственные силы и поддержку читателей, пережили период становления «дикого капитализм» в России и с разной степенью успешности продолжают свою деятельность в наши дни. Опыт таких изданий бесценен. Он оказался трудным. Не раз и не два возникали в коллективе дискуссии: верен ли был выбор, может, разумнее было бы уйти под крыло власти? Но, как считает бывший главный редактор «Коммуны» В. И. Жихарев, «свобода стоит того, чтобы ею дорожить...» [5].

Медиабизнес в России, наверное, единственный вид бизнеса, где продолжает существовать неравенство между участниками рыночных отношений. Большая доля государства на рынке прессы негативно сказывается на его развитии. Здесь совершенно не работает законодательство о защите конкуренции. Государственные издания имеют явные преимущества перед негосударственными,

живущими исключительно за счет своих доходов. Хотя последние являются не меньшими патриотами своей страны, чем государственные; исправно платят налоги, предоставляют рабочие места.

Иногда пугают: мол, пресса, дай ей волю, будет расшатывать мифическую «лодку», превратится в «желтую» и т. д. Но мы видим, что в регионах вырос новый читатель, ждущий от прессы качественных текстов, доброй новости, заступничества, уважительного отношения к себе. В очень многих странах давно нет государственных газет, но и «лодки» там спокойно плывут.

Но правда жизни в нынешний исторический момент заключается и в том, что без экономической поддержки государства в условиях длящегося уже несколько лет финансово-экономического кризиса не смогут выжить ни государственные, ни частные издания. Слишком уж мала «кормовая база» для средств массовой информации.

Газета и власть

Изменения в составе учредителей, формы собственности не привели к существенным изменениям редакционной политики газеты «Коммуна», которая всегда сводилась к взвешенному взгляду на происходящие в обществе процессы, стремлению избегать крайностей во всем.

Отношения с властями (региональными, муниципальными) редакции газеты «Коммуна» всегда пыталась строить на конструктивной основе. Чаще всего это удавалось. У редакции всегда имелась своя позиция по принципиальным вопросам. Иногда она была близка к позиции органов власти, иногда – нет.

Аудитория общественно-политической газеты, по нашим наблюдениям, лояльна власти, и резкое изменение позиций редакции (резкая критика власти) не нашло бы поддержки у читателей и привело бы к их потере. Редакция газеты «Коммуна» изучала опыт своих коллег из других региональных изданий, в том числе негативный, и пришла к выводу, что поворот в сторону сугубо либеральной позиции привел бы к потере части читателей.

Газета и читательская аудитория

Отличительная особенность аудитории газеты «Коммуна» – ее высокая активность и преданность любимому изданию. В советское время в своей массе читатели были приверженцами коммунистической идеологии. В начале 90-х годов, когда рушились устои «старого мира», очень важным для редакции было сохранить подписчиков. Для этого пришлось формировать содержание газеты таким образом, чтобы постепенно приучить их к новым житейским обстоятельствам.

Читатели привлекались в качестве советчиков при решении каких-то принципиальных вопросов развития газеты. В 1992 г. благодаря поддержке читателей удалось, несмотря на административное давление, отстоять имя газеты. В 2013 г. редакция

предприняла попытку перейти на формат D2 («берлинер»). Был проведен опрос читателей, выпущены несколько номеров в новом формате. Но в итоге от идеи пришлось отказаться, так как это грозило потерей части читателей.

В диалоге с массовым читателем газета избрала принцип максимальной обращенности к нему, с представителями творческих союзов, интеллигенции – особое избирательное отношение. Редакционная позиция, выражавшаяся в критическом отношении к проводимым властями реформам, не раз вызывала неприятие отдельных сообществ, что вызывало порой жалобы-апелляции к власти на газету.

Газета и профессиональное сообщество

В 90-е годы и в первое десятилетие XXI века редакция газеты «Коммуна» в целом и отдельные её представители регулярно участвовали во всероссийских медийных форумах, проводимых Союзом журналистов России, Агентством «Вся Россия», Союзом издателей и распространителей печатной продукции России. Экспозиция «Коммуны» многократно присутствовала во Всероссийском выставочном Центре в рамках проходивших там Международных и отечественных выставок «Пресса». На всех этих форумах «Коммуна» получала признание в виде главных и почётных призов и премий, дипломов, грамот, благодарственных писем. Во всем этом видится признание верности традициям, заложенным поколениями «коммуновцев» в предвоенные и послевоенные годы, когда газета участвовала во Всесоюзных выставках на ВДНХ, а её заслуги в 1967 г. были отмечены орденом Трудового Красного знамени.

Уже почти два десятилетия существует в России АРС-ПРЕСС (Альянс региональных средств массовой информации). Эта некоммерческая организация, где исполнительным директором С. Б. Дубинская, играет полезную роль в организации обмена опытом между редакционными коллективами, организует с этой же целью интересные и познавательные поездки в зарубежье, выступает ходатаем перед министерствами и ведомствами в Москве, когда надо отстоять законные права и интересы журналистов провинциальных СМИ.

«Коммуна» ежегодно признавалась лауреатом премии «Золотой фонд прессы» России с момента учреждения этого знака общественного признания (2007 год).

Членство «Коммуны» в двух организациях медиаотрасли – АРС-ПРЕСС и АНРИ (Ассоциация независимых региональных издателей) – сохраняется до сих пор и носит профессионально ориентированный характер.

Итак, история «Коммуны» последних трех десятков лет – это не только история, запечатленная на ее страницах, но это и история изменений в судьбе самой газеты. И если воспринимать происходящее с газетой как эксперимент – поскольку нет мастерских решений, пригодных на все случаи

жизни, – то он продолжается, и мы рассчитываем на его успех.

Главный итог последних трех десятков лет – на практике доказано, что в России могут существовать как коммерческие проекты региональные общественно-политические издания.

Заместитель министра связи и массовых коммуникаций РФ Алексей Волин как-то назвал такие движущие механизмы развития региональных медиа: «СМИ должны постоянно работать над контентом, подпиской, взаимодействовать с местными властями, делать свои издания востребованными. СМИ, применяющие современные и неординарные подходы в работе, могут конкурировать и выигрывать в этой борьбе на медийном поле даже у изданий с более высокими бюджетами» [6]. Собственно эту «формулу успеха» «Коммуна» и применяет все эти годы.

Наша справка

(Основные вехи в жизни «Коммуны»)

– 1990 год: выделение редакции газеты «Коммуна» из состава Издательства областного комитета КПСС «Коммуна» в самостоятельное хозяйственное предприятие при сохранении прежних учредителей в лице обкома КПСС, областного Совета народных депутатов и трудового коллектива.

– 1991 год: после событий 19 августа и последовавшего затем запрета Компартии газета лишилась учредителя в лице обкома КПСС.

– 1993 год: после событий 3 октября и роспуска Советов народных депутатов газета лишилась еще одного учредителя, досрочно прекратившего свои полномочия.

– 1993 год: в декабре газета «Коммуна» зарегистрирована в Министерстве печати РФ с учредителями в лице редакции газеты «Коммуна», Управления федеральной почтовой связи Воронежской области и Ассоциации экономического взаимодействия областей ЦЧР «Черноземье».

– 1994 год: издание нормативного акта – закона Воронежской области о том, что права официального публикатора законодательных актов возлагаются на газету «Коммуна».

– 1996 год: создание ООО «Редакция газеты «КОММУНА». Учредителями Общества выступили 27 журналистов, работавшие в редакции на штатной основе.

– 1996–2010 годы: начало издания в новом формате газеты «Воронежская неделя», запуск новых проектов – газет «Коммуна-плюс», «Коммуна-глобус», «Коммуна-спорт», «Коммуна-реклама», «Коробейник», «Коммуналка», «Житейские истории для Вас», радиопрограммы «Любимый город», журнала «Кольцовский сквер», альманаха «Библиотека газеты «Коммуна».

– 1998 год: переход с пятиразового выхода газеты «Коммуна» на четырехразовый.

– 2001 год: запуск Информационного портала Воронежа и Воронежской области www.kommuna.ru.

– 2003–2010 годы: выпуск в качестве вкладки в газету «Коммуна» проекта по освещению деятельности депутатов Воронежской областной думы «Областная дума». Проект интересен тем, что на региональном уровне была предпринята попытка постоянного и системного освещения деятельности представительного органа власти.

– 2004 год: прекращение выпуска издания «Коммуна-спорт», единственным проектом из 90-х остается газета «Коммуна-плюс».

– 2006 год: вносятся изменение в областной закон, и «Коммуна» лишается права быть официальным публикатором законодательных актов, это право делегируется государственным газетам «Молодой коммунар» и «Воронежский курьер» (Распоряжение администрации Воронежской области №1942-р от 20.07.2006г. «О средствах массовой информации, осуществляющих опубликование нормативных правовых актов органов государственной власти Воронежской области». – Архив редакции газеты «Коммуна»).

– 2010 год: регистрация Информационного портала Воронежской области в сети Интернет в качестве электронного периодического издания «Коммуна»;

– 2010 год: группа журналистов «Коммуны» стала лауреатом премии Правительства РФ в области СМИ (Распоряжение от 27 ноября 2010г. №2096-р «О присуждении премий Правительства Российской Федерации 2010 года в области печатных средств массовой информации». – <http://minsvyaz.ru/ru/documents/3177/>).

– 2013 год: переход с 1 июля с четырехразового на трехразовый выпуск «Коммуны»; эксперименты с форматом – попытка перейти на формат D2 «берлинер».

– 2015 год: серьезная оптимизация затрат организации, приостановление выпуска газеты «Воронежская неделя» (Павлов А. Воронежские СМИ: потери и приобретения. 24.06.2015. – <http://www.gipp.ru/oropnews.php?id=54171>).

– 2016: переход с 1 января с трехразового на двухразовый выпуск газеты «Коммуна», с 1 марта – смена места расположения редакции.

г. Воронеж

Литература

1. Решение Президиума Воронежского областного Совета народных депутатов «Об уставе редакции и программе деятельности общественно-политической газеты «Коммуна». 6 декабря 1991 года // Архив редакции газеты «Коммуна».

2. Договор об учреждении газеты «Коммуна». Воронеж, 15 декабря 1993 года // Архив редакции газеты «Коммуна».

3. Свидетельство о регистрации средства массовой информации, № 012249 от 17 декабря 1993 года // Архив редакции газеты «Коммуна».

4. Закон РФ от 27.12.1991 N 2124-1 (ред. от 03.07.2016) «О средствах массовой информации».

5. Жихарев В. Свобода стоит того, чтобы ею дорожить / В. Жихарев // Журналист. – 2004. – № 12. – С. 21.

6. Алексей Волин назвал главные факторы развития региональных СМИ. 12.11.2015. – <http://minsvyaz.ru/ru/events/34305/> (даба обращения 5.12.16).

Мурат Темиров

От Обамы к Трампу: бифуркация Восточной Европы

В Чехии спокойно наблюдали за заокеанскими электоральными страстями – перефразируя начало великого романа Ярослава Гашека, реакцию местных медиа на шоковый итог американского президентского дерби можно описать так: «Избрали, значит, Трампа-то нашего». Страна это маленькая, население в основном по-швейковски здравомыслящее, и все понимают, что кто бы ни стал хозяином белого дома, все важные вопросы местное правительство будет по-прежнему согласовывать с резиденцией американского посла на Бубенече (район Праги, где расположены дипломатические миссии). Недаром ведь ныне упокоившийся лидер кубинской революции в одной из своих речей называл восточноевропейские страны «троянским конём Америки в Европе». И в этом смысле на европейском треке мало что изменится – чешский президент Земан вместе с коллегами по лагерю евроскептиков словацким Фицо и венгерским Орбаном будут фрондировать в адрес Брюсселя, при этом их страны останутся основными получателями европейского финансирования по самым разнообразным программам.

Мало кто из евроскептиков ведь упоминает, что в «новых» странах ЕС помощь из Брюсселя значительно подняла социальные стандарты – всякие пособия и другую помощь от государства получает здесь большинство населения. Поощряется рождаемость, растут пенсии и субсидии различным социальным группам – всё это происходит при участии европейских финансов, так как социальная защита в союзе должна быть примерно на одном уровне, чтобы не поощрять внутреннюю нетрудовую миграцию (в отличие от трудовой миграции, одного из факторов роста европейской экономики). Большие инфраструктурные проекты – строительство дорог, модернизация аэропортов, железнодорожных объектов (вокзалов, мостов) и подвижного состава – тоже проводятся при существенном финансовом участии ЕС-овских структур.

Но в Чехии и некоторых других «новых членах» союза, ещё со времён империи Габсбургов сильны традиции фронды, да оно и понятно: страна получила независимость после многове-

кового подчинения без малого сто лет назад, но и в этот период была сателлитом то одной системы, то другой. Такая фронда, впрочем, совсем не означает, что элиты и массы желают развала расширяемой ими системы, и нередко победа для них оказывается не меньшим сюрпризом, нежели для метрополии. Эти государства, по выражению Киссинджера, ввиду относительно короткого периода самостоятельной внешней политики ещё не определили своё место в мире, в силу чего нередко совершают ошибки: Первая Чехословацкая республика, к примеру, была любимым детищем Антанты, и так заигралась в этой роли, что когда Франция и Великобритания не моргнув продали её в Мюнхене нацистам, она оказалась не в силах себя защитить (хотя, например, СССР предлагал ей помощь в этом). Через всего три десятилетия – в 1968 году – ситуация в Чехословакии сложилась похожим образом, но к счастью не столь катастрофично: страна была витриной социализма, и тут допускались некоторые политические вольности, неприемлемые в других частях советского блока, чем и воспользовались определённые силы и что вызвало соответствующую реакцию со стороны Варшавского договора. Между прочим, те события дали повод Л. И. Брежневу выдвинуть доктрину «Ограниченного суверенитета», вполне успешно реализованную четверть века спустя в Европейском союзе. Что касается Польши, она склонна завышать свой международный вес, что часто приводит к откровенным провалам, и что так зримо проявилось в 1939 году, как в Чехословакии годом ранее. В наше время польские внешнеполитические амбиции выражаются в активном участии в различных авантюрных предприятиях за рубежом в рамках коалиции с США или операциях НАТО: Польша отправляет щедрые контингенты и не жалеет материально-технического обеспечения для них, рассчитывая видимо таким образом поднять свой авторитет в мире. У других восточноевропейских сателлитов – словаков с венграми – есть нерешённые и неразрешимые в процедурных рамках Евросоюза взаимные территориальные проблемы, к тому же венгры по итогам как первой, так и второй мировых войн чувствуют себя обделёнными с комплексом «проигравшей» страны. Что, кстати, объясняет их ресентимент в отношении Брюсселя: это только часть их недоволь-

Об авторе: Мурат Темиров, директор «Школы журналистики в Праге».

ства установившимся миропорядком, фантомные боли былого величия.

Таким образом, экономический движитель союза – разнообразие составных частей и значительная дифференциация по уровню развития – одновременно является источником его политических проблем. Это как получилось в СССР: начали выяснять, кто кого кормит – и всё развалилось.

Интересно будет наблюдать трансформации отношений союзников – США и ЕС – на двух главных направлениях, где до сих пор они выступали солидарно: это Украина и Ближний Восток. Относительно Украины новоизбранный президент Америки уже высказывался и успел продемонстрировать своё отстранённое отношение к этому вопросу, дав понять, что относит его исключительно к ведению европейских партнёров. Для ЕС Украина, конечно, наиболее уязвимый фронт – наряду с Балканами, и ещё неизвестно, справится ли союз с этим беспокойным краем в одиночку.

Другое дело – Ближний Восток. Тут идёт битва не только систем или идеологий, а настоящая война цивилизаций, стороны объявляют крестовые походы и джихады, и уступить здесь означало бы потерять лидерство в современном, и что ещё важнее – завтрашнем мире.

Европа устала подставляться, следуя в фарватере ближневосточной политики США (понятно, что рост террористических угроз напрямую связан с участием европейцев в ближневосточных мероприятиях старшего партнёра), и с удовольствием уступит все функции любому желающему их принять. Интересы Европы – в стабилизации региона, снижении миграционного давления и налаживании нормальных торговых связей. Зарабатывать на войне тут больше получается у США, да и то – с годами всё труднее это делать. Младшим же партнёрам достаются издержки, к тому же со временем растущие и не предусмотренные первоначальным планом.

Судя по заявлениям, Трамп намерен максимально снизить участие США в делах Ближнего Востока, оставив там единственным союзником сионистское образование и на этом строить, соответственно, свою региональную политику: позиция уязвимая, ибо только балансом и медиаторством обеспечивалось доминирование в этом наиболее сложном регионе мира. Таким образом, у России появляется шанс занять место арбитра, что резко повысит её международно-политический вес, но неизбежно повлечёт значительный рост затрат и рисков: например, не далее как 16 ноября Израиль проголосовал за резолюцию комитета по правам человека ООН, признающую Россию государством-оккупантом (резолюция была поставлена на голосование Украиной). Данный шаг обозначил растущее напряжение в отношениях двух стран: Израиль выражал недовольство размещением российского ЗРК в Тартусе, из-за чего израильским лётчикам стало невозможно практиковать полёты, бывшие ими последние годы «слетать в Сирию

побомбиться». Израильские власти пошли на обострение по крымскому вопросу несмотря на то, что буквально в канун голосования по «оккупации» председатель правительства РФ был с официальным визитом в еврейском государстве и даже решился на беспрецедентный шаг – посетил резиденцию премьер-министра Нетаньяху в Иерусалиме: ни один представитель российской власти до того не позволял себе таких вольностей, ибо РФ, как и большинство государств мира, не признаёт суверенитет Израиля над Иерусалимом, и позиция России в этом отношении была преемственна и последовательна в течение почти полувека – с тех пор, как Израиль оккупировал Западный берег, что поддерживало авторитет РФ в отношениях с арабскими партнёрами. Несмотря на столь откровенный демарш Д. А. Медведева, Израиль занял откровенно антироссийскую позицию в столь чувствительном для неё крымском вопросе.

Заметим в скобках, что являясь опорной частью навязанной России дихотомии «либералы-консерваторы», Дмитрий Анатольевич вообще довольно часто позволяет себе внешнеполитические вольности, идущие вразрез с российской дипломатической традицией: достаточно вспомнить срыв поставок систем С-300 Ирану, вызвавший негодование ключевого союзника в регионе, или поддержка свержения Каддафи, незадолго до того лично получавшего заверения в дружбе от тогдашнего хозяина Кремля: многим ещё памятно, как М. С. Горбачёв приветствовал свергавших Чаушеску оппозиционеров и чем это закончилось.

Теперь к новостям с информационных фронтов. Видимо, и тут европейским партнёрам США придётся самим продолжать начатую ими совместно политику конфронтации – во всяком случае, им переходит ведущая роль в этом каверзном и хлопотном деле: как известно, на минувшей неделе Европарламент принял польскую резолюцию о противодействии российской пропаганде, и хотя документ не имеет обязывающей силы, видимо им дело не ограничится. Пока непонятно, как это будет воплощаться методологически и в техническом плане, но многочисленные грантополучатели уже вовсю строчат проекты и перевёртывают бюджеты на следующий год. Говорят, появилось некое американское приложение, распознающее материалы российских СМИ пропагандистского свойства и маркирующее их соответствующим клеймом – но то ли ещё будет. До глушения эфира и блокировки сайтов дело пока не дошло (если не считать сайт агентства Sputnik в Латвии), хотя созданная в советские времена в братских странах сеть джаминговых станций («глушилок») продолжает существовать и, по слухам, содержится в исправном состоянии. Что касается одного из главных рупоров былой «холодной войны» – радиостанции «Свобода/Свободная Европа», центральный офис которой теперь располагается в Праге, там тоже победа Трампа вызвала некоторое замешательство. Летом на радиостанции наконец появился «президент» –

высшее должностное лицо организации. Им стал Томас Кент, характеризующийся среди прочего как «специалист по российским медиа», что должно задавать тематическую направленность в контексте «контрпропаганды». Здешние – «свободовские» – доморощенные эксперты были уверены в победе демократического кандидата и загодя к ней готовились (об этом я писал в следующем материале на данную тему: <https://regnum.ru/news/polit/2152711.html>). И сама мадам Клинтон благоволит “Radio Free Europe/Radio Liberty”, называя её Smart power – «умной силой», а в должности госсекретаря лично посещала её штаб-квартиру в Праге (фотоотчёт об этом визите – здесь: <http://www.rferl.org/a/1831926.html>). Поэтому новости 9 ноября вызвали тут настоящий шок, повлекший немедленные последствия в вещательной политике: например, все последние месяцы активно готовился запуск русскоязычного ресурса для Центральной Азии, в это было вложено много организационных сил и средств; но после известий об избрании Трампа данная подготовка была сразу прекращена. Создание чеченского вещания на базе бывшего Северокавказского – ещё одна инициатива местного пражского менеджмента, о которой до сих пор не ведаёт вашингтонское начальство – тоже теперь оказалась неактуальной,

ибо явно рассчитывалась на эскалацию напряжённости в отношениях с Россией. Тут необходимо упомянуть, что Северокавказская служба «Свободы» открывалась специальным биллем конгресса, и в соответствующем законе прописаны ТРИ языка вещания – аварский, черкесский и чеченский. Поэтому такие манипуляции, когда закрывают две языковые редакции, чтобы оставить одну – чеченскую, являются сугубым самоуправством. Коллизия же в данном случае состоит в том, что в информационном смысле Дагестан для американцев представляет сегодня значительно больший интерес, чем Чечня: в Чечне ведь сейчас ничего не происходит – там Кадыров, а в Дагестане что ни день – или режим КТО, или спецоперация. Но внутренние интриги на «Свободе» победили здравый смысл и политическую целесообразность, и аварцев с черкесами прогоняют, оставляя чеченцев в качестве тарана для предполагавшихся будущих информационных батальонов...

В заключение уместно привести ещё одну цитату из упоминавшегося выше романа о бравом солдате Швейке, странным образом рифмующуюся с нашей беспокойной эпохой: «Если все люди станут заботиться только о благополучии других, то еще скорее переделутся между собой».

Олеся Фарберович Динамика развития научных исследований Германии и Израиля

(на основе сравнительно-тематического обзора журналов «Макс Планк Форшунг» и «Технион» за 2010 г. и 2015 г.)

Аннотация: в статье говорится о том, как научная журналистика с помощью релятивистского метода сравнивает и характеризует достижения немецкой и израильской научных школ, работающих на стыке наук с учетом 5-летнего интервала в области нанотехнологий и молекулярной биологии и генетики.

В информационном пространстве нынешнего столетия научная журналистика не просто стремится раскрыть популярные темы науки, представить мнение экспертов, поддержать общественное доверие к исследованиям ученых, но и показать гарантии развития современного общества в рамках достижений мировых научных школ. Релятивистский метод, основанный на сравнении результатов передовых школ (заявленный автором статьи в журнале *Eastern European Scientific Journal*¹) помогает выявить актуальность междисциплинарных исследований и систему научного мировоззрения.

Сегодня Германия и Израиль – страны-лидеры мировой науки и высоких технологий. Активная научно-исследовательская база и целевая финансовая поддержка позволили немецким и израильским ученым не просто быть в числе первых, но и стать показателем свершения научных открытий и внедрения новаторства.

Особенности израильской экономической модели, вобравшей в себя черты переселенческих стран и милитаризации научного сектора, повлияли на формирование структуры современного научно-технического комплекса. История формирования израильского государства проходила на фоне войн и конфликтов с соседними странами, освоения засушливых, не пригодных ранее для жизни, территорий, но на высоком подъеме сионизма репатриантов. Создание так называемых технологических инкубаторов послужило толчком для модернизации экономики и науки Израиля. Разви-

тие высокотехнологичной сферы было обусловлено военно-политической обстановкой, а лишь потом стало фундаментом для гражданской индустрии. Научно-техническое сотрудничество с другими странами только укрепило позиции израильского государства на международном рынке. «Разработка правительственной политики в области научных исследований и установление приоритетов в сфере ассигнований осуществляются Министерством науки, в обязанности которого входит поощрение и координация научных исследований и оптимальное использование национального научного потенциала и научных кадров»².

Вторая половина 20-го столетия проходила и под знаком восстановления немецкой экономики и науки. Со временем хорошо оборудованная научная база, сотрудничество с промышленным сектором, государственное содействие, разнообразная сеть научных центров сформировали инновационную политику ФРГ. В настоящее время «Германия создала специальный инструмент поддержки инноваций – межведомственную хайтек-стратегию. В рамках научно-исследовательских проектов хайтек-стратегии был создан целый ряд инновационных разработок – от энергосберегающих LED-светильников до искусственных сердечных клапанов. Вначале хайтек-стратегия была нацелена на повышение рыночного потенциала конкретных технологических областей, но с 2010 г. она концентрируется на общественных потребностях в перспективных решениях и их реализации. В 2014 г. была одобрена новая версия хайтек-стратегии: она призвана поддержать исследователей в разработке новых перспективных тем и быстрой реализации интересных идей»³.

Огромную роль сыграли учебные и научно-исследовательские учреждения в освоении передовых методов науки двух стран. Технологический институт Технион в Хайфе, созданный до провозглашения государственного суверенитета Израиля, стал одним из первых источников знаний и возможностей инженерных дисциплин. Сегодня в Технионе 19 факультетов и сеть исследователь-

Об авторе: Олеся Фарберович, магистрант отделения «Международная журналистика» ИФЖиМКК Южного федерального университета.

ских центров. «In a country known as start-up nation, this is not the only university where students can bury themselves in robotics, engineering and computer science labs, but it is generally considered the best. When M.I.T. is mentioned in a movie showing in Israel – “American Pie”, for example – the Hebrew subtitle simply says “Technion»⁴, – отметила газета *The New York Times*. Важнейшим центром фундаментальных исследований Германии является научное общество Макса Планка, насчитывающее порядка 80 филиалов и добившееся по-настоящему революционных инноваций с момента основания 1948 г. Благодаря юридической автономии «ученые свободны в выборе темы исследования, изучают то, что хотят»⁵.

Наблюдая за ходом развития исследований немецкой и израильской научной школы (на примере Техниона и общества Макса Планка), осуществляется сравнительно-тематический анализ с временным интервалом пять лет. На рассмотренные были взяты выпускаемые сообществами научно-популярные журналы «Технион» и «Макс Планк Форшунг» за 2010 г. и 2015 г. С помощью релятивистского метода выявляется парадигма научных интересов, а также приоритеты и проблемы реализации научного потенциала Германии и Израиля. В качестве доминирующих направлений в указанных изданиях, следовательно, и в работе научных сообществ, выступают темы нанотехнологий, генетики и молекулярной биологии.

Итак, в журнале «Технион» за 2010 г. в среднем от 3 % до 8 % статей, посвященных развитию нанотехнологий, преимущественно в сфере квантовой физики, медицины, химии, биомедицинской инженерии. Некоторые тексты сопровождаются иллюстрациями (либо фото ученого) с пояснением и выходят под рубриками «Исследования/Разработки», «Новости», «Награды» в жанре интервью-портрета, информационной заметки, отчета. Наличие в текстах научной терминологии (например, оптическое волокно, диспергирование нанотрубки) предполагает знание основ научной информации. То есть аудитория «Техниона» – это, прежде всего, специалисты в области естественных наук, но также и продвинутый читатель, который следит за израильскими достижениями и интересуется развитием техники и новых технологий. Неоднократно пишут в журнале о сотрудничестве с учеными-коллегами из США и стран Европы в рамках совместного гранта.

Израильская научная школа рассказывает о результатах в реализации оптических компонентов в нанометровом масштабе, повышающих производительность компьютеров, о применении нанотехнологий при ранней диагностике раковых заболеваний, о разработке метода запутывания фотонов для создания квантового компьютера, о разработке графена и создании углеродных трубок.

В журнале «Макс Планк Форшунг» за 2010 г. материалы о нанотехнологиях размещены под рубриками «Перспективы», «Биология/Медицина», «Материалы/Технология», «Астрономия/Физика»

в жанре интервью-портрета, аналитической статьи, репортажа и варьируются от 1 % до 16 %. Тематика – квантовая физика, квантовая оптика, медицина, биоинформатика, химия, микробиология, геномная инженерия. Текст содержит глоссарий, поясняющий слова, (например, магнито-резонансная томография, суперпозиция, коллоиды). Инфографика и научная фотография – неотъемлемые атрибуты журналистского немецкого текста. В центре статьи – ученый крупным планом и его путь в науку. Цели и проблемы его экспериментов. Журналист популярно объясняет, каким образом происходят лабораторные испытания, и раскрывает научные факты на простых примерах. Раздел «Спектрум», включающий в себя информационные заметки-выдержки из статей авторитетных научных изданий, таких как *Nature*, *Nature Physics*, *Physical Review Letters*, *Science*, тоже затрагивает тему нанотехнологий.

Немецкая школа демонстрирует исследования Института квантовой оптики (Гархинг), Института исследования твердого тела (Штутгарт), Института коллоидов и поверхностных явлений (Постдам). Это наработки в квантовой физике – использование квантовых явлений для обработки информации; в спинтронике – открытие способа манипулирования намагниченностью отдельных атомов; в квантовой оптике – создание атома интерферометра с целью точно записать вращательное движение в самолете; в полимерных исследованиях – наночастицы отмечают пораженные ткани для точного выявления в компьютерной или в магнито-резонансной томографии, в медицине – метод исследования новых лекарственных препаратов и биологических материалов, в молекулярной биологии – изучение бактерий, производящих наночастицы.

Хотя нанотехнология как новая междисциплинарная область привлекает ученых и немецкой, и израильской школы, аспекты ее изучения различны. В «Технионе» «нано-» преобладает в статьях об экспериментах в сфере химии и биомедицинской инженерии. Издание «Макс Планк Форшунг» отражает преимущественно исследования в электронике, квантовой оптике, молекулярной биологии. Общими популярными темами обоих журналов стали – медицина и квантовая физика, которые активно развиваются на стыке смежных дисциплин.

В данном случае конвергенция обнаруживает нарождающееся явление междисциплинарности, распространяющееся в области нанотехнологий. Двигаясь в одном направлении, ученые разных школ параллельно изучают определенные аспекты одинаковых субъектов либо вырабатывают уникальную методику решения общеизвестной проблемы.

В журнале «Технион» за 2010 г. число статей, посвященных развитию генетики и геномной инженерии, варьируется от 3 % до 6 %. Тексты сопровождаются яркими иллюстрациями с пояснением

и выходят под рубриками «Исследования/Разработки», «Персональная колонка», «Новости», «Международные отношения» в жанре интервью-портрета, информационной заметки, отчета. В тексте используется научная терминология (например, генетическая карта, калобактерии). В журнале упоминается о научном соглашении между Японией и Израилем в области генной инженерии (создание клеток крови из эмбриональных стволовых клеток), о сотрудничестве с американскими коллегами по вопросу медицинской диагностики и биоинженерии.

Не столь многочисленные израильские исследования в области молекулярной биологии и генетики 2010 г. дают информацию о лабораторных испытаниях для ранней диагностики и лечения рака, о развитии инновационных продуктов в области биомедицины.

В журнале «Макс Планк Форшунг» за 2010 г. материалы об исследованиях в области генетики и молекулярной биологии размещены под рубриками «Биология/ Медицина», «Перспективы», «Окружающая среда и Климат» в жанре интервью-портрета, репортажа, информационной заметки, аналитической статьи. Число статей варьируется от 9 % до 23 %. Текст содержит глоссарий, поясняющий слова, (например, анаэробы, нуклеотиды, высокая способность секвенирования, ген яровизации, рекомбинация) или мини-статью, раскрывающую предысторию какого-то аспекта данной темы. Материалы сопровождаются широким иллюстративным рядом (используется макросъемка предмета изучения) и инфографикой. Все фотографии имеют пояснительный текст, носят информативный реалистичный характер, что способствует легкому восприятию материала. Раздел «Спектр», включает несколько заметок из журналов *Nature*, *Science Translational Medicine*, *Proceedings of the National Academy of Science*, *Early edition*, *Nature online*, *Cell Stem Cell*, *Cell*, *Current Biology*, касающихся темы генетики и молекулярной биологии.

В журнале «Макс Планк Форшунг» представлены разработки Института эволюционной антропологии (Лейпциг), Института молекулярной физиологии (Дортмунд), Института морской микробиологии (Бремен), Института селекции растений (Кельн), Института молекулярной биомедицины (Мюнстер) в сфере палеогенетики (работа по изучению ДНК мумий, секвенирование ДНК путем сравнения данных человеческого генома и генома шимпанзе, изучение генома, приводящего к деформации скелета) с целью понимания генетических секретов, также работы, направленные на создание чистых бактериологических культур бактерий, чтобы понять их функцию (для изучения аспектов деградации нефти). Подчеркивается общие проблемы работы ученых из разных стран над проектом генома человека (в частности, конкурентные проекты, и возникающие сложности изучения распавшегося от времени ДНК). Есть статьи, рассказывающие о поиске вирусных геномов с по-

мощью нового программного обеспечения, в котором участвуют специалисты информатики, эпидемиологи и геномики. Говорится о том, что ведутся эксперименты в генной инженерии (с помощью наночастиц, стимулирующих стволовые клетки, специалисты формируют здоровую ткань сердца; выявляют ген у растений, увеличивающих урожайность в сухих условиях). Подчеркивается, что для экспериментов разрешено использовать стволовые клетки животных, но результаты не могут быть применимы к человеку в силу его уникальности.

Предварительный итог тематического обзора научно-популярных изданий «Макс Планк Форшунг» и «Технион» за 2010 г. говорит об активном изучении приоритетных направлений. Молекулярная биология и генетика носят междисциплинарный характер и охватывают сферу медицины, фармацевтики, химии, физики, биологии. Немецкие и израильские специалисты, фокусируясь на молекулярных исследованиях, сосредотачиваются на охране здоровья и питания человека. Обозначенные в изданиях исследования в области генной инженерии, касаются их применения в медицине и сельском хозяйстве. Высокая стоимость израильских исследований в области генетики и молекулярной биологии привела к их количественному спаду. Экономический кризис 2000-2003 гг., а затем и мировой 2008-2009 гг., а также палестинский конфликт (начало интифады «Аль-Акса») – оказали негативное влияние. Это объясняет немногочисленные публикации на страницах «Техниона» в сфере молекулярной биологии в 2010 г. Коммерциализация научных исследований в этой области только развивается. Напротив, в сфере нанотехнологий наблюдается период расцвета, который совпал в общемировом бумом информационных технологий. Этому способствовал тот факт, что в сфере хай-тека в Израиле работают дипломированные специалисты смежных областей. Необычным источником научного потенциала выступает Армия обороны Израиля, где проходят элитную подготовку в сфере технологий. В Германии в этот период проводится политика прямых инвестиций в науку. А отдельные фонды федеральных земель располагают хорошей базой финансирования. Интерес к высоким технологиям в ФРГ обусловлен развитием промышленных отраслей – автомобилестроения, химической промышленности, производства электроники.

Пятилетний промежуток между 2010 г. и 2015 г. помогает проследить характер изменений мировых научных школ: концепции исследований, аспекты изучения, проявление междисциплинарности для установления закономерных явлений.

Итак, в журнале «Технион» за 2015 г. в среднем 10 % статей, посвященных развитию нанотехнологий, преимущественно в сфере медицины, химии, биологии. Тексты сопровождаются яркими иллюстрациями с пояснением и выходят под рубриками «Медицина/Технология», «Новости», «Люди/Исследования», «Инновации и изобретения»

в жанре репортажа, интервью-портрета, информационной заметки. Материалы носят фактографичный позитивный характер. Соблюден принцип осмысления данных науки. Как правило, сам ученый говорит о мотивации, целях и задачах своей работы, а также объясняет процесс лабораторных испытаний в доступной форме, но используя научную терминологию (например, инвазивная процедура, цисплатин, цитоплазма, наноскелеты). Очевидно, что текст рассчитан на подготовленного, критически мыслящего читателя. Акцентируется внимание на интеграции дисциплин. То есть цель журнала: не только научное информирование, но и создание коммуникации внутри научного сообщества между специалистами разных сфер деятельности. В журнале «Макс Планк Форшунг» за 2015 г. материалы о нанотехнологиях размещены под рубриками «Биология/Медицина», «Материалы/Технология», «Астрономия/Физика» также в жанре интервью-портрета, репортажа и занимают более 10 %. Тематика – квантовая физика, химия, биология. Текст содержит глоссарий, поясняющий слова, (например, кубит, тензорная сеть, молекулярно-лучевая эпитакия) или рубрику «К сведению». Есть инфографика и фотографии. Подчеркивается актуальность дифференцированных исследований в обществах Макса Планка. Благодаря передаче эмоций интервьюируемого, журналист создает в статье «эффект присутствия», что важно для восприятия массового читателя. Кроме того, в журнале есть раздел «Спектр», состоящий из информационных заметок-выдержек из статей авторитетных научных изданий, затрагивающих тему нанотехнологий, таких как *Nano Letters*, *Nature*, *Physical Review Letters*, *Science*.

Таким образом, немецкий и израильский журналы, рассказывая о работе ученых в области нанотехнологий разной направленности, дают срез современного состояния науки. В журнале «Технион» не просто говорится о важности развития нанотехнологий в Израиле, но и о возможности проведения междисциплинарных исследований на базе финансового обеспечения и высоких стандартов. Журнал «Макс Планк Форшунг» уделяет внимание перспективам инвестиций и свободы для долгосрочных проектов в Германии.

Приведенные данные демонстрируют активное изучение нанотехнологий немецкой и израильской научными школами. Конвергенция достигает высшей точки на стыке смежных наук с помощью междисциплинарных исследований (структурная биология, вирусология, биохимия, биофизика, кристаллография). В Институте нанотехнологий ведутся работы в медицинской и клинической области, успешно осуществляется поиск передовых технологий для хранения информации высокой плотности с использованием молекул ДНК (на реальном примере нано-Торы), идет борьба против ВИЧ в естественных условиях, ранняя диагностика рака, расшифровка эпигенетической динамики. Исследования немецкой школы пред-

ставлены работой Института биохимии, Института микроструктурной физики, Института науки о свете общества Макса Планка. Как правило, это разработки в спинтронике (а именно, нововведения для технологии хранения памяти), квантовой криптографии, биологии. Подчеркивается взаимовлияние таких дисциплин, как: квантовая физика, математика, квантовая теория информации, квантовая механика, спинтроника, физика магнитных явлений. Разница очевидна. Можно говорить о диаметрально противоположных интересах двух школ. Вектор немецкой науки направлен на разработку технических достижений в области нанотехнологий. Ведь исторически Германия опиралась на промышленность и машиностроение. В Израиле все исследования ориентированы в сторону развития медицины как базового элемента государственной политики.

Переходя к описанию другого направления науки, нужно понимать, что современная медицина и биология работают по интеграционным проектам. Генетика, объясняющая законы наследственности, объединившись с биохимией, образует новую научную область – молекулярную биологию. С помощью генной инженерии, одного из разделов молекулярной биологии, становится возможным лечение наследственных заболеваний, создание вакцин и высокоэффективных лекарств. Следует отметить, что и Германия, и Израиль активно проводят исследования в медицинской генетике. Но в ФРГ существует ограничение на законодательном уровне в области генной инженерии (например, запрет на импорт и исследование эмбриональных стволовых клеток)⁶. Впрочем, немецкие ученые понимают, что развитие молекулярной биологии невозможно без изучения этой дисциплины. Напротив, в Израиле внедрение разработок генной инженерии позволило занять лидирующие позиции на мировом рынке в аграрной сфере и вывести диагностику болезней на высокий уровень. В журнале «Технион» за 2015 г. число статей, посвященных развитию генетики и генной инженерии, варьируется от 5 % до 20 %. Тексты сопровождаются яркими иллюстрациями с пояснением и выходят под рубриками «Как делают науку?» «Выпускники», «Медицина/Технология» в жанре репортажа, интервью-портрета, информационной заметки. Со слов ученого читатель узнает о целях и задачах его работы, о результатах эксперимента. В тексте используется научная терминология (например, цитокинин, рибосомы, амидот). То есть ориентация на подготовленную аудиторию с базовыми знаниями по естественным наукам. Дискуссионный характер носят материалы, освещающие вопросы генной инженерии. Упоминается о некоторых возникающих сложностях по созданию совместных социально-научных проектов со странами Европы. В журнале «Макс Планк Форшунг» за 2015 г. нет статей о разработках генной инженерии. Материалы об исследованиях в области генетики размещены под рубриками «Материалы/Технология» и «Фо-

кус» также в жанре интервью-портрета, репортажа. Число статей варьируется от 1 % до 20 %. Текст содержит глоссарий, поясняющий слова, (например, глюкозилирование, нейраминидаза, клюкан) или рубрику «К сведению». Статьям сопутствует иллюстративный ряд и инфографика. Журналист «из-за плеча» наблюдает и описывает эксперименты ученых. Расширенное пояснение и наглядность способствуют легкому восприятию материала. Раздел «Спектр», включает в себя несколько заметок из журналов *Nature Materials*, *Nature Communication*, *Cell*, касающихся темы генетики и молекулярной биологии.

Следовательно, в журнале «Технион» актуализируется медицинская генетика, медицинская генная инженерия, инновационная сельскохозяйственная генная инженерия. Говорится о наличии высоких стандартов и сильного интерфейса между клиническими научными исследованиями. В журнале «Макс Планк Форшунг» больше внимание уделено изучению медицинской генетики как способу противостояния риску смертности, старости и генетическим заболеваниям. Акцентируется внимание на долгосрочность проектов и привлечение к структурным исследованиям специалистов из разных стран смежных областей (биохимии, паразитологии, инженерии, кристаллографии). В немецком и израильском журналах отсутствует информация о клонировании.

В данном случае выделяются следующие группы приоритетов научных школ. В Израиле используется генетический подход для лечения нарушений сердечного ритма, изучается механизм участия и остановки рибосом в болезни Альцгеймера, Паркинсона, рассеянного склероза (на стыке наук – компьютерная биология, экономика и фармакология). На уровне генной инженерии проводятся эффективные разработки для сельского хозяйства с целью прорыва в сфере сбережения воды, продуктов питания и энергоносителей (в частности, смоделирован генетический механизм снижения цитокинина, растительного гормона, отвечающего за продолжительность жизни растений). С помощью генной инженерии идет работа по выведению сортов с высокой устойчивостью к насекомым-вредителям. В Израиле такого рода работы находятся под контролем Департамента защиты и инспекционных услуг растений Министерства сельского хозяйства и развития сельских районов⁷. Примечательно, что израильские ученые акцентируют внимание на том, что важно информировать общественность о правильном понимании генной инженерии. Поскольку встает проблема доклинических испытаний новых медикаментов. Соответственно в немецкой школе область молекулярной биологии представлена разработками вакцин, основанной на сахаре, для предотвращения бактериальных инфекций (в частности, тропических, таких как, малярия, энцефалит). Изучение генома, протеома, глюкома составляют предмет фундаментального исследования (на стыке наук –

химия, биология, медицина, паразитология, кристаллография). Идут лабораторные наблюдения над белком FOXO, способного влиять на продолжительность жизни. То есть исследования в Израиле и Германии в области генетики и молекулярной биологии в большей степени ориентированы на медицину.

Резюмируя вышеизложенное, можно провести некую параллель между научными школами, опираясь на журналы «Макс Планк Форшунг» (Германия) и «Технион» (Израиль) за 2010 г. и 2015 г., отражающих доминирующие предметные исследования. Пятилетний временной интервал показал программу действий израильских и немецких ученых в области нанотехнологий и молекулярной биологии и генетики. Как правило, разработки находят практическое применение в промышленности и медицине. Но если интерес израильских ученых в 2010 г. лежал в области квантовой физики, медицины, биомедицинской инженерии, разработки графена, создания углеродных трубок, то вектор работы немецких ученых преимущественно был сосредоточен на квантовой оптике, спинтронике, медицине. Спустя 5 лет израильские ученые проявляют интерес к квантовой физике, но приоритеты их все же в сфере медицинской генетики. Германия продолжает развивать традиции квантовой физики и спинтроники, имеющих непосредственное отношение к развитию электроники, промышленности, автомобилестроения.

Социально-политические и экономические предпосылки становления государства Израиль и Германии явились главными причинами развития научных достижений, а уж они превратились в локомотив будущего развития и перспективы двух стран в мировом сообществе. Израильские разработки в нанотехнологиях связывает с медицинскими исследованиями и оборонной промышленностью. Эксперименты в сфере молекулярной биологии и генетики двух стран в основном относятся к агрокультуре и медицинским исследованиям (диагностика заболеваний человека и борьба с ними). Выявленные статьи об исследованиях в генной инженерии, как в 2010 г., так и в 2015 г. предусматривают проекты здравоохранения человека. В течение 5 лет остается открытым вопрос о правильном понимании достижений генной инженерии и права вмешательства в генетический аппарат человека. Материалы журналов «Макс Планк Форшунг» и «Технион» показали, что за 5 лет расширились границы прикладных наук на основе взаимовлияния разных предметов. Активно идет сотрудничество между специалистами разных стран. В целом картина научных открытий и экспериментов складывается в позитивном ключе, то есть составляет охрану жизнедеятельности современного человека.

Таким образом, сравнительно-тематический обзор научно-популярных журналов с помощью релятивистского метода показал, как изменились мировые научные задачи. Актуальный междис-

циплинарный подход на базе научного обмена достигает конвергенции – схождения достижений ученых в одной точке. Современная научная журналистика не просто популяризирует или просвещает аудиторию, демонстрируя новые возможности специалистов разных научных школ, а объединяет их результаты, показывает вклад в мировое научное пространство.

2. Ростов-на-Дону

Литература

1. Olesya V. Farberovich. Interpretation of Modern Achievements of Science in Science Journalism by a Relativistic Method (on Materials of Magazines «Max Plank Forshung» (Germany) and «Technion» (Israel)) / №2. – 2016. – Журнал "Eastern European Scientific Journal". – URL: <http://www.auris-verlag.de/index.html>
2. Еврейская электронная энциклопедия. – URL: <http://www.eleven.co.il/article/11747#01> Государство Израиль. Наука и высшее образование.
3. Факты о Германии. Передовые научные исследования. – URL: <https://www.tatsachen-ueber-deutschland.de/ru/peredovye-nauchnye-issledovaniya>
4. <http://www.nytimes.com/?action=click&contentCollection=Education%20Life®ion=TopBar&module=HomePageTitle&pgtype=article> The Technion: Israel's Hard Drive. By DANNA HARMAN APRIL 12, 2013. – The New York Times.
5. Дотянуться до Планка. – Российская газета. – 8 июня. – 2011. – URL: <https://rg.ru/2011/06/08/virzing.html>
6. Калиниченко П. А. Запрет клонирования человека в европейском праве / П. А. Калиниченко. – URL: http://eulaw.edu.ru/documents/articles/zapr_clon_chel.htm
7. <http://www.moag.gov.il/agri/English/Ministrys+Units/Plant+Protection+and+Inspection+Services>

«По пути к киоску газета рассыпается на биты и байты»: издатель Bild о монополии на информацию в цифровом мире

Издатель Bild Кай Дикманн уверен: чем больше у журналистов возможностей доставлять информацию, тем больше у них обязанностей перед читателями. СМИ нельзя ограничивать текстом и фото, когда любой пользователь может сам выйти в прямой эфир через фейсбук. О том, как превратить традиционное бумажное издание в digital-гиганта, Дикманн расскажет на конференции MediaMakers-2016, которая пройдет в Москве 30 ноября. В интервью «Теориям и практикам» он объяснил, чем посты в соцсетях отличаются от журналистских историй и может ли Snapchat заменить газетный киоск.

Цифровая эпоха существенно повлияла на средства массовой информации. Самое главное — то, что у нас всех сильно расширились возможности. К примеру, у газеты Bild, главным редактором которой я долго работал, основной задачей было рассказывать, что происходит, используя текст и фото. Но доступные нам способы генерировать и распространять информацию долгое время были довольно ограниченны. Теперь же мы имеем возможность делать все то же, но в режиме 24/7, в реальном времени, с прямыми эфирами, с видео — и даже в формате 360 градусов! Да ни когда прежде никто из вас не мог прочувствовать профессию журналиста в таком полном объеме! Это все очень захватывает. Новости стали объемными и всеобъемлющими.

Твиттер уже обо всем рассказал

С одной стороны, разумеется, с появлением социальных сетей крупные медиакомпании и издатели потеряли монополию на информацию, потеряли свое секретное оружие. Раньше ведь считалось, что только мы — издатели газет — обладаем этими волшебными печатными машинами, которые производят волшебные тексты, а телевизионщики считали, что только у них в их волшебных телестанциях и вышках есть допуск к эфиру и вещанию.

Сейчас для того, чтобы стать медиа, мне, грубо говоря, нужен смартфон за 250 евро и доступ к интернету. Пожалуй, все. Я — телеканал. Я — газета. Я — радио и это угодно. Другой вопрос, какого качества все это. Со сменой эпох стало окончательно ясно, что не в печатных прессах или телевывышках дело. Наша медийная суперспособность не в этом, а в том, чтобы рассказывать истории. Остальное — технологии и рынок.

Вспомним недавний крупный международный конфликт — попытку государственного переворота в Турции. Из каких источников мы получали самые свежие фотографии, сообщения с места событий? Из твиттера и фейсбука, в то время как крупнейшие телеканалы были зажаты в своей сетке вещания и работали как положено, от одного вечернего выпуска до другого.

Читателю нужны профессионалы

Социальные сети стали социальными медиа быстрее, чем мы все успели очнуться. Они нам полноправные конкуренты, но они же и наш актив. Не стоит думать, что пост в фейсбуке — это журналистская история. Мы все еще нуждаемся в редакции, когда речь идет об анализе и оценке основных событий. Нам все еще необходимо компетентно проверять, сколько в сообщениях правды. Эта часть журналистской работы — одна из сложнейших и дорогих. Часто все не так просто. Именно в этот момент читателю нужен профессионал. Да, читателю все еще нужны профессионалы. Когда у меня мучительно болит зуб, я иду к стоматологу, который учился много лет, имеет сертификат и долго практикует. Я, скорее всего, не пойду к студенту или, например, строителю, для которого чистка корневых каналов — хобби после работы. Зритель прочитает все ваши блоги, а потом пойдет на страницу профессионального издания с репутацией — проверить, так ли все то, о чем болтают в сети.

Как издатель, который работает в Германии, я не могу говорить за весь мир, конечно. Но я наблюдаю за моими коллегами и друзьями из других стран с большим уважением. Если я стану критиковать президента Германии, со мной ничего не случится — абсолютно ничего. А вот мои коллеги в других частях мира часто рискуют всем, когда критикуют своих президентов.

Текста бывает недостаточно

У нас в Германии есть расхожий термин *egg-laying-wool-milk-pig* — свинья, дающая шерсть и откладывающая яйца. То есть животное, которое делает все, чего в принципе могут ждать от скотины. Да, термин грубоватый. Нет, таких животных не бывает в природе.

Если серьезно — конечно, требования, которым современный журналист должен отвечать,

неуклонно растут. В старые времена, к примеру, мы, репортеры, отправлялись в командировку, скажем, в Москву. И исчезали на несколько дней. Нам здесь надо было найти нужный телефон, факс, письмо написать, ответа дожидаться. Порой нам помогали еще несколько коллег. Сейчас все не так. Мы должны постоянно генерировать информацию, добывать ее, а главное — доставлять все больше и больше. И чаще всего мы все делаем сами, у нас есть множество каналов, возможностей и, соответственно, обязанностей перед читателем.

Я не думаю, что журналисты должны быть одинаково хороши во всем, но они должны быть в курсе всего, что предлагает нам цифровой мир. Надо признать, что текста часто бывает недостаточно. В то время как у старшего поколения еще есть проблемы с диджитализацией всего на свете, молодое поколение уже обращается с цифровым миром играючи. Когда мы видим, например, что подростки вытворяют в *Snapchat* практически с завязанными глазами, у нас не остается вопросов — нам надо за ними успевать.

Кошка, которая застряла на дереве

Медийный бизнес не похож ни на какой другой. Мы с вами тут не бетоном торгуем, это понятно. Тем не менее и газеты, и журналы, и эфирное время на ТВ должны быть проданы. А то, что никому не интересно и на что никто не желает смотреть, как правило, не продается. Продавать нужно уметь. Но еще важнее — уметь делать ликвидный продукт.

Для меня очевидны две истины. Первая: цифровые технологии — это, по сути, дематериализация. По пути к киоску газета рассыпается на биты и байты, на единицы и нули. И да, мы уже почти не встречаем наших читателей у газетного киоска, наши молодые читатели почти не держат газет в руках. Они с нами там, в социальных каналах, — *Twitter*, *Snapchat*, *Instagram* и *Facebook*. Они в любом случае там. Вторая истина: бумажная пресса будет жить. И будет жить довольно долго. Она по-прежнему нужна крупным брендам, в частности таким, как *Bild*.

Что касается запросов аудитории, тут меняться будет немного. Я глубоко убежден в том, что люди всегда будут заинтересованы как в новостях глобальных, так и в локальных. И моим детям, и моим внукам будет одинаково важно узнать об убийстве слонов в Африке и о кошке, которая застряла на дереве в соседнем квартале. И еще неизвестно, какую из этих новостей они узнают первой.

Я провел год в Силиконовой долине. Одному я там точно научился: нельзя делать долгосрочные прогнозы о будущем. Но точно можно быть дерзким в своих предположениях и представлять, что произойти может самое невероятное. Кто из нас в 2001 году мог себе представить повсеместно айфоны, или видео с обзором 360 градусов, или дополненную реальность?

<http://theoryandpractice.ru/posts/14828-po-puti-k-kiosku-gazeta-rassypaetsya-na-bity-i-bayty-izdatel-bild-o-monopolii-na-informatsiyu-v-tsifrovom-mire>

Римма Адамова Создание знаменитой «Баксанской»

В свои студенческие годы я восхищалась песней со словами:

*Ты пришёл усталый из разведки,
Много пил и столько же молчал.*

*.....
Нам в боях роднее стали горы,
Не страшны метели и пурга.
Дан приказ – недолги были сборы
На разведку в логово врага.*

В песне говорилось о записке, оставленной разведчиками в горах Баксана для будущих поколений, и в ней было столько сурового мужества, теплоты разведчиков друг к другу, веры в победу!..

Недавно, благодаря интернету, я узнаю, что известны авторы этой песни. Оказывается, Юрий Визбор, будучи журналистом, установил историю ее создания, написал заметку в журнал «Кругозор», устроил специальный вечер, на котором выступила один из авторов Любовь Коротаева, которой и принадлежала идея оставить такую записку.

И вдруг такая удача! Разговариваю со старейшим инструктором по туризму в горах Домбая Ириной Павловной Утяковой, и она показывает фотографию трех мужественных и веселых молодых людей с автоматами наперевес на фоне высоких гор. «Это авторы “Баксанской”», – говорит она.

Оказывается, с Любовью Коротаевой у неё были тёплые отношения: принимала у себя в гостях, навещала её в Москве. И фотография подарена самой Любовью Коротаевой на одном из слётов альпинистов. На обороте надпись.

Я была бесконечно рада этой фотографии, аккуратно её пересняла. Со всем богатством интернета этой фотографии там нет. Видела её только в одном из документальных фильмов и то в очень плохом качестве.

Последние несколько лет я провожу лето в Баксанском ущелье, над которым горы буквально нависают. Там и расположен скалистый гребень, о котором говорится в песне. Я загорелась идеей найти место, где была сочинена эта песня. По рассказу Коротаевой это можно сделать, только придется расспрашивать местных жителей. Любовь Георгиевна рассказывала:

Лейтенанты Андрей Грязнов, Любовь Коротаева и Николай Персиянинов после выполнения задания по снятию фашистских флагов на Эльбрусе. Февраль, 1943 год.

«В декабре 1942 года, а точнее 31 декабря, мы, альпинисты 897 горно-стрелкового полка 242 стрелковой дивизии Андрей Грязнов, Ника Персиянинов, Саша Сергеев и я получили приказ выйти в разведку в Баксанское ущелье.

К рассвету мы добрались до кулуара между Малым Когутаем и Донгуз-Орунбаши. Стали подниматься по скалам на гребень. За один день подняться не удалось. Заночевали на скалах. А утром мы с Андреем, вооружившись пистолетами, гранатами и биноклем, в маскхалатах, полезли дальше. Скалы обледенели, взбираться было очень трудно, но часам к одиннадцати выбрались на гребень. Пролежали на нем неподвижно до сумерек, а затем начали спуск. Во время нашей «лежки» мы засекли огневые точки, следили за сменой караулов, за движением войск. А между делом сложили тур и написали записку.

Эту записку мы вместо запала вложили в гранату и оставили ее в туре. Между собой договорились, что после войны, кто из нас первым снимет записку, тот обязательно сообщит второму.

И вот в январе 1943 года мы двигались к Эльбрусу. На ночевку остановились в балкарском домике в селении Терскол. Ночью, несмотря на трудный переход, нам не хотелось спать. Мы вышли на балкон, отсюда открывалась чудесная панорама. Все горы были залиты лунным светом. Был виден и гребень, где мы оставили гранату. Андрей что-то тихо насвистывал, а затем пропел: «Помнишь гранату и записку в ней» А потом кто-то добавил: «На скалистом гребне для грядущих дней». И потом у нас такой энтузиазм сразу вдруг появился к сочинению. Что-то добавил подключившийся к нам Ника Персиянинов. К вечеру новую песню знал весь отряд».

Об авторе: Адамова Римма Сергеевна, кандидат физико-математических наук, доцент Воронежского университета.

Ирина Павловна Утякова, старейший инструктор по туризму в Домбае. Она провожала на маршруты Ю. Визбора, С. Михалкова, К. Симонова, Е. Тамма, ...

В другом месте приводятся ее слова:

«Пришло время. Нам приказали сорвать немецкие флаги. Начался путь из Приэльбрусья. Когда мы остановились в Итколе ночевать, то установили дежурство на веранде балкарского домика. Была чудная лунная ночь, и как раз из Иткола было очень хорошо видно гребень, на котором оставили мы гранату. Все вышли на балкон. Андрей Грязнов стал напевать про себя песню, а потом случайно у него сложились слова: «Помнишь гранату и записку в ней». А потом кто-то добавил: «На скалистом гребне для грядущих дней». И потом у нас такой энтузиазм сразу вдруг появился к сочинению, получилось что-то такое, и начали создавать...»

Вроде бы, во втором тексте все так точно описано – думала, схожу в Иткол, спрошу, вдруг остались в живых свидетели тех времен, скажут, где останавливались разведчики, или, на худой случай, установлю дом, где есть веранда или балкон, с которого хорошо виден этот гребень. Но вот беда, поселка Иткол теперь вообще нет. Во время депортации балкар в эти места переселились грузины, и дома этого поселка пожгли на топливо.

Но из беседы с местным жителем в поселке Терскол узнаю, что балкон в этих местах был в единственном доме в селении, которое сейчас называется Бадаево.

Балкарский дом с балконом в селении Бадаево

С сестрой, альпинисткой высшего класса, влюбленной в эти места, не раз делавшей восхождения на Эльбрус, идём в Терскол. Для неё это акклиматизация, месяц спустя она пойдёт на Казбек.

Смотрим на горы, но ни из бывшего Иткола, ни из Бадаево этот гребень не просматривается. Балкарец говорил про Терскол, что до войны там был единственный – большой, с верандой, сложенный из двадцатиметровых бревен – дом Кочкаровых. Его разобрали также во время депортации местных жителей при строительстве Высокотерского Геофизического института.

Идем к хозяину нового дома Кочкаровых, чемпиону страны по скоростному спуску Исмаилу Хасановичу. Просим помочь в наших поисках.

Он приносит альбом, изданный замечательными краеведами Кабардино-Балкарии Марией и Викторов Котляровыми. Угостив нас чаем и хитчинами, показывает фото старого дома на фоне той горы, что и по сей день возвышается за их домом.

На веранде – женщины за ткацким станком, среди них семилетний мальчик, отец Исмаила. Исмаил (великий скромник) мягко советует нам поговорить с отцом, но тот, правда, плохо себя чувствует. Скромник – потому, что при начале разговора на наш вопрос, имеет ли он какое либо отношение к спорту, альпинизму, он, замявшись, ответил: «Некоторое...», а про то, что отец встречал отряд с Коротаевой, когда те шли на Эльбрус снимать фашистские флаги и водружать наши, вообще промолчал.

Через несколько дней состоялся наш разговор с Хасаном Тахировичем Кочкаровым. В 1943 году ему было 12 лет.

Вот его рассказ:

«...Немцы ушли, остался только один. Вдруг началась сильная стрельба. Стреляли по трубе, и пули сыпались горохом в очаг. Стреляли с той стороны, где сейчас кафе "Ай". Отец бросился искать красное полотнище, не нашел. Взял белое полотно, и мы вышли из дома. Солдаты спустились, и мы пошли им навстречу. Они нас окружили со всех сторон. Винтовки держат наготове. Их было человек 15, среди них одна девушка.

Спрашивают, есть ли в селении немцы. Мы говорим: "Нет. Только один остался". "Ведите к нему". Немца обыска-

ли, стали допрашивать. Допрос вела Коротаева. Остальные молчали. Потом его отвели, заперли в сарае.

Отец развел костер, чтобы солдаты согрелись, обсушились: ведь шли по колено в снегу. Но они сначала вошли в дом, где Коротаева достала рацию, разложила ее на столшке (у нас был балкарский столик, невысокий, на трех ножках). Быстренько отстучала пи, пи,...пи и так же быстро убрала рацию. Высокая, красивая девушка, все ее слушались.

Потом отец предлагал для ночлега вещи из приданого се-стер: шкуры с весенней шерстью (они теплее, чем с осенней), другое. Они ото всего отказались: «Мы на своём».

Утром, часа в три, они ушли.

На этом месте раньше ничего не было – поляна, скот пасли. Наш прапрадед Аталык Кочкаров пришел сюда в 1853 году. Моему отцу было тогда 9 лет. Валили сосны. Дом построили из бревен по 20 метров длиной. Кто приходил с перевалов или шли на них, все останавливались в нашем доме».

Вот всё и прояснилось: Любовь Георгиевна в одном месте вместо названия Терскол употребила Иткол. Оговорка. Ведь 9 февраля отряд исполнял эту песню на «Приюте Одиннадцати», когда собрались все три группы, идущие на задание снять фашистские флаги и водрузить наши. Кочкаров встречал их, когда они впервые спустились с гор в Баксанское ущелье, значит, они не могли до этого быть в Итколе. Вышли они не на балкон, а на веранду этого дома. Веранда маленькая, но хорошо просматривается на снимке. 6 февраля песня была создана здесь, на веранде этого дома.

Как же была радостно удивлена, когда узнала, что Любовь Коротаева после окончания института работала на заводе СК-2 в Воронеже. 9 мая 2015 года с этой фотографией я прошла в Бессмертном полку по Воронежу.

А в августе 2016 года по моей просьбе сделали стенд для установки его около дома Кочкаровых.

Любовь Георгиевна Коротаева

Окончила МИТХТ в 1941 году, получив инженерную специальность химика-технолога. Во время учебы в институте возглавляла политмассовый сектор бюро ВЛКСМ курса. Тогда же провела большую

работу по организации альпинистской секции в институте.

В июне 1941 года была направлена по распределению на завод СК-2 в Воронеж на должность начальника отделения цеха № 3.

В августе 1941 года была избрана секретарем комсомольской организации цеха, входила в состав бюро РК ВЛКСМ Левобережного района Воронежа. Осенью 1941 года основные цеха завода были эвакуированы, и с начала декабря 1941 года по февраль 1942 года она работала секретарем Воронежского горкома ВЛКСМ по военной работе.

В конце февраля 1942 года была снова переведена на работу на завод СК-2 на должность технолога

цеха. Одновременно продолжала работать внештатным секретарём ГК ВЛКСМ по военной работе.

Неоднократно обращалась к командующему Воронежским фронтом маршалу Тимошенко с просьбой призвать ее в ряды Советской Армии.

При подходе фашистов к Воронежу была зачислена в состав партизанского отряда, откуда была откомандирована в Москву в ОМСБОН НКВД СССР.

1 июня 1942 года была зачислена курсантом радиороты школы МНС и специалистов ОМСБОН. По окончании школы в сентябре 1942 года по приказу Главнокомандующего была направлена в действующую армию в 897 горнострелковый полк 242 горнострелковой дивизии в качестве инструктора по альпинизму.

Находясь на службе в полку, Л. Г. Коротаева участвовала в разведках в тылу врага, в эвакуации раненых через перевал Донгуз-Орун, проводила бойцов через перевалы.

Из воспоминаний Павла Павловича Захарова (Москва):

«В 105-м Отдельном горно-стрелковом отряде проходила службу Любовь Коротаева, инструктор альпинизма, разведчица, горный проводник. Всеобщая любимица и требовательный лейтенант разведки, она наравне с бойцами-мужчинами исполняла свой воинский долг. К примеру, зимой 1942-1943 годов она более 40 раз водила группы бойцов через перевал Донгуз-Орун. Условия той зимы были предельно сложны: снег по пояс, переходы по 20-25 км. Служила она во взводе разведки, где командиром был лейтенант А. И. Николаев. Вместе с ним она неоднократно ходила в разведку, выполняя опасные и трудные боевые задания».

В Донецком музее боевой славы сохранилось письмо, в котором бывший ее командир Александр Иванович Николаев так рассказывает о ней:

«Дорогие друзья!

Вы просите меня рассказать о лейтенанте Любви Георгиевне. Обаятельная, небольшого роста, но сильная, любима поспорить, была бесстрашной разведчицей. К ее мнению мы все прислушивались, считались с ним. Она могла тогда найти удивительно точное решение очередной боевой задачи. У нее была мужская хватка.

Учила постоять за свое мнение, но главное надо помнить, что война – не праздник. А осень и предзимье 1942 года были особенно тяжелыми. Что скрывать, не все люди и тогда были железными, стальными. Но находились такие, что выдерживали неверие в нашу победу. Нет, они не были никудышними. Просто обстановка была в самом деле очень тяжелой. Перед нами стоял очень сильный враг. И он захватил уже пол-России. Не у всех нервы выдерживали. Некоторые уже стали сомневаться в нашей силе.

И тогда им на помощь приходила Любовь Георгиевна. Она не отделялась шуткой. Показное молодецество было ей чуждо. Разговор с колеблющимися бойцами вела только серьезно. Иногда без единой улыбки. Но умела говорить с людьми, у нее это получалось здорово.

И мне запомнилось самое главное – Любовь Георгиевна крепила веру бойцов в том, что они сильнее врага. По-моему, ее никто не уполномочивал проводить такие беседы – она их делала по собственной инициативе. Такую позицию ей подсказывала женская интуиция, но и прежде всего – логика бойца.

Нам всем тогда было тяжело, а ей тяжело вдвойне – и потому, что она женщина, и оттого, что ей приходилось тратить свою душевную энергию на других, чтобы поднять в них боевой дух. Что ей и удавалось.

Война – это события за событиями. Большинство фронтовиков редко помнит конкретно, что совершал тогда-то и тогда-то. Вся война отложилась в их памяти как одно большое сражение. Но мне навсегда запомнилась Любовь Коротаева, лейтенант, горный боец, не знающая что такое страх и всегда готовая прийти на помощь другим. Конкретно больше ничего не могу вспомнить. В памяти лишь остался образ бойца, женщины, бесстрашной разведчицы. Извините за неполноту рассказа. С уважением к Вам бывший командир взвода конной разведки лейтенант Александр Иванович Николаев».

В феврале 1943 года по приказу командующего Закавказским фронтом генерала армии Тюленева Л. Г. Коротаева участвовала в снятии фашистских штандартов с Эльбруса. 17 февраля 1943 года флаги были сняты и доставлены в штаб фронта. За участие в этой операции Любовь Георгиевна была награждена медалью «За отвагу».

Возглавлял эту операцию Александр Гусев, до войны сделавший зимнее восхождение на Эльбрус.

Он пишет:

«Альпинистов, пришедших из Сванетии, мы догнали на “Приюте Одиннадцати”. Они двигались двумя группами: одна, под руководством Н. А. Гусака через перевал Бечо, другая, возглавляемая А. И. Грязновым, через перевал Донгуз-Орун. В группе Грязнова находилась единственная девушка – отважная разведчица альпинистка Люба Коротаева. В составе нашей группы были также опытные альпинисты как Е. А. Белецкий, А. И. Сидоренко, Габриэль и Бекну Хергиани. Собрались в хижине, и только тут, присмотревшись друг к другу, заметили, как мы изменились, пройдя тяжелые испытания войны... Именно тогда в впервые услышал военную песню альпинистов».

Об этой операции Любовь Коротаева вспоминала так:

«От ударов ледорубов стонет ледник. Подъем все круче и круче. Бешено колотится сердце. С каждым шагом труднее дышать. Идем уже несколько часов, и, кажется, нет конца этой дороге в небо. Но вот седловина. Вершины словно совсем рядом. На Западной – часть ребят уже побывала. Сорвали фашистские штандарты... А нам шагать и шагать до другой вершины – Восточной. Два-три удара ледоруба, для передних зубьев “кошек” этого достаточно. Ветер в лицо. С грохотом близко прошла лавина. Команда – “зарубиться”. Несколько минут отдыха. И вот мы на вершине, безжизненной, закованной в ледяной панцирь. Обнялись, по-

здравили друг друга. И через миг затрепетало на ветру алое полотнище...».

В апреле 1943 года Коротаева вернулась в Москву, в радиошколу ОМСБОН, и была назначена помощником командира взвода. В июне 1943 года была направлена на выполнение специального задания за линию фронта.

С августа 1961 года и до конца жизни работала в Университете дружбы народов сначала ассистентом, а после защиты в 1963 году кандидатской диссертации – доцентом кафедры неорганической химии.

Скончалась в Москве 18 января 2000 года.

Похоронена на Ваганьковском кладбище в Москве.

Кто-то не дожил до Победы... Гвардии старший лейтенант Николай Персиянинов, комвзвода 6 отд. гв. разведроты 2-ой Воздушно-десантной Проскуровской дивизии погиб в бою 3 апреля 1945 года.

В его наградном листе сообщается об обстоятельствах его гибели:

«3.4.45 года т. Персиянинов, находясь в разведке в районе Блюшов мол впереди наступающих частей заметил пулемет противника, который наносил ураганный огонь по нашим боевым частям. Т. Персиянинов по личной инициативе подполз к пулемету пр-ка и бросил гранаты. Бросился на пулемет, уничтожив его, захватил пленного, и в этом неравном бою тов. Персиянинов погиб смертью храбрых. Т. Персиянинов достоин Правительственной награды, ордена Отечественной войны первой степени посмертно».

Л. Коротаева вспоминает о нём такими словами:

«Почти все были офицерами, почти все успели окончить до войны институты. Самому старшему из нас было 28 лет. Ребята эрудированные, начитанные. Ника Персиянинов мог, например, прочитать наизусть «Илиаду» Гомера».

Андрей Грязнов погиб в 1949 году во время сложных спасательных работ, исполняя обязанности начальника спасательного отряда. Пик Андрея Грязнова (4421 м) находится в Киргизском хребте на Тянь-Шане.

Поле войны, в 1956 году, гранату и записку случайно нашли альпинисты из института имени Баумана. Вот содержание записки:

«В дни, когда враг побежал под ударами Красной Армии, мы поднялись сюда – без веревок и палаток, в шубах и валенках – по суровым стенам Донгуз-Оруна, чтобы показать путь наступающим войскам. Коротаева, Грязнов, инструкторы альпинизма, 3.1.43 года».

Виктор Хорольский Этические и медицинские аспекты коммуникации в интернете

Аннотация. В эссе речь идет о нарушениях этики в сетевых сообщениях, свидетельствующих о нездоровой обстановке в массовых коммуникациях. Автор поставил эксперимент, вступив в заочное (сетевое) общение с неизвестными коммуникаторами (политика, выборы и т. п.), результатом чего стала мысль о распространении отклонений в стиле журналистских текстов, особенно тех, где обсуждаются острые темы.

Тимоти Бернейс-Ли, один из авторов проекта, известного ныне как Всемирная Паутина, человек, с чьим именем ассоциируются известные аббревиатуры URL, http, www и ряд других, отметил когда-то, что каждый человек в сети может быть один и один, но каждый имеет шанс стать центром огромного Интернет-содержания, виртуальные коллективы могут очень заметно влиять на реальную жизнь миллионов граждан. Безумие окружающего мира может быть уменьшено, а может быть и увеличено сетевыми сообществами, да и всей журналистской практикой. К сожалению, ситуация тревожная. Как пел В. Высоцкий, *ширится, растет заболевание...* Теоретики СМИ справедливо пишут о формировании психически неуравновешенных секторов аудитории при потреблении, а значит – при посредничестве массмедийной (в частности – рекламной) продукции, все громче говорят о нагнетании массовой истерии с помощью алармистских сюжетов, и, конечно же, нельзя забывать о роли и нехватке вежливости в коммуникативных актах, о дестабилизации многих неприличных слов в эпоху Интернета, когда доступ к коммуницированию получили миллионы неподготовленных пользователей персональными компьютерами. Еще более серьезна проблема нашей коллективной рецептивной адекватности. Иногда публика склонна вовсе не доверять СМИ, ссылаясь на обилие дезинформации или откровенной халтуры, а иногда ей не хватает здорового критицизма и сомнения в истинности чужого слова.

Слишком много в СМИ явно нездоровой риторики. То В. Жириновский, нагнетая конспироло-

гические настроения, призывает нанести превентивный удар по американским солдатам в Сирии, то генпрокурор Ю. Чайка, подыгрывая антиукраинским политикам, чьи речи в Госдуме напоминают часто об истерических выступлениях политиков в тоталитарных государствах 1930-х гг., вдруг выступает с заявлением о якобы предотвращенном перевороте, который-де готовил Правый сектор в Москве... А уж о сетевиках с их истероидными симптомами и говорить не приходится. Клинических случаев слишком много, чтобы не замечать сгустившийся над страной туман политического мракобесия, беспричинного шовинизма и православной «поповщины». Эксплуатируются самые низменные инстинкты масс. Это опасно. Поэтому наше рассмотрение проблем психического здоровья коммуникаторов с точки зрения здравого смысла и научной картины мира приобретает порой злободневную горячую актуальность.

Анализируя нарушение норм культуры общения, следует учитывать ненаказуемость большинства участников коммуникативных процессов, мы обсуждаем в большинстве случаев сугубо моральный аспект проблемы отклонения от нормы. Маниакальное лексическое неистовство ощутимо в языке СМИ уже давно, а юридических мер противодействия этому не выработано... Да и не надо торопиться и нервничать... Отдельные акты типа преследования за разжигание расовой розни крайне неубедительны, они не способствуют гармонизации дискурсов в обществе, поэтому лучше пока заниматься «теорией вопроса».

Размышляя над проблемой психического здоровья работников массмедийной сферы, а также изучая общественное мнение в сети, мы провели нехитрый эксперимент: в период с мая по октябрь 2016 года просмотрели дискуссии в Интернете на темы политического самоопределения масс: выборы, Украина, Сирия и т. п. Была выдвинута следующая гипотеза: часто причиной нарушения психологической и языковой этики является жажда экспрессивной, эмоциональной оценки происходящего, жажда самовыражения и самоутверждения, даже если участники спора анонимны. Журналисты принимают активное участие в блоггерской деятельности, регулярно читают и комментируют сетевые тексты, иногда они не прячут свои имена. По их примеру автор этих строк при-

Об авторе: Хорольский Виктор Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

нял участие в ряде дискуссий, не скрывая своего имени, адреса, профессии. Эмпирической базой данного эссе послужили сайты «Мир тесен» (<http://mirtesen.ru/>), особенно раздел peregosti.ru, а также сайт «Пульс планеты» (<http://puls-planeta.ru/>). Массмедиа штудировались в привычном режиме стандартной выборки, всего было изучено примерно три тысячи материалов. Никакой правки реплик коммуникаторов в данном эссе не осуществлялось, ошибки языка сохранены ради чистоты эксперимента. Отброшены многочисленные реплики, насквозь пронизанные матерной лексикой или вовсе абсурдные. Результаты трехмесячной коммуникативно-информационной игры повергли в состояние прострации. Но начнем с теории.

Вот что говорят медики: «Первая (основная) закономерность – показатели распространённости в России всех психических болезней за последние 45 лет выросли в 10 раз. По данным ВОЗ (2006), из 870 млн человек, проживающих в Европейском регионе, около 100 млн испытывают состояние тревоги и депрессии; свыше 21 млн страдают от расстройств, связанных с употреблением алкоголя; свыше 7 млн – болезнью Альцгеймера и другими видами деменции; около 4 млн – шизофренией; 4 млн – биполярными аффективными расстройствами и 4 млн – паническими расстройствами. Психические расстройства – вторая (после сердечно-сосудистых заболеваний) по значимости причина бремени болезней. На их долю выпадает 19,5% всех лет жизни, утраченных в результате инвалидности (DALYs – годы жизни, утраченные в связи с болезнью и преждевременной смертью). Депрессии, третьей по значимости причине, принадлежит 6,2% всех DALYs. На долю самоповреждений, одиннадцатой по значимости причины DALYs, – 2,2%, а на болезнь Альцгеймера и другие виды деменции, занимающие четырнадцатое место в списке причин, – 1,9% DALYs. По мере старения населения число людей с такими нарушениями будет, по-видимому, возрастать»¹.

Конечно, цифры пугают, но нельзя все отклонения от нормы считать признаком душевного расстройства. И. В. Гете справедливо писал о колебании между «нормальным» и «ненормальным» в поведении человека. Он отмечал, что нередко «ненормальное становится нормальным и наоборот»². Отталкиваясь от работ З. Фрейда, Г. Маркузе, В. Райха, К. Хорни, современные исследователи массовых психозов уделяют большое внимание патогенным факторам культуры, которая подавляет базовые инстинкты людей. Но всегда ли культура и общество повинны в поведении невротических личностей? И как реагировать на коммуникативную агрессию, нездоровые призывы, идиотизм предложений в Сети? Думается, сегодня важны открытые дискуссии по самым злободневным вопросам, свободный разговор в СМИ о демократии, патриотизме, ценностях и т. п. Важно обеспечить доступ всех желающих к общественному микрофону. Чего пока не наблюдается, у микрофон

очередь густая, и там пока вполне определенный круг людей.

В этой ситуации массмедиа выступают не только в качестве зеркала массового сознания, они играют роль законодателя мод, выполняя функцию нормотворческую, «законодательную». Это четвертая власть, управляющая социальными процессами, будучи примером для миллионов. Вот последний пример. Пропагандисты В. Соловьев, Д. Киселев и т. п. превратили свои телешоу в антижурналистское мифотворчество, которое, как правило, сопровождают истерические вопли «защитников земли русской». Смысл из их передач часто исчезал, нанятые ораторы, демонстрируя симптомы маниакально-депрессивного психоза, дружно захлопывали оппонентов, зрители почему-то с согласия организаторов закрикивали оппозиционных политиков, сами ведущие постоянно грубили, хамили и бессмысленно ерничили, что свидетельствовало о наличии признаков истерии, иногда биполярного аффективного расстройства, но при этом вполне осознанно и **всегда** защищали власть, делая вид, что защищают родину. Подобное раздвоение личности вызывало сочувствие, вопрос остался: кто за всю эту вакханалию ответит? Работники официальных каналов потеряли здравый смысл, возможно это головокружение от бешеных гонимых. Их язык был примером бескультурия и болезненного самомнения, он служил реализацией и формой липового казенного оптимизма. Отказ от реального обсуждения бед страны маскировался провинциальным шапкозакладничеством, непониманием кризиса, самодовольным менторством и дешевой школярской дидактикой.

Речетворчество в массмедиа всегда связано с языковыми нормами и их нарушением. Но есть отступление от стандарта, которые амбивалентны по своей моральной сути. Большинство кодексов журналистской профессии запрещают использовать ненормативную лексику, нецензурные слова, оскорбления в адрес конкретных людей. Однако в реальных условиях информационной войны подобных нарушений много, девиантный дискурс в Сети стал привычен, причем иногда возникает мысль о медицине, о душевном здоровье коммуникаторов. Запреты на употребление непристойных и шокирующих жестов, слов и выражений обычно сопровождаются рекомендациями заменять их эвфемизмами. Далее в отдельных случаях это прием будет использован при анализе слишком скабрёзных примеров.

Наиболее частые «сомнительные» слова, используемые в массмедиа, можно условно разделить на три категории:

А) «Разрешенные» (допустимые) неприличные слова и высказывания, нарушающие лингвистические нормы культурного общения, но не противоречащие морали большинства носителей языка (напр., козел, придурок, фразы типа «жирные морды избранных народа не радуют электорат»);

¹ См.: <http://ilive.com.ua/health/rasprostranennost-i-statistika-psihiicheskikh-zabolevaniy>

² Гете И. Максимумы и размышления / Избр. философские произведения. – М., 1964. – С. 318.

Б) Грубые выражения, запрещенные правилами речевого поведения, но используемые для экспрессивизации медийного дискурса в сети (эти слова встречаются в тексте данного эссе – в рассматриваемых цитатах);

В) Матерные (обсценные) слова и высказывания, запрещенные всюду, табуированные в любых ситуациях, но используемые по названным выше причинам (*иди на...или в...*). Эти слова исключены из данного научно-популярного текста, но, по самым скромным подсчетам, половина участников регулярно использовала их. И это легко проверить, пройдясь по нашим ссылкам.

Наиболее острые темы, обсуждаемые в Сети в последнее время, были вопросы выборов, причем вполне был ощутим признак массового маниакального бреда по поводу оппозиции, чувствовался он и в отношении к либералам. Одним из объектов нападок стал политик В. Рыжков, видный критик «Единой России»:

1). **Vladimir Kharchenko** В. Рыжков – психопат. Причем, тихий и завуалированный психопат. Может иногда прикинуться «патриотом» России. Он больной типаж. Но упорно лезет в Госдуму, как голодный таракан на кухню. В. Рыжков мнит из себя «спасителя» отечества. В чем заключается его программа «спасения». Эта программа опубликована. Суть программы в следующем: 1) отдать Крым бандеровцам, 2) отдать Донбасс бандеровцам, 3) снять штаны и подставить голую свою, Явлинского, Д. Гудкова, И. Хакамады и Касьянова жо..ы под ЕС и Обаму (Клинтон). Врут они кругом. Извращенцы!

Иван Жбанов Говнюк ушасто-либерастный. Думаю, что надо перекрыть ЛЮБОЕ финансирование дерьмократов. Закрывать счета, пусть идут пизнесом занимаются.

Игорь Шевченко → **Vladimir Kharchenko** Согласен, педагог никакой, умишко педика, работать нехочет, а к деньгам лезет. Отвалил бы на свою деревню и жил и работал. Козел...

Сергей Бышев Предлагаю, начать собирать подписи, дабы поместить, умалишенного, господина, РЫЖКОВА... в соответствующее заведение, на ПОСТОЯННОЕ, там, проживание...

са 1 Эта мразь несет полную ответственность за то, что творилось у нас в 90-х. В т. ч. и за развал армии в которой солдаты реально умирали от голода (молодежь этого не знает, а такие случаи были на о. Русском, например), офицеры по ночам бомбили на копейках чтобы кормить семьи, а иные генералы продавали эскадрильи и флотилии. Призывы разоружаться «в пользу масла» в современных условиях – это не глупость, а ПРЕСТУПЛЕНИЕ. Этот подонок никогда не призывает к раскулачиванию олигархата (чьи интересы обслуживает), к национализации базовых отраслей и ВПК, к уменьшению благ и доходов власти (куда сам стремится). Атака на армию отчетливо показывает, на чьи деньги жирует наша 5-я колонна и в какое посольство бегают за указами... Рыжков вместе со своим Яблоком. Голосуя за Яблоко, ты будешь голосовать за уничтожение своей страны!

Последняя реплика принадлежит скорее всего «троллю», наемному работнику: его выступления всегда поддерживали политику власти, причем лизоблюдство выдавало либо заказ, либо болез-

ненную тягу к сильным мира сего. Либерализм ассоциируется в умах с предательством национальных интересов и властью олигархов. Все оппозиционеры выступают в спорах «патриотов» как предатели или недоумки, как наймиты США или украинских фашистов. Возмущенная общественность не проявила понимания оппозиционного критиканства и с фанатичной настойчивостью требовала крови:

Иван Байковский эту мразь надо повесить на первом суку, и порашу тож, **Леушина Людмила (Еремина)** С моей точки зрения, все антипутинцы – параноики. Они приписывают В. В. такие свойства и дела, которые просто выдуманы. Эти люди живут в виртуальном мире.

Более или менее вразумительные реплики в этой тематической сфере были редки (всего насчитал их 25 штук). Например:

Natalia Lipunova Большой свободы слова, чем в России, нет нигде. Нельзя поливать грязью страну, где ты живёшь. Во многих странах это просто недопустимо. Не нравится – уезжайте. Не плюйте в колодец, из которого воду пьёте. Либералы ваши просто распустились. Почему у вас вещает «Эхо Москвы» прямо из Москвы??? Мы поражаемся. А Ахеджакову по-человечески жаль. Зачем она полезла не в свои сани?

Из защитников В. Рыжкова запомнился один здравый ответ:

Нина Владимир Рыжков – самый яркий и умный **политик** настоящего времени, абсолютно правильно дающий оценку происходящему в стране, автор статьи и те, кто пытается его очернить и оскорбить – просто недалекие, ограниченные люди.

Летом 2016 г. от неуравновешенных коммуникантов особенно досталось А. Макаревичу, Л. Ахеджаковой, Г. Явлинскому, М. Касьянову и т. п. Об Ахеджаковой читаем:

Галина Овчарова Эту больную женщину с дуришком на голове надо срочно поместить в психиатрическую больницу а не то, что бы показывать её на всю страну Много чести ей будет ... Вон из России, она тут не нужна ... провокаторов и своих хватает

Почему-то яростным нападкам подверглась правозащитница Л. Алексеева:

Алексей Соловьёв Пиндоскую шуштуру надо уничтожать, как и их дырявых холуёв. Дай Бог сил и разума всем нам в борьбе с гнидами.

Вера 2014 → **Viktor Khorolsky** Алексеева, это старая, высохшая кобра из мультика! На том свете ее с фонарями ищут. Старая идиотка, выжившая из ума ведьма. В ее годы надо думать о душе непрестанно, а она мнит себя абы кем. Ну и Вы, милый друг, коли ее союзник, подскажите старушечки, что пора давно заткнуться ей. Все равно, ее никто не слышит из русских людей. Старая сука с двойным гражданством не имеет права вообще что-либо говорить о стране.

Сергей Елсаков Старая, глупая кляча, все врет: ТОЛЬКО в России с уважением, относиться к другим народам!!! Ни где в мире нет такой толерантности в отношении. А сознание у нас не имперское, а пассионарное!!!

Пришлось встать на защиту либералов. Гнев участников разговора обрушился и на голову защитника. Ответ «защитника» был прост:

Viktor Khorolsky; Верочка, я Вас не знаю, и Ваши уста для меня просто глас народа, я не имею лично на Вас виды, увы, возраст...но явно Вы – блондинка, бывает... не переживайте, но хотя Вы блондинка – есть же край глупости, простите великодушно... Мой совет: почитайте Пушкина, Блока, Дж. Барнса и т. д. Некоторым помогает... =В. Х.

Ответа не последовало. Резюмирую дискуссию, которая вспыхивает тут же с новой силой:

Петр Любименко СЛУШАТЬ ЭТУ ДУРУ БЕСПОЛЕЗНО ИУДЕЙКА ОТ КОРНЕЙ КАКАЯ ПРАВОЗАЩИТНИЦА – Г О В Н О...

Sdfdsf Dsfdsf → **Viktor Khorolsky** Так иди и целуй ей зад. Одна уже почилла и не за народ, а за деньги. Что не «патриоты», то обязательно воры. старовойтова не была паенькой и получила по заслугам. все получают постепенно за свои «славные» делишки-воришки. И гордиться ими мы уж точно не будем. Пусть подхалимы и лижут их попы. А зарплаты и пенсии уже давно укралли такие тетеньки-старушки о который вы тут так поете. Пусть вся млиберастия отдаст людям то что украла. Придурки...

Viktor Khorolsky Я проголосую за Яблоко – против милитаризма и воров – генералов! В. Хорольский

Наиболее адекватные ответы звучали так: «Да, ты бедный, но зато ты принадлежишь к великому народу, великой России! И вот тебе доказательство – победы в спорте над американцами, над китайцами»

Или:

Юрий Рябков → **Viktor Khorolsky** Можно подумать, что Сердюков у нас главный и единственный вор в России. Только без армии у нас таких будет гораздо больше и не наших. ..

Viktor Khorolsky → **Юрий Рябков** Очень верная Ваша мысль, Юрий, не в личностях дело, а в системе.. .Я Сердюкову даже благодарен, что он не уваливал от ответов. И кстати подсократил раздутые штаты в мин-ве обороны. И армия нужна, вестимо, но на фигу нам терпеть перекосы в бюджете? На фигу толпы штабистов и бюрократов в Москве занимаются разворовыванием бюджета под видом оформления оборонных заказов? И вот тут Рыжков прав: военная машина нам не по карману. Омск и Воронеж важнее Дамаска! И в этом вся правда, господа...

Игорь Максаков То что, если будут продолжать воровать по девять миллиардов рублей на рыло, мы, господа-товарищи, с вами долго не протянем! Это неоспоримо! Стыд и срам кругом, одно, млять, ворьё, и не просто, а с каким-то вычуром, с извращением! Как у про паскуд руки не лепрокозятся и нос не отвалится? И какая же манда их родила, таких убогих воров???

Viktor Khorolsky А ты лично готов платить за путинские авантюры? Я не хочу, а мне уменьшили зарплату – вот и вся правда о нагнетании истерии вокруг Крыма и прочих точках, чтобы подбодрить ура-патриотов, ...**Владимир Новиков** → **Оксана Головенко** А ведь зарплаты действительно срезали, и не одному-двоим, а всем работникам производства, с 25 – до 20 т. р. Кризис не коснулся Мюллера, Грефа и пр .чиновников, по ляму в сутки. Их родина – там где корыто. их символ веры и идол – доллар. а все камлания по поводу единой страны и территории – ложь. им плевать на все – лежать бы у корыта и сыто хрюкать.

Аргумент против Яблока был один: сдают Крым – значит, враги народа... Волны ненависти затопили Сеть. По отношению к США авторы дис-

куссий демонстрировали признаки мании преследования и комплекс неполноценности: необъяснимая злоба и ура-патриотический раж возникли в основном с подачи официальных СМИ. Результатом промывки мозгов стал и национализм, русский шовинизм многих авторов. Здравые мысли в дискуссиях о США тоже были, иначе Сеть почилла бы в бозе. Вот пример:

Alexandre Надо различать американцев – от тех, кто ненавидит Россию до тех, кто искренно хочет нам помочь. Уж на Гринпис нападать точно не стоило! Медвежью услугу оказали стране эти наши «патриоты». Мозгов нет. Надо вбить им в головы, что не все американцы плохие.

Павел Клепиков → **Alexandre** Не верь тому, что говорят, а верь тому, что ДЕЛАЮТ. А дела амеров такие, что их за них надо только убивать. Все их добрые дела только в кино.

Второй большой топик наших СМИ, фиксируемый в записях автора данного эссе – кризис вокруг Украины, Крыма, Донбасса. Рассмотрим еще один пример:

2. Сторонники украинского «Правого сектора» (организация запрещена в России по решению суда) пытались организовать массовые беспорядки для совершения госпереворота в России, сообщает РИА Новости во вторник, 26 апреля, со ссылкой на поступивший в Совет Федерации доклад генпрокурора России Юрия Чайки. Руководитель Генпрокуратуры выступил на заседании в верхней палате парламента с докладом о состоянии правопорядка и законности в стране 27 апреля. В докладе содержится информация, собранная за 2015 год. «Заблокирован доступ к страницам в социальной сети «ВКонтакте», посредством которых сторонники украинской националистической группировки «Правый сектор» предпринимали попытки организации массовых беспорядков и несанкционированных публичных акций с целью совершения государственного переворота в Российской Федерации», — приводит агентством фрагмент доклада Чайки .

Ясно, что сообщение бредовое – переворот мнится кремлевским политикам, эта идея-фикс давно мелькала в СМИ, но при чем тут Правый сектор? Откуда там такие силы? Мания преследования использовалась для нагнетания патриотической волны перед выборами, которые все равно пришлось организовать в пользу единственной в стране партии. Подобные материалы свидетельствуют о желании авторов вызвать у нестойких психических личностей ненависть к украинцам. Вот еще один пример нездорового ажиотажа: заголовок публикации «**ПЛАКАЛА БЕРЕЗА: НАРДЕП УКРАИНЫ ОБЕЩАЕТ ПОСЛЕ ПОБЕДЫ МАССОВЫЕ КАЗНИ ДЕТЕЙ НА ДОНБАССЕ**»

Бывший правосек Болеслав Береза открыто угрожает жителям Донбасса скорым возмездием. Возвращение Донбасса в Украину по его словам, чревато казнями и расправами с теми, кто посмел не признавать Майдан и его новых героев. В свое время, мэр Днепра Филатов прославился обещанием вешать несогласных, Береза же хочет расчитаться со всеми адептами русского мира. Какой будет расплата несложно представить: совсем недавно ООН опубликовал отчет о зверствах «воинов света» на Донбассе от которых

стынет кровь. А экс-правосек только подтверждает то, во что свидетели секты Майдана упорно верить не хотят³.

Комментарии читателей не требуют особых комментариев:

сандро Ivan Ivanov

такие мрази как филатов андюшка пулубред яйцепух и прочие отбросы не стоят нашего внимания. слова В,В,Путина актуальны и сегодня. надо будет и в сортире замочим. ДОНБАСС ПОБЕДИТ!

Ирэна (Азарянская-Денгоф) явный клиент психбольницы. наверняка оставил после себя преступление!

Украинская девушка пытается прояснить ситуацию. В ответ летит:

Павел Мишин Сука! Лживая сука! Перегрызть бы тебе твою лживую глотку, тварь! Даже не за ненависть вашу, чёрт с вами, сами же ею отравитесь, сами же от неё и сдохнете... А вот за эту Ложь, которую ты, сука, таким пафосом выдаёшь за правду! Заламываешь руки, строишь из себя жертву? Врёшь, сука!!! Всё это вы устроили в своём доме сами!

Автор этих строк не удержался от резкой реплики:

Разжигание национальной розни – преступление, кто бы там ни был. Истерия не форма спора, ничего не доказано, признательные показания мы уже проходили. А нормальным людям никакой патриотизм не повод для лжи о других народах. Всех нормальных приветствую ... согласен с друзьями Украины в России, Считаю дружбу народов незывлемой, а все кто против – это временщики и враги мира на земле – проф. Хорольский

Возмущает девятый вал комментариев, направленных против евреев Вот лишь сотая часть собранного:

Ирина Грицук

Распоясались иудейские адепты. Нет никого, кто бы мог поставить их на место. Забыли, как в течение многих столетий их изгоняли из приличных государств в том числе и из Руси-России без права возврата... Но возможность беспрепятственно грабить русский народ, закабалить ссудным бесконтрольным процентом, скупать на корню нашу землю,

воровать ...Беспринципные, вороватые, наглые, не имеющие ограничений в своём высокомерии и надменности по сути ничтожные особи. Пора ставить это племя на место, достойное их ничтожному призванию – пусть едут в благословенный Израиль, где нет русского народа. А мы хоть вздохнем спокойно без них.

Валерий Костюк Я говорил и буду говорить. Евреям нет в России места Пускай берут в охапку свой еврит, Для них найлется емкая карета

ДонаМиля Хоть пишите письма в Израиль, хоть не пишите, разве вы эту жидву выпроводите из России? Они же передохнут с голода, без русских!!! Никуда они не уедут, их можно вынести только вперед ногами и то будут упираться! Такого разгула хамства позволенного им в России, не будет ни где! В Америке и Европе они будут жить все в том же гетто... Очевидные глупости вызвали более адекватную реакцию аудитории, что вселяет надежду на улучшение ситуации. Вот лишь один пример:

«ГЕНИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ РОССИИ: ПУТИН УНИЧТОЖИТ ВОЕННУЮ МОЩЬ США ОДНИМ РОСЧЕРКОМ ПЕРА⁴:»

...стало известно о том, что Россия прекращает поставку ракетных двигателей РД-180, без которых запуск американских ракет Atlas V станет невозможным, об этом сообщили в Роскосмосе. Это значит, что выводить на орбиту свои новейшие спутники США не смогут.

Комментарий здравый был таков:

Александр Докучаев Явно бредовые заголовки! Автору не хватает адекватности по неизвестным причинам. Можно написать что прекращение поставок ракетных двигателей РД-180, несколько осложнит вывод на орбиту новых спутников США, и не более того. А то прям, уничтожит мощь. Умный, такого сказать не может – а вы о патриотизме талдычите...

Итак, после прочтения многочисленных материалов в СМИ возник закономерный вопрос: А насколько мы здоровы психически? И вывод напрашивается сам собой: еще много нездоровых людей дают материал для работы не только журналистам, но и психиатрам.

³ <http://zavtra.ru/events/storonniki-pravogo-sektora-pyitalis-organizovat-besporjadki-v-rf>

⁴ <http://news-front.info/2016/07/25/plakala-bereza-nardep-ukrainy-obeshhaet-posle-pobedy-massovye-kazni-detej>

Марина Новичихина

Использование аффиксидов как один из перспективных путей создания товарного знака в современных условиях

Аннотация: работа посвящена исследованию информативности товарных знаков, образованных при помощи аффиксидов.

Под товарным знаком в соответствии с частью 4 Гражданского Кодекса РФ понимается обозначение, служащее для индивидуализации товаров юридических лиц или индивидуальных предпринимателей¹.

Товарные знаки могут быть словесными, изобразительными, объемными, комбинированными и др. К изобразительным знакам относятся рисунки на самые разнообразные темы. Это могут быть изображения людей, животных, растений, предметов, орнаменты, различные геометрические фигуры. Объемные товарные знаки представляют собой изображения товарного знака в трех измерениях — длине, высоте и ширине. Предметом объемного товарного знака может быть либо необычная форма изделия, например, форма мыла, свечи, пилюли и т. д., либо его упаковка, например, оригинальная форма бутылки для напитка или флакона для духов. Комбинированные словесные знаки представляют собой различные сочетания словесных и изобразительных элементов или словесных и объемных элементов. Это может быть сочетание, комбинация таких элементов, которые сами по себе могут быть зарегистрированы как словесный или как изобразительный знак. Помимо приведенных видов товарных знаков законодательство допускает к регистрации и другие обозначения товаров и услуг, в частности звуковые, световые, обонятельные и иные. Однако в отечественной практике они широкого распространения еще не получили.

Очевидно, что основную долю современных товарных знаков составляют словесные товарные

знаки (в лингвистике их называют также прагматонимами). Словесный товарный знак представляет собой коммерческое название (отдельное слово или словосочетание), зарегистрированное в установленном порядке.

Современная практика регистрации товарных знаков характеризуется тем, что в качестве словесного знака в настоящее время все чаще используются искусственно образованные слова. Это объясняется тем, что практически все слова живых, естественных языков уже зарегистрированы в качестве товарных знаков. Закон же не допускает к регистрации обозначения, тождественные или сходные до степени смешения с ранее зарегистрированными. Следствием этого феномена становится как расширение практики купли-продажи товарных знаков, так и использование при их создании слов-неологизмов.

Подобная стратегия распространилась и на коммерческие названия, не регистрируемые как товарные знаки. Здесь, как и в случае товарных знаков, чрезвычайно часто используются так называемые слова-неологизмы, то есть новые слова, которые еще не стали привычными и повседневными наименованиями соответствующих предметов, понятий². При этом И. Б. Голуб подчеркивает, что неологизмами оказываются слова, сохраняющие оттенок свежести, новизны. «Термин «неологизм» сужает и конкретизирует понятие «новое слово»: при выделении новых слов принимают во внимание только время их появления в языке, отнесение же слов к неологизмам подчеркивает их особые стилистические свойства, связанные с восприятием этих слов как необычных наименований»³. Именно эта особенность обуславливает потенциал слов-неологизмов при использовании их в качестве товарных знаков или других коммерческих названий.

Действительно, высокая доля современных названий фантазийна, например, «Фурнител» (магазин мебельной фурнитуры), «Фармония» (ап-

² Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — М., 2001.

³ Голуб И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. — М., 1997.

¹ Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. N 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // www.gk-rf.ru. — Ст. 1477.

Об авторе: Новичихина Марина Евгеньевна, доктор филол. наук, профессор кафедры связей с общественностью Воронежского государственного университета.

тека), «Чемодания» (магазин сумок), «Снадобица» (аптека), «Айсбери» (павильон мороженого), «Чай-Кофский» (кафетерий) и мн. др.

Подобные названия, в силу их новизны, вполне могут быть зарегистрированы в качестве товарных знаков. Однако можно предположить, что эти названия изначально оказываются недостаточно информативными. Заметим, что под информативностью коммерческой номинации (иными словами, прозрачностью номинации) понимается фиксирование языковым сознанием связи между признаками именуемого объекта и названием. Информативность коммерческого названия является важной составляющей его коммуникативной эффективности⁴. В идеале эффективное коммерческое название должно нести потенциальному потребителю адекватную информацию об именуемом коммерческом объекте или товаре. Названия, успешно выполняющие эту задачу, могут быть причислены к категории информативных.

В связи со словами-неологизмами возникает вполне закономерный вопрос – могут ли они при определенных условиях обладать достаточным информационным потенциалом? Не менее важным становится вопрос – за счет каких факторов достигается необходимый результат?

Можно, по всей видимости, утверждать, что одним из путей создания информативного товарного знака-неологизма является использование так называемых аффиксоидов.

Несмотря на то, что вопрос о статусе аффиксоидов остается дискуссионным, целый ряд авторов обращается к этому термину и детерминирует его. Так, с точки зрения Ю. Н. Караулова, это компонент сложного или сложносокращенного слова, повторяющийся с одним и тем же значением в составе ряда слов и приближающийся по своей словообразовательной функции (способность образовывать новые слова с тем же компонентом) к аффиксу – суффиксу (для последних компонентов сложений) или префиксу (для первых компонентов); соответственно аффиксоиды подразделяются на суффиксоиды и префиксоиды⁵. Подобным же образом определяет аффиксоид и В. В. Лопатин⁶. А. Н. Тихонов аффиксоидами называет «такие словообразовательные части слов, которые занимают промежуточное положение между корневыми и аффиксальными морфемами». О. В. Русакова под аффиксоидами понимает морфемы, которые, будучи корневыми, аналогичны по своим функциям аффиксам; при этом автор отмечает, что в русском языке XX в. аффиксоидное словопроизводство проявилось с особой интенсивностью, что обусловлено

4 Новичихина М. Е. Проблемы изучения коммерческой номинации / М. Е. Новичихина. – Воронеж, 2012.

5 Караулов Ю. Н. Русский язык: энциклопедия / Ю. Н. Караулов. – М., 2008.

6 Лопатин В. В. Аффиксоид // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. – М., 2003.

7 Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М., 1985.

влиянием как лингвистических, так и экстралингвистических факторов⁸. Бесспорно, аффиксоиды имеют высокий словообразовательный потенциал; «аффиксоидальность как способ образования новых слов должна быть включена в систему словообразования», – пишет там же О. В. Русакова.

С нашей точки зрения, именно отмеченный словообразовательный потенциал аффиксоидов обуславливает их широкое использование в процессе создания словесного товарного знака.

В данной работе была предпринята попытка оценить информативность коммерческих названий, сформированных при помощи аффиксоидов.

Для реализации этой задачи была использована одна из психолингвистических методик – методика выявления субъективных ожиданий.

В ходе реализации данной экспериментальной методики испытуемым (50 человек) предлагалось ответить на вопрос: «Как Вы полагаете, что может быть названо словом?..»

В качестве слов-стимулов в эксперименте использовались коммерческие названия, образованные при помощи аффиксоидов. Учитывая определенную дискуссионность отнесения того или иного элемента к аффиксоидам, мы опирались на данные словаря-справочника аффиксоидов⁹.

Результат реализации этой методики позволил рассчитать особый количественный показатель – так называемый индекс информативности (ИИ) слова-названия. Он может быть определен как отношение числа респондентов, чьи ожидания (выявленные в ходе опроса) совпали с реальными особенностями объекта номинации, к общему числу опрошенных, выраженное в процентах.

С нашей точки зрения, названия с индексом информативности, превышающим 50%, могут трактоваться как информативные.

Проведенное исследование показало, что практически все исследованные названия обладают достаточно высоким индексом информативности. Например, индекс информативности названия «Акваритет» равен 58%, ИИ «Автоград» = 74%, ИИ «Спортландия» = 72%, ИИ «Продуктория» = 98%, ИИ «Мастерславль» = 59%, ИИ «Джинсомания» = 92% и т. д.

Самая низкая информативность была выявлена у коммерческих названий «Айслэнд» (холодильное оборудование) и «Кидбург» (детский городок профессий): ИИ «Айслэнд» = 38%, ИИ «Кидбург» = 29%. Но и в данных случаях показатель информативности оказывается достаточно существенным.

Как видим, возможное предположение о неинформативности названий-неологизмов не находит подтверждения в практическом исследовании, вероятно, оно касается лишь той части названий-неологизмов, которые игнорируют продуктивные словообразовательные модели. Что же касается на-

8 Русакова А. В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук / Русакова Ольга Владимировна. – Орел, 2013.

9 Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря справочника. – С-Пб, 2009.

званий, образованных при помощи аффиксоидов, то они в большинстве случаев обладают достаточно высоким индексом информативности.

В целом, проведенное исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

- название-неологизм в определенных условиях может обладать достаточно высокой степенью информативности и (как следствие) высокой степенью коммуникативной эффективности;
- одним из способов создания коммуникативно эффективного названия-неологизма является использование аффиксоидов;
- можно утверждать, что в сложившихся условиях использование слов-неологизмов, построенных при помощи аффиксоидов – перспективный путь создания коммерческих названий, в т. ч. товарных знаков.

г. Воронеж

Литература

- Голуб И. Б. Стилистика русского языка. / И. Б. Голуб. – М., 1997.
- Караулов Ю. Н. Русский язык: энциклопедия / Ю. Н. Караулов. – М., 2008.
- Козулина Н. А., Левашов Е. А., Шагалова Е. Н. Аффиксоиды русского языка. Опыт словаря справочника. – С-Пб, 2009.
- Лопатин В. В. Аффиксоид // Русский язык: Энциклопедия / Под ред. Ю. Н. Караулова. М., 2003.
- Новичихина М. Е. Проблемы изучения коммерческой номинации / М. Е. Новичихина. – Воронеж, 2012.
- Розенталь Д. Э. Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. – М., 2001.
- Русакова А. В. Аффиксоиды в деривационной системе русского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Русакова Ольга Владимировна. – Орел, 2013.
- Тихонов А. Н. Словообразовательный словарь русского языка / А. Н. Тихонов. – М., 1985.
- Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. N 231-ФЗ «О введении в действие части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» //www.gk-rg.ru. – Ст. 1477.

Денис Пименов Воронежские новомученики революционного периода

*Вы не бежали своего креста,
Ведь нет спасенья в этом мире тесном,
И умирали с именем Христа,
Чтоб быть с ним вместе в Царствии Небесном.
Вы будто звёзды яркие в ночи
Горели среди суеты и тлена,
Одни тела убили палачи,
Но души ваши вырвались из плена,
Взлетели над распятою страной,
Что Русью называется Святою.
Вы не желали участи иной
И жили лишь о вечности мечтою.
Но верим: не оставили вы нас,
За благо принимающих пороки,
И молитесь Всевышнему сейчас,
Чтобы продлил Он времена и сроки*

А. Зуев

С небывалой силой обрушилось гонение на Русскую Православную Церковь в 20 веке. «Никто не чувствует себя в безопасности; все живут под постоянным страхом обыска, грабежа, выселения, ареста, расстрела. Хватают сотнями беззащитных, гноят целыми месяцами в тюрьмах, казнят смертью, часто без всякого следствия и суда» (Святейший Патриарх Тихон).

28 марта 1922 года в «Известиях» опубликован «список врагов народа», куда попала лучшая часть российского духовенства. Первым в этом списке был указан Патриарх Тихон, за ним епископы и священники. На конец 1922 года было расстреляно по суду 2601 человек из белого духовенства, 1962 – монашествующих, 1447 монахинь и послушниц.

Каждое время выдвигает своих святых, каждое время нуждается как-то особо в том или ином подвиге святости, живом примере подвижничества.

Опыт новомучеников и исповедников сегодня чрезвычайно важен для всех нас. Весь духовный опыт Церкви являет нам высокую истину христианства – каждый человек драгоценен для Бога, каждый человек неповторим, о каждом из нас у Бога Свой замысел и промысл.

На самом деле секрет этой высокой христианской истины прост – об этом говорит, как бы обра-

щаясь к нам из своей далекой Соловецкой ссылки, священномученик Петр (Зверев), святые мощи которого почивают в Благовещенском кафедральном соборе Воронежа и на Соловках, духовно соединяя и сегодня место его мученической кончины с любимой им Воронежской паствой. В одном из писем в Воронеж он пишет: «...сумейте полюбить Христа, сумейте Им единым дышать, жить, о Нем лишь думать, к Нему стремиться, о Нем беседовать, Его слова в Евангелии читать, заучивать и воплощать в жизни. Сумейте полюбить Христа, и всем около вас будет тепло, покойно и не тесно. Помолитесь, чтобы и меня Господь научил этой единственно нужной науке». Каждый из нас должен просить, умолять Господа научить его этой единственно нужной науке, этому, по слову святых отцов, искусству из искусств, художеству из художеств.

Подвиг мучеников: в первые века – не отречься от Христа; в XX веке – не только устоять в вере, но и сохранить «для русского народа его драгоценное сокровище – Церковь и Святое Православие» (Святейший Патриарх Алексий II).

Различен их возраст, но одна вера; неодинаковы подвиги, но то же самое мужество; те древни по времени, эти юны и недавно убиты. Такова сокровищница Церкви: в ней есть и новые и старые жемчужины... (Святитель Иоанн Златоуст). Не осталась в стороне от гонений и убийств и Воронежская область.

Первые мученики Христовы обагрили свою честною кровью Воронежскую землю уже через считанные месяцы после октябрьского переворота 1917 года. 8 февраля 1918 года в Воронеже в ответ на издание декрета об отделении Церкви от государства по благословению архиепископа Воронежского и Задонского Тихона (Никанорова), будущего священномученика, был организован многотысячный крестный ход. Процессия, вышедшая с молитвенным пением из Митрофановского монастыря, была встречена пулеметным огнем. На мостовой остались десятки убитых и раненых. Как вспоминал впоследствии Чернышов, член воронежского исполкома, возглавивший расправу: «Я сделал распоряжение процессию ликвидировать. Солдаты разнесли толпу... Были убитые и раненые, в том числе и среди духовенства... несколько человек арестовано... В ту ночь по решению комитета мы расстреляли арестованных, в том числе и священ-

Об авторе: Пименов Денис Николаевич, кандидат технических наук, работает в агентстве рекламного-маркетингового сопровождения и консалтинга «Консул».

нослужителей». По разным сведениям с 1918 по 1920 год в Воронежской епархии было замучено одних священнослужителей около 160 человек. Их память Русская Православная Церковь за рубежом совершает 27 декабря (9 января) в день мученической кончины священномученика Тихона (Никанорова) архиепископа Воронежского и Задонского.

В августе 1918 года советские власти закрывают Воронежскую семинарию, реквизируют все ее имущество, уничтожают богатейшую библиотеку – третью по значимости в Российской империи среди библиотек Духовных учебных заведений.

Сохранились сведения, что уже в 1918 году был убит архимандрит Димитрий после того, как у него сняли кожу с головы. Тогда же пострадал иерей Иаков Владимиров. Священник Иаков Владимиров был настоятелем храма в селе Плотова Репьевского уезда Воронежской губернии. Он был ревностным священником, прекрасным хозяином и к своим прихожанам относился, как отец к детям, учил их не только тому, как обустроить свою душевную жизнь, но и как совершенствовать культуру хозяйства и заводить пасеки. Крестьяне слушались его советов и были заметно зажиточнее, чем в соседних селах. Большевики впоследствии называли жителей Плотавы «кулацкой бандой». Придя к власти, они сразу же открыли гонение против Церкви, истребляя влиятельных и авторитетных священников. Один из жителей села – в прошлом известный конокрад, а в советские времена большевик – написал донос на отца Иакова, охарактеризовав его как «влиятельного попа». Вскоре после доноса к отцу Иакову явились пять «следователей» и попросили разрешения переночевать в его доме, тем более что у них, между прочими мелкими делами, есть «пустяковая жалоба» на него, которую они все-таки обязаны утром разобрать. Поужинав, они стали любезно беседовать с членами семьи священника, а ему самому посоветовали пойти ночевать в школу, чтобы люди не подумали, что разговоры отца Иакова подействовали на «неподкупную совесть следователей».

Тревожные слухи поползли по селу. Поздно вечером к школе пришли человек шестьдесят прихожан, чтобы провести ночь со своим духовным отцом и не дать его в обиду. Утром, поблагодарив жену священника за вкусный завтрак, «следователи» пошли в школу на дознание. Все село было уже здесь. Народ собрался, чтобы защитить своего пастыря, предполагая, что будет производиться расследование. У магазина вдруг появился пулемет. «Следователи» вышли с отцом Иаковым из школы на улицу и двинулись к магазину. Подошла жена священника с пятнадцатилетним сыном Алексеем. Старший «следователь» отобрал у отца Иакова золотые часы и положил себе в карман. Только теперь люди увидели, что за магазином вырыта яма, к которой и подвели священника. Отец Иаков осенил себя крестным знаменем и начал молиться, ни одного слова не произнеся в свою защиту. «Следователь» приподнял волосы священника и выстре-

лил ему в затылок. От выстрела часть лица была вырвана, отец Иаков упал в яму. Другой палач подошел к жене священника и выстрелил в нее. Она упала. Потом он подошел к Алексею и сказал: «Я думаю, что тебе незачем жить после этого. Так зачем сапогам пропадать. Садись и сними сапоги». Алексей сел, снял сапоги и был тут же убит. Народ, потрясенный происшедшим, в ужасе разбежался. По приказу собранные люди с плачем засыпали яму.

Другой сын священника, Иван, которому было тогда шестнадцать лет, ночевал в полуверсте от села, на пасеке. Один из палачей поехал за ним на пасеку, чтобы его убить. В шалаше Ивана не было. На окрик палача из-за камня показалась голова мальчика. Палач выстрелил и убил его, но это оказался не Иван, а сын соседей священника. Друзья отца Иакова поспешили найти Ивана и рассказали ему обо всем, что случилось. Не заходя домой, он покинул село и вернулся лишь тогда, когда палачи уехали из Плотавы и прямая опасность расправы миновала.

С весны 1919 года по всей губернии прокатилась волна народного протеста против беззаконий новых властей. Все выступления подавлялись самым жесточайшим образом, специальными карательными отрядами. Так, 2 апреля в село Старую Ведугу прибыли пятьдесят «карателей». Перед этим они побывали в Фоминой Негочевке, где расстреляли 28 человек, и в Старой Ольшанке, где расстреляли пять человек. В Старой Ведуге по подозрению в неподчинении советской власти были расстреляны семь человек, в их числе местный священник. Во всех случаях духовенство называлось зачинщиками неповиновения. Так, когда в Бирюче были избиты члены ревкома, главным виновником произошедшего большевики назвали местного священника, вместе с ним были расстреляны еще 17 человек.

После того как 6 октября 1919 года добровольческая армия вновь заняла город в саду дома, где ранее располагалось ЧК, увидели, что земля в одном месте «дышит», поднимается и опускается, и из нее торчит кусок материи, оказавшийся подрясником. Люди откопали двух монахов, связанных проволокой. В одном из них узнали иеромонаха Нектария (Иванова). Отец Нектарий был убит при жесточайших истязаниях: его таскали за ноги по городу, переломали руки и ноги, забивали деревянные гвозди, «причащали» оловом. Из его окровавленных останков глаза вывалились на щеки, с рук была снята кожа, как перчатки. Как свидетельствовали немногочисленные свидетели этих истязаний, священномученик во время пыток усиленно молился. Иеромонахов расстреливали в саду у моста и полуживых сбрасывали в общую могилу. Тела в могилах были едва присыпаны землей, и изпод земли во многих местах были видны концы ряс расстрелянных священников. Умученных монахов на носилках перенесли в храм и там отпели. После отпевания они были погребены за Благовещенским собором у монастырской стены. Когда разрушали

монастырь, епископ выпросил у власти разрешение перенести их тела на кладбище. Во время страданий иеромонаха Нектария и его братьев были сварены живьем в смоле семь монахинь Покровского монастыря за то, что участвовали в молебне вместе с воинами Добровольческой армии.

Спустя несколько дней были найдены останки прочих жертв красного террора, также по двое связанных проволокой. В подвалах местной «чрезвычайной комиссии» было обнаружено много тел умученных священников и монахов. Все они подверглись изощренным изуверским пыткам. Так, священник Георгий Снесарев служивший в больничной церкви иконы Знамения Божией Матери в городе Воронеже, был тогда же замучен. Ему было нанесено шестьдесят три раны; снят скальп. Палачи загоняли ему под ногти гвозди и булавки. Он был изуродован настолько, что его почти невозможно было узнать.

Спустя четыре недели город вновь оказался в руках большевиков. 9 января 1920 года (27 декабря 1919 года по старому стилю), во время совершения богослужения архиепископ Воронежский и Задонский Тихон (Никаноров) был повешен на Царских вратах Благовещенского собора. Вместе с архипастырем были убиты несколько священнослужителей, среди которых, возможно был архимандрит Александр (Кременецкий).

В Митрофановском монастыре, Тихвино-Онуфриевской церкви Воронежа, а еще раньше в Задонском монастыре были размещены концентрационные лагеря для «неблагонадежных лиц». Эти концлагеря существовали до 1922 года. В Митрофановском концлагере принудительных работ было более тысячи заключенных, в основной массе это крестьяне, рабочие и священнослужители. В конце 1920-х годов была развернута кампания по закрытию храмов и монастырей, во время которой было арестовано значительное количество духовенства.

В январе 1930 года было арестовано духовенство Алексеево-Акатова монастыря, который вскоре был закрыт. По итогам следствия большая часть арестованных была приговорена к расстрелу, который состоялся 2 августа 1930 года. Среди расстреленных были впоследствии прославленные в числе сонма Новомучеников и исповедников Российских: архимандрит Тихон (Кречков), протоиерей Иоанн Стеблиным-Каменский и Александр Архангельский, иеромонахи Георгией (Пожаров) и Косма (Вязников), священники Георгий Никитин, Феодор Яковлев и Сергей Гортинский, крестьяне Евфимий Гребенчиков и Петр Вязников. В 1930 году вместе с духовенством Алексеевского монастыря были арестованы диакон Пантелеимон Пациора и священник Петр Струков.

Можно очень долго говорить и восхищаться жизнью Великомученика Петра Зверева. Много пришлось перенести ему в лагерях и ссылках, но нигде, никогда и ни в чем нельзя было его упрекнуть. Хочется остановиться на последних днях его жизни.

В январе 1929 года архиепископ Петр заболел тифом и был увезен в больницу, в бывший Голгофо-Распятский скит. В одной палате с архиепископом лежал ветеринарный врач, его духовный сын. В день смерти архиепископа Петра, 7 февраля, в четыре часа утра он услышал шум, как бы от влетевшей стаи птиц. Он открыл глаза и увидел святую великомученицу Варвару со многими девами, из которых он узнал святых мучениц Анисию и Ирину. Великомученица Варвара подошла к постели владыки и причастила его Святых Христовых Таин. Из кремля, еще когда владыка болел, прислали мантию и малый омофор. В мастерской хозяйственной части заказали сделать гроб и крест. Разрешение на участие в похоронах получили три священника и двое мирян, однако не позволено было торжественного совершения отпевания и погребения в облачении. Через некоторое время стало известно, что начальник отделения распорядился бросить тело владыки в общую могилу, к тому времени уже доверху заполненную умершими. Вечером священники отправились к начальнику и потребовали исполнить данное им ранее обещание. Тот ответил, что общая могила по его распоряжению уже завалена землей и снегом и он не даст разрешения на изъятие из общей могилы тела архиепископа Петра. Однако стало известно, что это распоряжение лагерного начальства не было выполнено и могила не была зарыта. Заочное отпевание владыки было совершено в канцелярии хозяйственной части, а затем гроб и крест отвезли на Голгофу. Четыре человека копали в это время отдельную могилу напротив алтаря Воскресенского храма. Освободили от еловых веток общую могилу. Владыка лежал в длинной рубаше со сложенными на груди руками, лицо было осыпано еловыми иголочками. Три священника на простыне подняли его из могилы, расчесали волосы, отерли лицо и начали прямо на снегу облачать. Весь он был белый и мягкий, как будто только что умер. Облачили владыку в лиловую новую мантию, клобук, омофор, дали в руки крест, четки и Евангелие и отслужили панихиду. Перед тем как вложить в руку владыки разрешительную молитву, все три священника расписались на ней. Монахиня Арсения спросила: – Почему вы расписываетесь? На молитве ведь не расписываются? Они ответили: – Если время переменится, будут обретены мощи владыки, будет известно, кто его хоронил. Около могилы собралось около двадцати человек. После панихиды, кто хотел, произнес слово, затем опустили тело священномученика в могилу, поставили на ней крест и сделали надпись. Один из хоронивших архиепископа священников рассказывал впоследствии, что, когда зарыли могилу, над ней стал виден столп света и в нем явился владыка и всех благословил. Весной 1929 года по распоряжению лагерного начальства все кресты на Соловецких кладбищах были сняты и обращены в дрова.

Хотелось бы упомянуть еще несколько мучеников. Так, самым первым священнослужителем

Алексиево-Акатова монастыря, принявшим мученическую смерть от представителей революционной власти, стал архиепископ Воронежский Тихон.

Священномученик архиепископ Тихон (Никаноров) родился в Новгородской губернии в семье псаломщика. С мая 1913 года – архиепископ Воронежский и Задонский.

9 января 1920 года был зверски замучен. На третий день Рождества Христова группа красноармейцев, ворвавшись в Благовещенский собор во время Литургии, направилась в алтарь. Далее произошло невиданное надругательство: закурив папиросу от семисвечника, главарь группы сел на Престол и вынес приговор архиерею. По решению «пролетариев» отца Тихона необходимо было срочно ликвидировать как «монархиста и пособника белогвардейцев». Архиепископ Тихон был повешен на Царских вратах храма, и в течение двух месяцев представители новой власти запрещали предавать тело архиерея земле. Отпевание и погребение совершили епископы Владимир Острогожский и Модест Новохоперский лишь 2 марта 1920 года.

В 1956 году тело перезахоронили на Коминтерновском кладбище, а в 1993 году останки были перенесены в Алексиево-Акатов монастырь. Сейчас они находятся в Благовещенском кафедральном соборе г. Воронежа и в Липецкой Епархии.

Священномученик архиепископ Тихон (Никаноров) был канонизирован в 2000-м году Архиерейским Собором Русской Православной Церкви.

К лику святых причислен и келейник владыки Петра (Зверева) архимандрит Иннокентий (Беда).

Преподобномученик архимандрит Иннокентий (Беда) родился в 1881 году в крестьянской семье в селе Мойсенцы Полтавской губернии. Образование получил дома. Со временем поступил в монастырь. В 1908 году был пострижен в монашество и получил сначала сан иеродиакона, а потом иеромонаха. В Твери в начале Первой мировой войны познакомился с епископом Старицким Петром (Зверевым), тогда еще викарием Тверской епархии, и стал его келейником. По назначении епископа Петра на кафедру в Воронеж отец Иннокентий поехал вместе с ним. Здесь был возведен в сан архимандрита.

Преподобномученик Иннокентий был арестован по делу владыки Петра 17 декабря 1926 года и приговорен к трем годам заключения в концлагерь на Соловках. Целый год он провел в невыносимых тюремных условиях, находя отдушину и успокоение лишь в посещениях церкви. В начале осени 1927 года он писал в одном из писем:

«Мы по милости Божией пока живы, мое здоровье не совсем порядочное... Одна у нас радость и утешение – это церковь, где находим абсолютный душевный покой, забываются все жизненные невзгоды далекого севера. В церковь имеем возможность ходить почти ежедневно. Вот тут в уголке, в тиши молитвенно и вспоминаются лица, с которыми так или иначе приходилось в жизни встречаться; и когда всех вспомнишь, легко, легко

на душе станет, уходишь из храма обновленным и ободренным».

В октябре 1927 года отец Иннокентий тяжело заболел. Состояние его здоровья ухудшалось так быстро, что к декабрю не было сил даже говорить. Он исхудал до неузнаваемости, но сохранял душевное спокойствие и доброжелательное отношение к людям. Архимандрит Иннокентий умер 6 января 1928 года и был погребен на монастырском кладбище неподалеку от церкви преподобного Онуфрия Великого.

Преподобномученик архимандрит Иннокентий был канонизирован Архиерейским Собором Русской Православной Церкви в августе 2000-го года.

Священномученик Иоанн (Стеблин-Каменский) родился в Санкт-Петербурге 26 октября 1887 года. Он окончил четыре класса гимназии и, решив связать свою жизнь с морем, поступил в Морской кадетский корпус. В 1909-1910 годах Иван Георгиевич исполнял должность ротного командира на крейсере «Адмирал Макаров». В июне 1917 года он уволился из флота по состоянию здоровья. В 1919-1921 годах по мобилизации служил помощником директора маяков Балтийского флота и одновременно исполнял должность псаломщика в Свято-Троицком храме в Петрограде. В это время он бесспорно решил стать священнослужителем. В 1920 году рукоположен в сан диакона, летом 1923 года – в сан священника и затем протоиерея. 2 февраля 1924 года власти арестовали отца Иоанна, так как в это время началось массовое возвращение храмов из обновленчества в патриаршую Церковь и активизировалась жизнь приходов. Чтобы положить этому конец, ОГПУ стало все сильнее вмешиваться в церковную жизнь. На допросах отец Иоанн сказал, что служил в квартирах некоторых своих прихожан молебны. Этого для властей оказалось достаточно: 26 сентября 1924 года Особое Совещание при Коллегии ОГПУ приговорило отца Иоанна к трем годам заключения в Соловецкий концлагерь. К концу срока заключения становилось все очевиднее, что власти не разрешат отцу Иоанну жить в Петрограде. Так и случилось: его отправили в административную ссылку в город Воронеж, куда он прибыл в ноябре 1927 года. Здесь он получил место священника в Алексеевской церкви бывшего Девичьего монастыря, а через некоторое время был назначен ее настоятелем и одним из благочинных епархии. Благодаря его усилиям и активной поддержке, воронежскими прихожанами постоянно собирались и пересылались средства в Соловецкий концлагерь Воронежскому архиепископу Петру (Звереву) и другим находящимся в заключении православным.

В 1928 году власти стали организовывать очередные гонения на Церковь, в результате которых должны были быть окончательно закрыты все монастыри и многие приходские храмы. 8 сентября 1928 года в воронежской газете «Коммуна» была опубликована статья «Новодевицкий монастырь –

под рабочие квартиры. Церковь – под клуб», где прямо требовали ареста отца Иоанна. Становилось ясно, что этот арест неизбежен, причем безбожники воспользуются любым, даже самым незначительным поводом. 4 марта 1929 года помощник начальника милиции отправил в ОГПУ сообщение: «По имеющимся непроверенным сведениям в доме 4 по Введенской улице проживающий там священник Иван, ставленник архиерея Зверева, ведет ожесточенную агитацию против советской власти». 19 мая 1929 года отец Иоанн был арестован. Он добился разрешения собственноручно записать свой ответ на выдвинутые ему обвинения. «Я по отношению к советской власти лоялен, – писал он, – но не сочувствую мероприятиям, направленным против религии... Поскольку я другого оружия не знаю, кроме креста, то как в прошлое время, так и в настоящее я нахожу единственно правильным действовать на массы умиротворяюще. Осуждал всякое выступление против гражданских законов... Считаю себя одним из верных пастырей Христовой Церкви, обязанных словом, житием, духом, верою и чистотою быть образцом для верных и ограждать их от тьмы неверия». 29 мая власти снова допросили отца Иоанна, обвиняя его в антисоветской пропаганде. На что священник отвечал: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю, так как за все время своего пребывания в Воронеже всегда учил кротости, терпению и покорности гражданским законам».

4 июля 1929 года следователи составили обвинительное заключение, в котором говорилось, что священник занимался деятельностью, подрывающей авторитет и мощь советской власти. 16 августа 1929 года постановлением Особого Совещания при Коллегии ОГПУ отец Иоанн был приговорен к заключению в Соловецкий концлагерь сроком на три года. На этот раз его пребывание на Соловках было недолгим. В начале мая отец Иоанн был доставлен в воронежскую тюрьму. 20 мая священнику Иоанну Стеблин-Каменскому было предъявлено обвинение в том, что «распространял церковно-монархические листовки и брошюры, распространял и разного рода антисоветские провокационные слухи и вел агитацию против всех мероприятий советской власти в области коллективизации, индустриализации СССР, имея конечной целью подготовить верующую массу к выступлению против советской власти, свержению ее и восстановление монархии. В результате вышеизложенного во многих районах Центральной Черноземной области были массовые выступления населения против советской власти и ее мероприятий». Такое же обвинение было предъявлено и протоиерею Александру Архангельскому.

Об остальных святителях и преподобных Алексиево-Акатова монастыря, пострадавших за веру в годы репрессий, остались достаточно скудные сведения:

Преподобномученик архимандрит Тихон (Кречков) родился в 1862 году. Поступил послушни-

ком в Алексиево-Акатов монастырь, здесь принял монашество и был возведен в сан иеромонаха. Исполнял должность казначея монастыря. Много потрудился для благоустройства обители. На многих иконах нижней церкви были надписи: «сооружена иждивением иеромонаха Тихона». В 1924 году рукоположен в сан игумена, а через три года – архимандрита.

В 1930 году был арестован вместе с братией Алексиево-Акатова монастыря. На допросах категорически отрицал причастность к контрреволюционной деятельности и проведению антисоветских бесед. С обвинением, предъявленным ему, категорически не согласился. Богоборцам так и не удалось сломить дух старца. Приговор: высшая мера наказания – расстрел.

Священномученик протоиерей Александр (Архангельский) родился 1 февраля 1874 года в селе Сошка Липецкого уезда в семье псаломщика Николая Никаноровича Архангельского. В 1896 году он окончил Тамбовскую Духовную семинарию и поступил в храм псаломщиком. В 1904 году Александр Николаевич был рукоположен в сан диакона ко храму села Сторожевые Выселки Воронежской епархии, а через два года – в сан священника. Семья у отца Александра к этому времени была большая – семь человек детей. Отец Александр целыми днями или пребывал в храме, или ходил с требами по домам прихожан. Он был человеком аполитичным. Получив в 1917 году текст отречения от престола Императора Николая II, он прочел его в храме без каких бы то ни было объяснений. Когда пришли к власти большевики и выдвинули требование отдать дом священника под школу – отец Александр безропотно согласился. На этом новая власть не остановилась. Большевики потребовали отдать представителям культпросвещения книги и журналы – он отдал их; потребовали отдать домашнюю мебель – он отдал и ее.

В 1918 году власти попытались арестовать священника с тем, чтобы непременно убить его, но отец Александр пешком ушел в город Усмань, а оттуда уехал в Воронеж, где получил назначение в храм в селе Липовка. Здесь он прослужил два с половиной года. После этого год служил в храме села Мечешка, а затем, до самого своего ареста, – в Успенской церкви в селе Бутурлиновка Воронежской епархии. Во время служения в Бутурлиновке отец Александр был возведен в сан протоиерея и назначен благочинным.

В 1929 году усилились гонения на Русскую Православную Церковь. 8 апреля 1930 года отец Александр был арестован. На допросах он не признал себя виновным, но большевики и не нуждались в этом. Уфабрикованные дела преследовали одну цель: уничтожение православного духовенства.

Тогда же был арестован священник Сергей Гортинский.

Священномученик Сергей (Гортинский) родился 10 марта 1889 года в городе Рязани в семье священника Дмитрия Гортинского. Окончил ше-

стилетнее училище в городе Александрове Эриванской губернии.

В 1916 году Сергей Дмитриевич был рукоположен в сан диакона, а в 1920 году – в сан священника и некоторое время служил в храме села Тылка Черниговской губернии. Через пять лет перешел служить в храм села Козинка Ставропольской губернии. К этому времени уже широко действовал закон об отделении Церкви от государства, и многие крестьяне, оформляя свои браки в государственных учреждениях, жили невенчанными, без церковного благословения. Отец Сергей убеждал таковых повенчаться, а упорствующих предупредил, что живущих в браке невенчанными не будет допускать до причастия. Власти сочли такую его деятельность антигосударственной, нарушающей закон об отделении Церкви от государства. Отец Сергей был арестован и сослан в город Воронеж. Здесь в 1928 году он снова был арестован и обвинен в том, что является идейным руководителем епархии. Обвинение доказано не было, и священника освободили.

В 1930 году отец Сергей был арестован вместе с духовенством и монахами Алексеевского монастыря. Его обвиняли в том, что он вел антисоветскую агитацию как лично, так и через других, главным образом через архимандрита Тихона (Кречкова).

На допросах он отвечал скупой, стараясь никого не называть. Отец Сергей был тяжело болен туберкулезом и с трудом переносил заключение. Когда ему было предъявлено обвинение в контрреволюционной деятельности, он написал: «Обвинение предъявленное я не признаю, ибо это явная ложь...»

С ними же был арестован священник Феодор Яковлев.

Священномученик Феодор (Яковлев) родился в 1897 году в семье крестьянина Санкт-Петербургской губернии Михаила Яковлева. Окончил семь классов Воронежского реального училища. После октябрьского переворота был мобилизован в Красную армию, затем служил в милиции в губернском продовольственном комитете. В разгар гонений на Церковь он был рукоположен в сан священника, служил в храме Алексеевского монастыря и вместе с духовенством монастыря был арестован в начале 1930 года.

На допросе 2 марта на вопрос следователя о контрреволюционной деятельности отец Феодор ответил: «Виновным себя в предъявленном мне обвинении не признаю... Когда я служил в Алексеевском монастыре, то у меня исповедовались крестьяне окрестных сел. На исповеди крестьяне моего совета относительно вступления в колхоз не спрашивали, но был случай, когда двое крестьян в декабре 1929 года спросили у меня после службы, как быть с колхозом, записываться или нет. Я им говорил, что греховного и преступного во вступлении в колхоз не вижу...» Отца Феодора, как и многих священнослужителей, обвинили в контрреволюционной деятельности.

Вместе с вышеперечисленными священниками были арестованы иеромонах Георгий (Пожаров), иеромонах Косма (Вязников), священник Георгий Никитин и миряне: Ефим Гребенщиков и Петр Вязников. Виновными в предъявленном обвинении: «контрреволюционная деятельность и антисоветская агитация» – они себя не признали. 14 июля 1930 года им зачитали постановление об окончании следствия. 23 июля обвинительное заключение было отправлено в Коллегию ОГПУ. 28 июля Коллегия рассмотрела «дело» и приговорила обвиняемых к расстрелу.

Вечером 2 августа 1930 года обвиняемым объявили приговор. Затем их погрузили в машину, чтобы везти в окрестности Воронежа и учинить расправу. В десять часов вечера того же дня архимандрит Тихон (Кречков), иеромонахи Георгий (Пожаров) и Косма (Вязников), священники Иоанн Стеблин-Каменский, Сергей Гортинский, Феодор Яковлев, Александр Архангельский, Георгий Никитин и миряне Ефим Гребенщиков и Петр Вязников были расстреляны.

Все они до последнего своего часа остались верными Православной Церкви. Несмотря на смертельную опасность положения, не отреклись от веры своих предков, не переметнулись в «обновленчество». Всеми силами стремились поддерживать духовных отцов и братьев, находящихся в большевистских застенках, укреплять в вере прихожан, понимавших, что каждое посещение церковной службы, общение с духовником может стать причиной занесения их в «черный список» власти.

Иосиф Стернин

О научных статьях и рейтингах

Почему мы себя не уважаем?

Последнее время меня все время учат, как надо писать научные статьи и где мне их следует печатать.

Почему? А чтобы у меня был рейтинг.

Кто-то, видите ли, решил подогнать всю нашу науку и наши статьи под стандарт, принятый на Западе (и, отмечу, в основном в естественных науках). Для меня как гуманитария это особенно дико.

Распространившееся безумие в научных кругах: Скопус, Веб оф сайенс и другие – теперь критерии моей научной деятельности. Только в индексируемых там изданиях мне надо публиковаться. Иначе я не ученый и звать меня никак. Именно Скопуса и иже с ним требует от нас руководство вузов, ВАК, министерство в отчетах о научной работе, различные фонды, к которым ученые могут обратиться за грантами на научную деятельность.

Мы только что привыкли к РИНЦ, так российский индекс научного цитирования уже второстепенен, а все остальное, опубликованное вне фиксации в РИНЦ, вообще не считается наукой. Почему? Кто это решил? На каком основании? Почему ученых никто не спросил?

Монографии, изданные в России, не считаются за научные работы, а статьи в ВАКовских журналах за хорошую плату – вот это, оказывается, наука. Бедных аспирантов и докторантов журналы просто «разводят» на деньги, как сейчас любят говорить... А многочисленные межвузовские сборники, которые у нас в стране традиционно выпускаются вузами и научными школами, тезисы и материалы выступлений на крупных научных конференциях вообще никто не учитывает, и ни для одного рейтинга они не нужны. А ведь именно там зачастую печатаются важные и ценные результаты аспирантов и докторантов, преподавателей вузов, действующих ученых.

Но надо только в ВАКовских журналах, и еще обязательно индексируемых в западных информационных системах.

Почему мы так не уважаем собственную российскую науку?

Необходимо бороться за качество научной продукции, спору нет. Надо бороться с липовыми диссертациями, липовыми защитами, липовыми статьями. Но как раз полная формализация требований к научной работе, умножающиеся непомерные формальные требования к научным публикациям затрудняют работу настоящих ученых (многие мои коллеги, я в том числе, часто просто отказываемся от публикации из-за непомерных требований к содержанию, цитированию, библиографии, переводу на английский, требованиям оплаты и под.). Но это как раз упрощает липовые разработки и липовую науку – там-то, за денюжки, все будет правильно, халтурщики и плагиаторы уж эти требования тщательно соблюдают. На это посмотрят легким взглядом редакторы, рецензенты и выведут заключение – хорошая работа (статья, монография, диссертация), все требования соблюдены, можно и не читать, а публиковать или защищать.

О рейтингах.

Рейтинги достижений ученых нужны нам в первую очередь внутри страны в рамках соответствующего научного направления, науки, отрасли. И составлять их должны специалисты данной отрасли, а не чиновники и не технические работники по формальным показателям, установленным ими самими.

Надо перестать молиться на западные рейтинги типа пресловутой индексации в Scopus – они на Западе наши рейтинги не учитывают, почему мы должны их рейтинги учитывать и тем более абсолютизировать? Забытое выражение «низкопоклонство перед Западом» здесь как раз кстати. У нас есть РИНЦ, вот на него и должны наши ученые ориентироваться. И не надо принуждать ученых за собственные деньги печататься в дорогущих зарубежных журналах, якобы индексируемых в любимых чиновниками Скопусах, Вебах оф сайенс и иже с ними. Это просто неприлично. Да еще тут явно налицо коммерческая составляющая.

Очень важно, цитируют ли тебя в авторефератах и диссертациях, это главный показатель научного работника – его идеи осваиваются учеными, востребованы в научном направлении. А это как раз нигде не учитывается. Почему?

Общее количество работ ученого и общая цитируемость всех его работ важнее пресловутого

Об авторе: Стернин Иосиф Абрамович, доктор филологических наук, профессор Воронежского госуниверситета, заслуженный деятель науки РФ.

Хирша, именно они свидетельствует о его научной активности и продуктивности. У меня, кстати, индекс этого самого Хирша – 42, руководству это нравится, но что это говорит о моем научном потенциале, моих научных результатах? А вот более 1000 публикаций, более 14 тысяч цитирований, 90 защитившихся аспирантов и докторантов говорят, как мне кажется. Именно это характеризует меня как активно работающего ученого.

Учитывать надо все публикации и ссылки на работы ученого, не деля их на «чистых» и «нечистых».

Самые интересные и плодотворные научные идеи могут высказываться учеными, работающими в вузах (а таких большинство) в выпускаемых вузами тематических сборниках, периодических межвузовских сборниках, материалах конференций. Важно качество статьи, высказанные идеи, будут ли на них ссылаться и развивать их, а не то, где это опубликовано.

И не надо чиновникам учить ученых писать статьи.

А последнее время меня все время учат, как надо писать научные статьи.

Многочисленные журналы приглашают печататься у них и при этом присылают такой список требований к статьям, который (список требований) занимает иногда до 1 п. л.! Только что получил две таких инструкции от известных московских вузов – 14 с. и 16 с. соответственно.

Ради чего?

А ради тех же зарубежных рейтингов.

Многочисленные журналы, претендующие на ВАКовский статус и международный рейтинг, диктуют автору, что должно быть в его статье и чего там не должно быть.

Кто вообще за меня может и имеет право решать, о чем мне писать и что включать в статью, а что не включать? Кто эти люди, какова их квалификация в моей науке и чем они руководствуются в своих требованиях?

Приведу самые с моей точки зрения вопиющие требования (это обобщение требований нескольких журналов по филологии, специально не указываю, каких – тенденции везде одинаковые).

Что я должен **включить в статью обязательно**?

В РЕЗЮМЕ я должен обеспечить читателю возможность «понять уникальность данной статьи (исследования или обзора) – **чем эта статья отличается от аналогичных работ**» – а это к чему? Я пишу о конкретной проблеме, а не об уникальности своего исследования, и **вовсе не обязательно сравниваю свои результаты с другими исследованиями.**

«Объем текста в РЕЗЮМЕ в пределах 200-300 слов» – почему за меня решают, сколько слов будет мое резюме? Может, мне и двух строчек хватит?

«Необходимо указать официальное англоязычное название учреждения» – **это зачем?**

Зачем вообще мне, филологу, делать англоязычные аннотации? По филологии нас читают филологи, а они знают тот язык, который является материалом исследования. Другие ученые за рубежом наши статьи по вопросам языка не читают, а если все-таки возьмут ее в руки и поймут нашу англоязычную аннотацию – все равно не станут читать, там вообще принято ссылаться только на своих.

Как гуманитарий скажу, что вообще **мы наносим своими английскими аннотациями огромный вред отечественной гуманитарной науке.** Огромное количество наших оригинальных идей и терминов не может быть адекватно переведено на английский (например, в отечественной лингвистике за долгие годы сложился свой самобытный понятийный аппарат и многие наши филологические термины на английский язык просто не переводятся – там нет ни таких понятий, ни слов для их обозначения), многие аспекты и даже направления наших гуманитарных исследований, наша проблематика за рубежом вообще не интересна, а вымученный приблизительный перевод создает для англоязычного читателя ложное представление о содержании наших работ, и от такого перевода зарубежный читатель просто приходит в недоумение – чем они там занимаются? Он поймет совсем не то, что мы стараемся довести до читателя.

Пропагандировать нашу науку и наши достижения надо не тщетными переводами аннотаций и библиографии на английский язык, не подгонкой структуры научных статей под западные традиции, не пропихиванием за большие деньги статей в распространяемые за рубежом издания, а прежде всего в личных встречах на международных научных конференциях, когда мы можем что-то развернуто представить, объяснить свои позиции, представить свои термины для новых явлений, пояснить свою позицию в дискуссиях и ответах на вопросы, преодолев трудности перевода и различия в терминологическом аппарате, исследуемой проблематике и применяемых методах.

Стандартный объем статьи 4000 – 6000 слов (15-20 страниц, шрифт 14, интервал 1,5). **Почему именно столько страниц? А если меньше будет? Или нужно, чтобы авторы больше заплатили за публикацию?**

«Текст статьи необходимо разбить на части и написать заголовки:

- введение
- цель
- материалы и методы
- результаты
- обсуждение
- заключение
- библиографический список»

А если моя статья посвящена конкретной проблеме – зачем это все?

«Введение: обосновывается актуальность статьи, обозначается проблема, ранее частично рассматриваемая / не рассматриваемая в науке. Ука-

зывается её практическое значение. Определяется вклад данной статьи в науку. Предлагается обзор литературы по рассматриваемой проблеме (история вопроса), сравниваются источники (не менее 20-30). Объём – 1-2 страницы».

Кто за меня решает, сколько страниц должно быть мое введение и что я должен там написать? Как определить вклад статьи в науку? Это не диссертация и не монография. Тем более она ещё не опубликована. Зачем обязательно история вопроса? Почему я должен сравнить именно 20-30 источников? А если сравнивать нечего? И зачем сравнивать, если можно просто сослаться на нужную работу? Зачем описывать практическое значение статьи? А если статья теоретическая, фундаментальная?

«Методы и материалы исследования: обозначаются и описываются методы исследования, материалы, предлагается организация эксперимента, методика работы. Объём – 1-2 страницы».

А если мне надо меньше или больше страниц? А если нет эксперимента? Зачем описывать методы исследования, если можно просто сослаться на эти методы?

«Результаты: предлагается оценка результатов исследования, сравниваются полученные результаты с результатами исследований других авторов. Объём – 1-2 страницы». **Почему я должен сравнивать свои результаты с другими? А если до меня вообще никто этим не занимался?**

«Обсуждение: описывается исследование, обозначается научная новизна работы для отечественной и зарубежной науки, определяются перспективы. Объём – 8-15 страниц». **Почему мне диктуют, сколько страниц я должен написать? Как я могу определить значение своей статьи для отечественной и даже зарубежной науки, если она ещё не опубликована? Зачем перспектива в статье?**

«Заключение: подводятся итоги статьи. Объём – 1 страница».

Почему заключение – 1 страница? А если мне надо больше?

«Библиографический список: 20-30 источников, указываются источники за последние 5-10 лет, приветствуются ссылки на иностранную литературу» – вообще полный абсурд. **Почему мне диктуют, за какой период я должен брать источники и сколько их должно быть, если неизвестно содержание и проблематика моей статьи? А если иностранные ученые этим не занимались и не занимаются (что чаще всего в филологической науке и бывает)?**

Подобные требования уместны к монографиям, диссертациям, но не научным статьям. При этом конкретная наука в предлагаемых мне «указаниях» никак не учитывается – к филологам, медикам и математикам требования абсолютно одинаковые. Вот что написано на сайте одного филологического журнала: «При подготовке рукописи для направления в редакцию авторам сле-

дует руководствоваться следующими правилами, составленными с учетом требований российских и международных ассоциаций и организаций, в том числе «Единых требований к рукописям, предоставляемым **в биомедицинские журналы**» (Uniform Requirements for Manuscripts Submitted to Biomedical Journals) и т. д.». **Почему я, филолог, должен писать как медик?**

Требуют еще указать *источник финансирования (?)*, и выдвигают целую кучу совершенно непонятных требований к оформлению библиографии, в частности:

- русскоязычные источники в References следует привести в их латиноязычном эквиваленте – они должны быть написаны буквами романского алфавита;
- те исходно русскоязычные источники (и их части), у которых существует официальный перевод на английский (или другой язык, использующий романский алфавит), должны быть приведены в переводе;
- те источники (или те части библиографического описания), для которых перевод не существует, должны быть приведены в транслитерации;
- все источники в References следует оформлять в стиле Vancouver (что это вообще такое?);
- при публикации статьи часть или вся (?) информация должна быть дублирована на английский язык или транслитерирована (написана латинскими буквами). **Это-то все к чему?**

И еще – указывается, что мне как автору нельзя ссылаться на свои работы. А именно: «Следует избегать самоцитирования.... Самоцитирование желательно ограничить 3 ссылками».

Почему нельзя сослаться на свои ранее полученные результаты? Я много лет разрабатываю одну проблему и каждый раз ссылаюсь на уже достигнутое. Что, повторять все в каждой новой статье? А если мне надо сослаться на последовательный ряд своих работ, или на работы с соавторами?

Какие выводы я могу сделать?

Рейтинг российских ученых важен, прежде всего, в их отрасли внутри России. Системы РИНЦ для этого вполне достаточно.

Учитываться в работе учёного должны все публикации, независимо от места публикации и издания, и все цитирования всех его работ, независимо от издания и независимо от того, размещены данные работы в РИНЦ или нет¹. Не надо самих себя унижать.

Не надо тратить силы на перевод на английский язык развернутых аннотаций, все равно их на Западе никто не читает. Наши англоязычные ан-

¹ РИНЦ, между прочим, тоже коммерческий проект – вузы и научные учреждения должны платить за размещение работ своих сотрудников в РИНЦ.

нотации (особенно в гуманитарных науках) в большинстве случаев создают искаженное представление о содержании работы.

Для того чтобы заинтересовать содержание статьи потенциального иностранного читателя перевода ключевых слов более чем достаточно.

Абсолютно убежден, что все так называемые ВАКовские журналы должны быть бесплатными. При этом вне контекста защиты диссертаций нельзя требовать от ученых обязательно иметь именно

ВАКовские публикации (например, для прохождения по конкурсу, присвоения ученого звания, выступления оппонентом), это его личное право, где и что публиковать.

И чиновники должны перестать учить ученого писать статьи, выставляя требования к их структуре, объему, библиографии и т. д. Это дело самого ученого, а не чиновников.

г. Воронеж

Т. Федоренко Особенности уличного театрального представления (на примере эстетики итальянского театра)

Аннотация: данная статья является фрагментом одной из глав из книги автора «Уличный театр: Исследование опыта уличного театра в контексте культурной традиции, градообразующей и управленческой составляющей мегаполиса» и посвящена исследованию концепции уличного театра в творчестве блистательного итальянского режиссера Дарио Фо.

Ключевые слова: Дарио Фо, эстетика уличного театра, демократия общества, историческое наследие, мировоззрение.

«Наследуя средневековых шутов, порицает власть и авторитет и защищает достоинство угнетенных», – такова формулировка Нобелевского комитета, прозвучавшая в 1997 году при вручении премии по Литературе итальянскому сатирику, драматургу, театральному режиссеру, актеру и композитору Дарио Фо.

Подлинный сын итальянского юмора и лицедейства, рожденный в устных формах народного творчества на севере страны в маленькой альпийской деревушке Сан Джано в беднейшей рабоче-крестьянской семье с идеалами антифашизма, Дарио Фо начинал в первой половине двадцатого века с сатирических монологов в духе народных сказителей на радио. В 1953 году он покидает факультет архитектуры Политехнического института в миланской Академии Брера, где Дарио обучался живописи, и создает театр-варьете, для которого пишет фарсы, пробует себя как художник и сценарист в некоторых кинофильмах: все это формирует в нем желание создать свой театр. В 1959 году появляется «Труппа Дарио Фо – Франка Раме», для которой искрометный талант литератора создает множество фарсовых комедий, содержащих сатиру на буржуазное общество и фактически возрождающих средневековый жанр уличной площадной комедии Италии (commedia dell'arte). В глубине веков, в народных корнях театрального устного народного творчества первого в Европе профессионального «искусного театра» с элементами режиссуры и основами актерского мастерства, рожденных из

Об авторе: Федоренко Т. Н., соискатель аспирантуры кафедры искусствоведения, Санкт-Петербургский государственный институт культуры.

фееричных итальянских карнавалов с их шутами, масками, мимами, выразительностью юмора и искрометной импровизации, пышностью и яркостью костюмов, и непосредственной реакцией темпераментных южных зрителей, охотно становящихся участниками уличного театра – в этом во всем берет свои истоки Дарио Фо и несет это все в культурную жизнь современного мегаполиса.

Естественно упомянуть близость уличного театра и циркового искусства по экстремальному эмоциональному воздействию на зрителя, энергетической концентрации действия и всего антуража изобразительных средств. Клоунада же присутствует в обоих видах искусства.

Во все времена и у всех народов уличные представления традиционно были бесплатными, а очень часто зритель – действующее лицо импровизированного спектакля – сам получал небольшой подарок или вознаграждение за участие в представлении. Этот незатейливый прием всегда активизировал зрителей, и сегодня интерактивное свойство уличных театров интенсивно применяют рекламные технологии. Говоря об эстетике уличного театра на примере итальянского театра Дарио Фо, мы можем отметить, что финансирование уличных представлений сформировалось двумя способами.

Первый способ: представление оплачивает организация, заинтересованная в общественном интересе крупномасштабной акции и преследующая свои корпоративные цели (администрация города, спонсоры, цеха ремесленников для рекламы своей продукции, церковь).

Второй способ: уличная театральная труппа ставит камерный спектакль на свой страх и финансовый риск, предлагая зрителям добровольно внести плату за уличное представление, тем самым определяя своеобразный эквивалент полученному эстетическому удовольствию от увиденного. Понятно, к какому относится театр оппозиции и политической сатиры Дарио Фо. Уместно упомянуть и представления на открытых сценических площадках с платным входом – от эстрадных площадок в городских парках до знаменитого театра Крэга Арена Гольдони во Флоренции, берущих свои истоки от классических античных древнегреческих и древнеримских театров с только им присущим уникальным видом организации представлений.

Два вида финансирования уличного театра определили два исторических направления развития этого вида театрального искусства – «пропагандистское» и «оппозиционное». Сложность взаимного исторического сосуществования «пропагандистского» направления уличных представлений и «оппозиционного» направления выражается в том, что очень часто они проникают друг в друга и редко встречаются в чистом виде, постоянно пересекаясь и взаимодействуя друг с другом.

Финансовое воздействие со стороны заинтересованной общественной группы может лоббировать в «оппозиционном» направлении некоторые темы выступлений, и, наоборот, в «пропагандистском» направлении образуется критическое течение.

«Пропагандистскому» направлению начало определили первобытные ритуалы с их архаичными стремлениями поддержать авторитет вождя или шамана наряду с заклинаниями об обильном урожае, удачной охоте или дождях в засуху. Можно отметить, что в современных PR-технологиях организации массовых уличных представлений почти ничего не изменилось.

При тоталитарных режимах подобные яркие эмоциональные события и действия зачастую использовались властью для отвлечения народа от крамольных мыслей: «Хлеба и зрелищ!» – со времен Древнего Рима позволяло правителям неплохо манипулировать мнением народных масс. Средневековые ярко отразилось в необыкновенных церковных Рождественских и Пасхальных шествиях-мистериях, причем был период проникновения уличных представлений на библейские темы в стены готических соборов.

Тогда же впервые возникают актерские профессиональные группы уличных театров. Характерной чертой данного исторического периода явилось то, что с увеличением масштабов государственности возрастал масштаб уличных массовых театральных представлений, росло количество актерских трупп, обслуживающих данные «пропагандистские» мероприятия.

Придворные развлекательные зрелища, особенно популярные во Франции, Италии и Англии в Средние века и проходившие, как правило, на открытых площадках садово-парковых дворцовых ансамблей, стали одним из направлений развития этого театрального явления, но уже без яркого идеологического подтекста.

Уличные представления бродячих актеров – очень древнее явление как на Руси (скоморошество), так и во всем мире. Они положили начало «оппозиционному» направлению уличных представлений, а со становлением театра как профессионального явления, уличные труппы стали объединяться в актерские артели и сообщества на паевых началах.

Исторически развитие «оппозиционного» направления очень интересно и разнообразно

по своим проявлениям. Особенно ярко это проявилось в Италии Возрождения, чей театральный уличный росток *commedia dell' arte* составил базу для развития всего европейского театрального искусства. Не остались в стороне от политических и социальных ураганов представители искусства Италии и в двадцатом веке, а одним из самых талантливых сынов своего народа был и остается Дарио Фо: на данный момент ему 89 лет, но в это трудно поверить. Политические события в мире конца 1960-х, например, война во Вьетнаме, изменили позицию режиссера к своему творчеству: он порвал с коммерческим театром, перестал быть «шутком буржуазии», перейдя к театру политическому – движению, которое переживало в те годы в странах Запада свой расцвет.

Дарио Фо вошел в состав культурной организации итальянской компартии и со своим новым театром «Нуова шена» объездил всю страну, показывая представления на площадях простым сельским жителям и рабочим фабрик. Писал он теперь и режиссировал в стиле агитпропа комедии о борьбе пролетариата с капиталом, но даже в этот трудный период его пьесы наполнены фарсом, соединением фантастики и реальности, буффонадой и гротеском. При этом необходимо осознавать итальянское восприятие коммунизма и отношение к фашизму, глубоко отличное от российского и даже советского – в доступной форме это объяснил Бернардо Бертолуччи в своем эпическом фильме «Двадцатый век», вышедшем на экраны в 1976 году.

В 1969 году Дарио Фо создал Мистерию-буфф по сюжетам Евангелий и средневековых хроник Италии, и других европейских стран – по мнению многих критиков и публики именно это произведение можно назвать лучшим из всего созданного писателем и режиссером. Дарио Фо отнесся к Писанию как к фольклору, опираясь на апокрифические, а не на канонические евангелия.

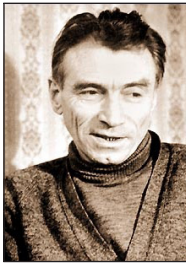
Пьеса, храня средневековые традиции итальянского уличного представления, имеет открытую структуру и легко расширяется, интерпретируется, принимает новые сюжеты, сцены – игровой сюжет легко переходит в общение с залом, провоцируя обсуждение современной политики.

Таким образом, Дарио Фо создает спектакль своей жизни: из года в год меняется его мировоззрение и меняется диалог со зрителем, даже опубликованные им варианты Мистерии-буфф отличаются друг от друга. В игровом сюжете за последние десятилетия побывали все ведущие политики мира и Италии. Надо сказать о том, что с 1970 года Дарио Фо примкнул к позиции крайне левых и создал новый театральный коллектив «Ла Комуна», независимый экономически и политически.

Наиболее часто в театрах разных стран показывают еще одно яркое, стремительное по сюжету и режиссуре фарсовое произведение Дарио Фо «Случайная смерть анархиста» (1970 год). А в 1982 году итальянский гений создает моноспектакль «Не-

пристойная басня» по мотивам старинных народных фарсов уличного театра масок, как всегда имел огромный общественный резонанс. В целом явление эстетики театра Дарио Фо можно воспринимать в контексте современных городов как лакмусовую бумажку подлинной демократии общества и тех политических режимов, которые в данный момент находятся в стране у власти.

Его называют паяцем, им восхищаются, его ненавидят и боятся, а это значит, что блистательный актер, интересный режиссер, мастер импровизации и самый популярный из ныне живущих драматургов Италии прожил жизнь не зря, сохранив средневековое историческое наследие своего народа и привив его на современную почву культурной жизни городов мира.

Виктор Концевский Третий лишний

Предлагаемая вниманию читателей «Акцентов» глава из книги Виктора Концевского «Третий лишний» – шестой в ряду знаменитых путевых заметок автора – романа-странствия «За Доброй Надеждой», помимо интересного рассказа о рейсе во льдах антарктических морей, содержит размышления о соотношении художественного и документального, правды и вымысла в произведениях, основанных на реальных событиях...

12.03

В 21.00 Юра перепихнул сорок человек наших пассажиров на «Зубова» вельботами. Он действует по загадке-принципу: «Как сделать из трех неприятных операций – две?» – «Спихнуть одну коллеге».

Я болтался на старпомовском вельботе. Сделал четыре рейса. Два с людьми, два с вещами.

Надел две фуфайки, двое кальсон под ватные штаны и водолазный свитер – все одно замерз.

За бортом сразу встретили нас суслики-пингвинчики. Они вылезли на льдину и грелись на солнышке.

Произвели с «Зубовым» ченч: они нам двадцать килограммов колбасы, мы им черный хлеб и кислую капусту.

Смерть прошла в сантиметре от Вити Мышкева в виде четырехсоткилограммового ящика с какой-то аппаратурой, когда боцман майнал ящик в вельбот. Сетку сильно раскачало, оттяжка лопнула, ящик просквозил впритык к старпомовскому затылку. И это хорошо, что к затылку. Если бы Витя видел происходящее, то поседел бы в свои тридцать лет. Или – это уж во всяком случае – перестал напевать свою дурацкую песенку:

Мы с Тamarой ходим парой:

Проходимки мы с Тamarой.

Под Тamarой подразумевается второй помощник. Только старпом и второй допускаются в Антарктиде к сомнительному удовольствию командовать вельботами при перевозке людей и грузов...

Потом сетка шлепнулась в корму вельбота. Сесть к румпелю по-человечески Вите не удалось – некуда ноги спустить. Он вышел из положения оригинальным образом: сел на ящик спиной к движению и рулил ногами, а я орал: «Право!», «Лево!».

Переносная рация не работала на передачу. Я засунул микрофон под опущенное ухо шапки. И к концу мероприятия сильно оглох на одну барабанную перепонку.

Однако и красота вокруг была неповторимая. И айсберги, и пингвинчики в ракурсе с воды, из вельбота, производят особое впечатление.

А последний рейс мы делали уже после захода солнца при полной луне. Айсберги стали черными, вода густо-голубая – можете такое представить? И еще огни судов – такие же желтые, как и огромная луна.

С ноля на Молодежной опять сток. Сорок человек наших пассажиров на «Зубове» закуковали в ожидании улучшения погоды. Теперь все заботы о них на капитане Андржеевском, а Юра таким оборотом доволен явно.

Вероятно, все дело в предстоящих круизах. И в числе 20. Юра твердо решил выйти из Антарктиды к двадцатому марта и загнал таким решением сам себя в угол. Число имеет не символический, но вполне рациональный смысл. Если мы уходим домой двадцатого, то успеваем к плановому сроку начала ремонта в Ленинграде.

Кончается топливо. Танкер «БАМ» все еще в западном полушарии. Где-то там вляпался при швартовке и теперь имеет в борту камень. Так с вдавненным в борт камнем и плавает. Раньше двадцатого он в Молодежную не приплетется.

Антарктическое начальство предлагает Юре самое ненавистное: принимать топливо с береговой емкости. Береговое топливо идет по гибкому шлангу за тысячу двести метров самотеком под уклоном в десять-пятнадцать градусов. Напор маленький, так как уровень топлива в емкости уже очень низкий. Береговые специалисты спросили Ямкина о возможности подключить судовые насосы, Юра сказал, что использовать таковые невозможно, так как имеется на борту только переносная водяная аварийная помпа. (Врет или нет – неясно.)

Тогда нам предложили залезть в бухточку поближе к топливным емкостям. Там надо врубить нос судна в снежник и работать машинами все время приемки топлива, чтобы удерживаться на месте. Ямкин категорически отказался. И правильно, я считаю, в данном случае отказался.

Надеяться на «Маркова» безнадежно. Он застрял в десятибалльном льду залива Ленинградский, повторив ошибку «Капитана Кондратьева», который в прошлом году там тоже закупорился.

Я намеревался хотя бы через «Зубова» попасть на Молодежную, высадиться наконец на материк ногами.

Тяжелый разговор с Юрой. Он запретил. Я сказал, что здесь нахожусь ныне еще и как пишущий человек, и мне надо побывать на берегу обязательно, и потому надо точно знать: собирается он швартоваться к «Брянсклесу» или это все пустые разговоры?

Он на последний вопрос отвечать отказался и сказал, что я обязан был его предупредить заранее о намерении побывать на Молодежной. Я сорвался и сказал, что в следующий раз буду подавать рапорты в письменном виде за сутки или «в тот момент, когда вы уже валерьянку выпили».

Он сказал, что на торговом флоте я полупрофессионал. Выше дублера капитана мне не бывать. Но я сел и книгу написал, и гонорар получил, а ему чем на хлеб зарабатывать, если здесь во вторую аварию влипнет?

– Мне, так сказать, вкалывать надо. И – мальчики кровавые в глазах. Снятся мне и новорожденный, и девушка шестнадцатилетняя, и паром этот чертов, расплющенные автомобили, бензин потоком... Почему мы не запыхали? А ты знаешь, что у меня в первом трюме было? И сейчас страшно вслух сказать. В Японии вручили сертификат на химикалии в первом номере – взрыв при соединении с морской водой. А воткнулись-то носом! Я же каждую секунду жду, что о воде в первом трюме доложат. И не решить никак: «Говорить?! Не говорить?! Говорить?! Не говорить?!» На пароме такая паника начнется – пятьсот пассажиров! Они и так ждут, когда бензин полыхнет или судно перевернется... Да, я не хочу плавать. Мне довольно. Я устал. Хочу в тихие Нидерланды. И там тянуть до пенсии. И я не могу больше рисковать.

Я сказал, что он вовсе потерял юмор.

– У вас плохая привычка. Вы говорите то, что думаете. И хвастаетесь этим. А человек, который способен брякнуть вслух все, что он истинно думает и чувствует, такой человек способен и любую глупость сделать. И потому для начала заткни ему глотку. Слышали такой афоризм?

– Есть, ясно, вас понял. А с «Зубова» воду будем брать?

– Нет. Он сам ее в Африке брал. Из дома уже шесть месяцев. Хуже, чем из Амазонки, у него теперь вода.

– Цветет?

– Виктория-регия, – пробормотал Ямкин, глядя на блинчатый лед за бортом, розовый, шевелящийся, светящийся.

Здесь меня осенило, что и Юра сейчас наговорил мне вполне достаточно того, чего говорить ему не следовало, но я промолчал об этом.

«Зубов» (КМ Андржеевский Олег Васильевич, седьмой раз в Антарктиде) за одни сутки закончил здесь свои дела: высадил наших людей, принял пятьдесят человек, выгрузил двадцать тонн груза в ящиках и нормально уплыл, помавав нам на прощание ручкой.

С Молодежной сообщили, что нынче в двенадцать тридцать будут запускать аэрометеорологическую ракету на стокилометровую высоту. Мы чест-

но пялили глаза, ибо, по рассказам очевидцев, это эффектное зрелище, но, увы, ничего не увидели.

Вечером поговорил с Коньшевым. У него обвалился кусок ледового причала между вторым и четвертым трюмом. Это он назвал «маленьким несчастьем... которое можно считать удачей, ибо теперь сможет поджаться к причалу потеснее».

14.03

Великий день – мы пришвартовались к «Брянсклесу» правым бортом. Юра проделал эту операцию великолепно – точно, неторопливо, решительно и красиво.

Да, никуда не денешься: когда КМ Ямкин что-то решил, то делает это на высшем пилотаже.

Какое приятное, родное ощущение, когда суда в чужом краю сходятся, сближаются, соприкасаются наконец боками и затихают.

Очень коров напоминают.

Только хвостами не размахивают.

И знакомые физиономии, сохраняющие по возможности невозмутимое выражение. Руки подняты в приветствии. Проходят, как теперь принято говорить у космонавтов, последние команды: «Первым подавать носовой шпринг!.. Чего тянете?! Подавай продольный!..»

Довольно долго сооружается переходной трап – сходяня.

Но крылья мостиков разделяют всего метра три – разговаривать можно без напряжения.

Щелкает лицом наша штатная фотографша.

Холодрыга.

На ледовых берегах танковыми моторами урчат вездеходы.

С «Брянсклеса» полным ходом идет выгрузка тяжеловесов.

Даже смотреть со стороны на эту операцию страшновато.

В каюте Коньшева сразу попадаю за стол.

Аркадий Сергеевич собственноручно делает коктейль из мартини и джина.

Пьем за неожиданные встречи.

(Мы, конечно, не знаем, что судно, на котором мы пьем, через год напорется в Арктике на льдину и булькнет, а мы с Коньшевым встретимся через четыре месяца в Арктике, но борт к борту, наверное, уже не сойдемся никогда.)

Закусываем красной рыбой.

И он отправляется командовать выгрузкой аэродромной машины, а я ступаю на твердь Антарктиды, залезаю в стылую сталь вездехода и колыхаюсь на Молодежную.

Никаких особых чувств не испытываю.

Обычная полярная станция при полярном поселке.

Конечно, показывают на столб со стрелками – указателями расстояний в километрах до Москвы, Ленинграда и... Жмеринки – «N+1 км».

Спрыгиваю с вездехода у домика геофизиков. Ноги ослабли за время плавания и лежания на диване в каюте. Правая подворачивается, и я рас-

тягиваю щиколотку. Последнее время меня беспрерывно сопровождает какая-нибудь боль. За что, господи? Неужели я такой уж страшный грешник?

Геофизики угощают свежим – прямо с окна – помидорчиком. Растут помидорчики!

Огромная – метра два на полтора – фотография голенькой мисс на стене домика. Автографы покрывают ее ножки. Выбираю более-менее приличное место и пишу: «Счастье Хозяйке этого дома!»

Забытый сменившимися зимовщиками транспарант-объявление: «Прием писем на родину – прекращен!»

Собака на всю Молодежную одна – пес Прохор.

Его оставили старые зимовщики новым. Он никого еще не знает, лает на всех, не подходит на зов и, конечно, как все брошенные на этом свете, вероятно, чувствует себя третьим лишним.

Мы постояли на «веранде» дома № 1 по улице Сомова – есть у них там такая. Дом № 1 близко от берегового обрыва.

Прохор сидел между домом и обрывом и то выл, то лаял на нас – чужих пришельцев.

Из живности на обсерватории есть еще прирученный поморник.

И довольно большое уже кладбище.

Могилы двух пилотов, бортмеханика, похороненных здесь, родственники просили сфотографировать. С этой просьбой было много хлопот.

У нас нынче заметно изменилось отношение к смерти.

И раньше говорили: «Был полковник, помер – покойник». Но это не означало, что к покойнику можно допускать легкомысленно-торопливое отношение.

Жена губернатора Шпицбергена Лив Балстад написала хорошую, жизнестойкую, крепкую книгу «К северу от морской пустыни».

Лив пишет и об ужасе полярной смерти, о тех тяготах, которые приносят покойники живым зимовщикам. Но норвежцы, самые обыкновенные рядовые шахтеры, шли на любые тяготы – жили рядом с замороженными трупами, но дожидались навигации и отправляли тела умерших и погибших на материк, в землю предков.

Сегодня нашим полярникам и в голову не приходит такое.

Возле антарктических полярных станций появляются кладбища. Конечно, за могилами ухаживают. Но ведь могила отца нужна сыну, а сын бесконечно далеко.

На пассажирских судах есть специальный рефрижератор для перевозки останков умерших в рейсе пассажиров. До прихода судна сохранить в Антарктиде тело ничего, кроме неприятных хлопот, не стоит. Но об этом и не заикаются.

Русский народ еще сказал: «Кто чаще смерть поминает, тот меньше согрешает». И гениальное: «Кто жить не умел, того помирать не выучишь».

Однако я сейчас и Чехова вспоминаю, когда он пишет: «Н. М. Пржевальский, умирая, просил, чтобы его похоронили на берегу озера Иссык-Куль.

Умиравшему бог дал силы совершить еще один подвиг – подавить в себе чувство тоски по родной земле и отдать свою могилу пустыне. Такие люди, как покойный, во все века и во всех обществах, помимо ученых и государственных заслуг, имели еще громадное воспитательное значение. Один Пржевальский или один Стэнли стоят десятка учебных заведений и сотни хороших книг. Их идея – благородное честолюбие, имеющее в основе честь родины и науки, их упорство, никакими лишениями, опасностями и искушениями личного счастья непобедимое стремление к раз намеченной цели, богатство их знаний и трудолюбие, привычка к знанию, к голоду, к тоске по родине, к изнурительным лихорадкам, их фантастическая вера в христианскую цивилизацию и в науку делают их в глазах народа подвижниками, олицетворяющими высшую нравственную силу...

Подвижники нужны, как солнце. Составляя самый поэтический и жизнерадостный элемент общества, они возбуждают, утешают и облагораживают. Их личности – это живые документы, указывающие обществу, что, кроме людей, ведущих спор об оптимизме и пессимизме, пишущих от скуки неважные повести, ненужные проекты и дешевые диссертации, развратничающих во имя отрицания жизни и лгущих ради куска хлеба, что, кроме скептиков, мистиков, психопатов, иезуитов, философов, либералов и консерваторов, есть еще люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели. Если положительные типы, создаваемые литературой, составляют ценный воспитательный материал, те же самые типы, даваемые самой жизнью, стоят вне всякой цены. В этом отношении такие люди, как Пржевальский, дороги особенно тем, что смысл их жизни, подвиги, цели и нравственная физиономия доступны пониманию даже ребенка. Всегда так было, что, чем ближе человек стоит к истине, тем он проще и понятнее. Понятно, чего ради Пржевальский лучшие годы своей жизни провел в Центральной Азии, понятен смысл тех опасностей и лишений, каким он подвергал себя, понятны весь ужас его смерти вдали от родины и его предсмертное желание – продолжать свое дело после смерти, оживлять свою могилу пустыню... Читая его биографию, никто не спросит: зачем? почему? какой тут смысл? Но всякий скажет: он прав».

15.03

Отшвартовались от «Брянсклеса» и ушли с Молодежной на Мирный в час ночи. Юра решил рвать когти отсюда, не дожидаясь очередного стока. Ни один человек из экипажа, кроме меня, на берег отпущен не был.

Людам обидно – быть в Антарктиде, стоять у берега и не ступить на него ногой. «Напьются, забурются с полярниками – ищи их потом, а надо отсюда, так сказать, быстрее наяривать...»

Дамы просились на берег в Молодежной, чтобы разрядиться, то есть заземлиться.

Судовых женщин в Антарктиде не так мучает нехватка воды для мытья и всякие айсберго-штормовые тяготы, как трудности с волосами. Волосы у наших дам время от времени встают дыбом – от наэлектризованности. Жуткое дело – встретить в коридоре стюардессу со стоящими дыбом огромными космами. И нет никакого средства борьбы – встают вдруг дыбом, и вся лавочка.

В Антарктиде случается даже такая фантастическая штука, когда снеговой заряд налетает на судно при ясном небе и солнце. И тогда залепивший окна рубки снег сползает по стеклу прозрачными кораллами. При этом ветер двадцать семь метров в секунду, а температура воздуха минус пятнадцать.

Императорских пингвинов не видели – еще не сезон для них. Аделек много. О милой симпатичности этих существ написано довольно. Повторюсь об их любознательности и любопытстве. Сам видел, как три адели несколько раз проехали вдоль борта на льдинах, которые проносило мимо судна, лежащего в дрейфе. Прокатившись от носа до кормы, адели прыгали в воду, заплывали на исходную позицию, выкарабкивались на подходящую льдину и опять ехали вдоль судна, уставившись на такого огромного железного кита без пасти.

Яйцо императорского пингвина можно выменять по таксе – от одной до трех бутылок спиртного. Чем дальше судно удаляется от берегов ледового континента, тем такса, естественно, выше.

Специалисты объясняют высокую стоимость экзотического сувенира не самим – удивительным по совершенству формы, космическим даже каким-то – яйцом, а трудностями, с которыми связано его продувание от содержимого через две малюсенькие дырочки. Особенно эти трудности возрастают, если в яйце уже есть развившийся птенец.

Мой старый друг Лева Ш. лет двадцать назад был назначен старшим помощником на теплоход «Эстония». «Эстония» только что вернулась из антарктического рейса. И когда Лева заглянул в рефрижератор, то ужаснулся. Там было битком замороженных тушек пингвинов. Их везли на чучела.

Нынче ни одного чучела не видел. Или их прячут очень изошренно, или поумнели морячки и полярники в деле охраны природы.

Сами пингвины, несмотря на философски-умный, задумчивый вид, чрезвычайно глупы. Они откладывают яйца обязательно на тверди – на скалах, торчащих изо льда, то есть на темном, даже черном. И вот часто потемневший лед принимают за скалу, укладывают на него яйцо и греют его. Яйцо растапливает под собой лед и все глубже опускается в вытаявшую ямку. Птица не понимает этого и честно сидит на дырке с ледяной водой. Очень за них обидно делается после такого рассказа.

В Одессе на эту тему бы сказали: «Простите мне, сколько людей все свои жизни просидели, сидят и будут сидеть на дырке с водой?»

Море Космонавтов. Недалеко от берега Агилль – принцесса такая была. Застряли в тяжелых льдах и трое суток бездельничали.

Я дочитал «Новичка в Антарктиде».

Новичок на все лады нахваливает полярника Александра Никитича Артемьева, который в санинские времена был начальником на станции «Восток» и который в данный вот момент спокойно спит в двадцати метрах от меня в каюте-люкс.

Я прочитал о встрече Нового года. «Стол у нас, – пишет Санин, – не слишком обильный. У старой смены запасы деликатесов исчерпаны, новых мы не привезли. Артемьев приносит откуда-то бутылку шампанского и под восторженный гул разливаает его по бокалам.

– Ай да Никитич! И как это ему удалось сохранить такое чудо? – изумляются „старики“. – Скрыл от коллектива!

– Никитичу – „ура!“»

Итак, начитался я Санина, поднялся в каюту Артемьева и говорю, что Санин очень хорошо пишет про вас, Александр Никитич.

Артемьев почему-то темнеет ликом.

Пауза. Смотрим в окно люкса.

Там пингвины катаются на льдинках, смотрят удивительное кино: наш белоснежный лайнер и прогуливающиеся по палубе зимовщики.

Наконец Артемьев осторожно говорит:

– Простите, вы тоже писатель, и я, может быть, что не так скажу, потому что не специалист, но в своей книге Санин описал встречу Нового года как-то фантастически. У него я припас одну бутылку шампанского. Какой же я начальник станции, если о встрече Нового года не подумал еще в Ленинграде? И не из заглашника какого-то я шампанское вытаскивал. Все это ведь уже традиция, все всем известно на станции: что есть и шампанское, и покрепче. А спиртное-то на «Востоке» никто не пьет. Нам вино только для видимости было, для праздничности. Три тысячи четырехста восемьдесят восемь метров над уровнем моря. Там самый зядлый алкоголик пить бросит. От ста граммов у самых тренированных людей голова лопаётся. И вот Санин на весь свет меня показал в виде скупердяя или недальновидного руководителя, незаботливого – одна бутылка! На всех! Позор какой! – закончил Александр Никитич, даже потеряв несколько свое антарктическое хладнокровие, ибо выругался легонько.

А ведь сколько высоких слов Санин написал в его адрес, как его поднимает в книге, как искренне им восхищается и любит! И все прахом – все эти славословия Александр Никитич пропустил мимо ушей. А одна ошибочка «небывалого» писателя... и у его героя обидный осадок.

О Санине:

Одна глава у Санина называется «Клуб 12 стульев». Я этот клуб терпеть не могу. Юмор там на девяносто девять процентов такого уровня: «Вообще я заметил, что некоторые даже весьма уважаемые ученые развиты как-то односторонне. Фарадей, Эйнштейн, Планк, Курчатов – этих они знают назубок. А спросите их, кто такие Лев Яшин или Всеволод Бобров, изобразят на лице

вопросительный знак». Причем автор этого юмористического пассажа, где искра смеха должна возникнуть из соединения Фарадея с Бобровым, и есть сам Санин.

Недавно получил письмо от старого капитана, чрезвычайно знаменитого на весь свет, мною глубоко уважаемого. В тридцати пунктах указаны (с приведением номера страницы, абзаца и строки в абзаце) мои неточности в морской терминологии.

Каждый пункт вызывал у меня бешенство.

Я пишу: «Поднимаюсь на пеленгаторный мостик и вижу, что линемет отодвинут в сторону, ракеты сложены в кучу, а на ящике лежит и загорает Эльвира – младшая буфетчица. Она лежит на животе, лифчик расстегнут. Эльвире хочется, чтобы и следа от лифчика не осталось на ее тропическом загаре».

Знаменитый капитан пишет: «Мостик этот издавна назывался капитанским. Стал называться ходовым. Но даже не в этом дело. На судне, где уважают морские порядки, он никогда не служит пляжем даже для Эльвиры. Я не знаю судов, где капитаны разрешали это. В этом уважении большой смысл. Определенные места на судне служат определенным целям, и только им. И вообще, зачем это размазывание, в каком виде загорала Эльвира и прочее...»

«Не было на море ни одного человеческого деяния, о котором все люди имели одинаковые мысли. Общему сему жребию и наше сие дело подлежит». А это написано лет двести назад при разборе обстоятельств бесследной гибели нашего фрегата.

Когда-то я относился к такой особенности морского мышления с юмором. И даже позволял себе над таким удивительным феноменом подшучивать. Но уже порядочно, как перестал. Серьезное и даже трагическое за ним стоит.

Сходите разок на Фонтанку в городской суд, когда судят там за аварию моряков. Сколько экспертов – столько мнений.

Особенно грустно получается, когда приглашаются в эксперты рыбак, торговый моряк и военный. У каждого свой опыт, свое видение; каждый привык верить именно своему, нажитому за десятилетия плаваний, проверенному на собственной шкуре. Но каждый из них – моряк! И каждый – настоящий моряк. И каждый, не будь он обязан, не стал бы вообще высказываться по данному делу – существует такой неписанный закон.

Так-с. А теперь возьмем писателя-мариниста. Ведь ему, как и эксперту, высказываться надо. Какой же он будет писатель, ежели не будет собственного мнения иметь?

Так-с. А теперь возьмем «Словарь русской ономастической терминологии».

«Терминология – совокупность терминов (см.), общая и частная.

Термин – имя нарицательное. Слово или словосочетание специального (научного, технического и т. п.) языка, непосредственно соотнесенное

с научным понятием, служащее для его точного (в идеале) выражения. Функция термина – сигнификативно-номинативно-дефинитивная.

Примеч.: термин отличен от номена (см.), хотя абсолютной границы между ними нет; по мере познания происходит переход номенов в термины и наоборот.

Номен – слово или словосочетание, имеющее прямую связь с предметом или видом, представляющим собой неопределенное множество идентичных единиц, являющихся объектом какой-нибудь отрасли науки, техники, производства, искусства и т. п.

Сигнификативная функция имени – см. функция имени.

Функция имени – исполнение своей роли, своего назначения именем собственным в языке и речи, в т. ч. номинации, идентификации, различения. Функции в языке совпадают с функциями апеллятива...»

Я уже вполне дефективный, а вы?

Во всяком случае совершенно ясно, что терминология штука не простая.

Берем морской словарь: «Капитанский мостик – палубная надстройка, на которой находятся все необходимые устройства и приборы для управления судном. На капитанском мостике находится капитан и вахтенный помощник капитана».

Я был вахтенным помощником и поднялся с капитанского мостика выше – на «крышу» ходовой или капитанской рубки. Эта «крыша» не имеет на себе никаких средств и приборов для управления судном, кроме главного магнитного компаса. Один раз за вахту – перед сдачей ее – вахтенный штурман поднимается туда (или посылает толкового матроса) для сличения путевого и главного компасов. «Крыша» эта называется пеленгаторным мостиком, ибо с главного компаса можно осуществлять пеленгацию, но уже двадцать-тридцать лет такое бывает необходимым только в аварийных случаях: при выходе из строя гирокомпаса.

Там-то и загорала моя Эльвира.

Скажете, мол, ерунда: пеленгаторный там или какой другой мостик? Нет, не ерунда. Смотрите общий вывод знаменитого капитана:

«Досадно то, что Ваши ошибки заслоняют то хорошее, что есть и в этой Вашей книге и в других Ваших произведениях. Возмущение эти Ваши „Заметки“ вызвали изрядное. Ваше дело, но раз уж мы официально на них своевременно не отозвались, то сделаем это, если они в таком виде нам попадутся в каком-нибудь новом издании. Все же такую позицию к морю и морякам терпеть молчком нельзя. С уважением и пожеланием больших успехов».

Выдержка у знаменитого капитана гигантская!

Если бы я в какой-нибудь книге прочитал, что голенькие девушки загорают на капитанском мостике, и судно на ходу, и на мостике несут ходовую вахту, то я бы давно уже даже в ЦК написал! Потому что автора в таком случае надо сажать в дурдом немедленно!

Итак, побесился я, побесился, а потом тихо понял, что сам виноват. Ведь чем-то я вызвал у знаменитого капитана такую негативную, как нынче говорят, реакцию. Что-то такое – пусть даже в нюансе интонации – было ошибочным. И получай: «В Ваших „Заметках“ много такого, чего не следовало допускать моряку. Особенно при описании подлинных событий и указании настоящих имен, что обязывает к точности и осведомленности в действительности излагаемых событий. Например, радиogramмы следовало излагать точно вплоть до шифра подписавшего их официального лица или давать лишь их содержание с оговоркой о сокращении... Кстати, нет Владивостокского пароходства, так же как нет Ленинградского, Рижского и других».

Да неужели же автор письма не понимает, что «Ленинградское» пароходство употребляется в речи жаргонной, междусобойной? Ну как же может моряк несколько лет работать в каком-то пароходстве и не знать его официального названия?

Дело тут в другом – в жанре.

Нынче в англосаксонской литературе уже возник новый термин «фэксн», соединивший «фэкт» (факт) и «фиксн» (вымысел).

«...В США ведущее значение приобретает автобиографический роман, который превращается в нечто среднее между саморекламой и самоанализом» (Лэш. Культура нарциссизма).

В США он только начинает приобретать значение, а я уже пятнадцать лет неосознанно, интуитивно, вполне возможно от слабости (не обладаю способностью к классической простоте и последовательности), прибегаю к факто-фрагментарно-автобиографически-саморекламному жанру. Этот

жанр вызывает у определенной группы читателей отвращение. И потому введение самого себя в книгу дело щекотливое, и лишних хлопот получаешь полон рот, но если, черт возьми, чувствуешь, что так надо?!

Наше сознание услужливо. Оно всему находит оправдание. Это и дурного поступка касается, и творчества. И потому я решил так: если автор, вводя самого себя в книгу, исповедуясь, искажает картину Жизни своим присутствием, то он как бы пишет на Жизнь донос. Однако это вовсе не страшно Жизни, плевать Она хотела на любые доносы с высокого дерева. Это самому автору в таком случае гроб с музыкой. Значит, я рискую больше всего. Ну а волков бояться – в лес не ходить.

Недавно Кусто завел «Калипсо» в ледяную лодушку в Антарктиде, и ситуация была вовсе хреновой. Он записал в дневнике: «Будь я моложе, это привело бы меня в отчаяние... («Это» – зреющее на борту возмущение, ибо люди хотят бежать из западни, а капитан хочет завершения намеченного дела. – В. К.) Но сейчас я свободен от иллюзий и твердо знаю, что завершение дела зависит от воли командира, что бы ни происходило вокруг. Отвага в тяжелую минуту – вещь столь же редкая, как дружба. Или любовь».

Это он о соплавателях! С которыми тысячи раз штормовал и ходил под воду... И он не только так думает, но пишет в дневник и спокойно дневник печатает!

Где граница между искренностью и откровенностью? Вот самый коварный вопрос, который я знаю в жизни. Ведь это различные вещи, хотя для автора мучительны одинаково. Боже, как нужен мудрый наставник!

Виталий Смирнов На переломе

В Волгограде вышел художественно-публицистический роман В. Б. Смирнова «На переломе». Наш коллега – доктор филологических наук, профессор, член Союза писателей России, Член Союза журналистов Виталий Борисович Смирнов – рассмотрел в романе хроникального типа Сталинградскую битву в контексте Большой войны, обратившись к новейшим историческим источникам. Предлагаем вниманию читателей «Акценты» отрывки из этого произведения.

15

Третьим из бесчисленного полчища гитлеровских покорителей непокорённого Сталинграда, прошедших через волжскую мясорубку и оставивших свидетельства неуютного пребывания в ней, которого я выбрал для более глубокого понимания типа фашистского солдата, стал Генрих Метельман. Начало его фронтовой судьбы и закономерный, на мой взгляд, конец её – типичный для тех, кто присягал с оружием в руках на верность фюреру: либо деревянный крест, либо – в лучшем случае плен. Для всей троицы судьба приготовила лучший случай. Но Генрих Метельман стоит среди них особняком, потому что условно я назвал его «добрым солдатом вермахта». В силу своего родословия, социального положения родителей и воспитания он напомнил мне людей, которых у нас называют простонародьем, то есть обладающим умом добросердечным, не лишённым бытовой хитрости, помогающим им избегать острых жизненных коллизий. Такие люди не спешат лезть на рожон, предпочитая ко всему подходить с народной основательностью, выражаемой на нашем языке присловьем «семь раз отмерь, один раз отрежь». А если не успеешь вовремя отрезать, полагайся на добродушие судьбы. Такие люди не занимаются изворотливым трюкачеством, ограничиваясь ловкостью непритязательности, которая не даст пропасть.

Это вроде бы и отпрыск госпожи Простаковой Митрофанушка, не перешагивающий черту обычного сознания, и Емеля, поймавший благомысленную шуку, и пушкинский Балда, и чичиковский кучер Селифан – все вместе взятые. В общем, вы догадались, о ком я говорю, потому что сами не раз общались с теми, кто умеет вывернуться из самых несуровных ситуаций. С людьми, наделёнными лукавой непредсказуемостью...

Генрих Метельман родился на Рождество 1922 года в прусском городке Альтона, у самой границы с Гамбургом. Отец его был разнорабочим на желез-

ной дороге, а мать крестьянкой округа Шторман из земли Шлезвиг-Гольштейн. На основании того, что германский кайзер присвоил императору Николаю Второму титул графа Шторманского, мать Генриха по наивности считала, что в их семье есть русские корни, и, видимо, гордилась этим, коль это сохранилось в родословной памяти. Из трех немецких мемуаристов Генрих самого пролетарского происхождения, жил в рабочем квартале, постоянно сотрясаемом факельными шествиями с плакатами, в которых нищий немецкий пролетариат требовал работы, хлеба и мира. «Кое-кто из моих приятелей, – вспоминает английский стрелочник, пошедший по стопам отца, – зимой не ходил в школу просто потому, что не на что было купить обувь. Страдания простых людей усугублялись еще и тем, что пропаганда обвиняла их самих в подобном положении вещей. Учителя иногда просили нас приносить с собой в школу лишние бутерброды для детей из голодающих семей, и я хорошо помню, как я с глупой и несмысленной гордостью выставлял в классе напоказ сунутые матерью в ранец бутерброды». Генрих не скрывает того, что его «счастливое детство» наступило со вступлением в гитлерюгенд: «Хотя мой отец ненавидел нацистов и все с ними связанное, мне в гитлерюгенде нравилось. У меня была красивая темно-коричневая и черная форма со свастикой, скрипучие блестящие ремни из настоящей кожи. Если раньше для нас было событием просто погонять в футбол на лужайке за домом, то теперь гитлерюгенд предоставил в наше распоряжение прекрасно оборудованные спортзалы, стадионы, школьные здания, в которых раньше располагались гимназии, и даже плавательные бассейны. Я ни разу не побывал в настоящей отпускной поездке – куда там моему отцу отложить что-нибудь на отпуск. А при Гитлере за символические суммы можно было отправиться отдохнуть в горы, на озера или к морю».

Знал фюрер, чем можно привлечь на свою сторону молодое поколение. Юноша с нетерпением ждал, когда призовут его в армию, чтобы «теперь служить фюреру и фатерлянду по-настоящему». «Закона об обязательном членстве, – рассказывает Генрих Метельман, – в гитлерюгенде не было, тем не менее из примерно сорока моих одноклассников всего один воздержался от вступления в эту организацию. А когда я попытался пойти в ученики слесаря, первое, о чём меня спросили, состою ли я в гитлерюгенде. Мы распевали прекрасные мело-

дичные песни, но все они были посвящены великой борьбе за наше дело, завоеванию «жизненного пространства» на Востоке. Мне импонировала атмосфера товарищества, пешие переходы, спортивные и военные игры. Нас пестовали в духе любви к фюреру и безоговорочного поклонения ему, он был для нас вторым богом, а когда заходила речь о его безграничной любви к нам, к германской нации, я готов был расплакаться от переполнявших меня чувств. Я был убеждён, что раз в моих жилах течёт германская кровь, я был существом неизмеримо высшего порядка. Мне и в голову не приходило поинтересоваться, что, собственно, такое пресловутая германская кровь, хотя бы в чисто научном, биологическом смысле. Я как должное принимал тезис о том, что долг всех немцев повелевать представителями «низших рас», поскольку это лишь во благо всего цивилизованного человечества, хотя сами представители пресловутых «низших рас» в силу ограниченности их умственных способностей просто-напросто не осознают этого. Меня буквально распирало от гордости, когда герцог Виндзорский, бывший король Англии, прибыл в Германию, чтобы заверить нас, молодых немцев, в том, что, дескать, мы живём в таком великом во всех отношениях обществе.

Мне нравились длительные и частые походы, мы казались себе очень значительными – ещё бы, полиция даже перекрывала движение на улицах и дорогах, чтобы пропустить нас. Шедший во главе колонны знаменосец нёс флаг со свастикой, часто нас сопровождал и барабанщик с большим барабаном, и все прохожие обязаны были вытягивать руку в нацистском приветствии – отдавать честь флагу. Иногда случались и забавные истории, когда пожилые женщины с хозяйственными сумками в руках радостно тянули руки вперёд. Мой отец всякий раз, когда видел нашу приближавшуюся колонну, предпочитал исчезнуть в дверном проёме и обождать, пока минует эта «коричневая чума», как он называл гитлерюгенд. Мать оказывалась не столь проворной, и я помню, как она, будучи застигнутой врасплох, тоже вытянула руку вперёд в нацистском приветствии. Помню, что был очень смущён этим».

Особенно часто снился Генриху эпизод, когда в Гамбурге спустили на воду линейный корабль «Бисмарк», названный в честь первого рейхсканцлера германской империи. На это торжество прибыли Гитлер, которого отец Генриха называл «усатым дьяволом», и глава фашистской Венгрии адмирал Хорти. Вдоль улицы, ведущей к доку, с обеих сторон собрались толпы расфранчённой публики, загородившей коричневым пацанам и само действие, и их кумира. Тогда несколько ребят взобрались на деревья, поверх прочих зрителей, и ни в какую не реагировали на замечания полиции. Генрих взобрался на самую верхушку и при очередной попытке полицейского снять его оттуда свалился на головы ликующих женщин, которые и спасли мальчишку от серьёзных травм.

Родители узнали об этом из гамбургских газет и отреагировали неодинаково. Мать сказала: «Не к добру это, сынок». А отец посмеялся и тихо произнёс:

– Молодец, сынок! Добрый знак это. Не видать нашему дьяволу никакого мирового господства.

Но чаще всего просыпался Генрих от громкой барабанной дроби и во сне бежал на её звук, метался по какой-то белой пустыне, но барабанщика отыскать не мог.

Детство кончается быстро. В вермахт Генрих, оболваненный геббельсовской пропагандой, особенно настойчивой накануне Второй мировой войны, ушёл добровольцем. После этого старший Метельман слёг и уже не поднялся. Перед смертью отец предпринял последнюю отчаянную попытку образумить своего сына. «Теперь ты станешь воевать с английскими Томми и русскими Иванами (отец был уверен, что Гитлер не упустит случая показать свои мускулы большевикам), помни о том, что они обычные рабочие, такие же, как ты. Но русским есть что защищать. Они будут воевать до последнего, защищая не только себя, но новое, справедливое устройство мира, – так говорил отец. – И все, кто своими руками зарабатывают свой хлеб, будут на их стороне. А кого будешь защищать ты? Толстосумов, которые набивали свой кошелёк за мой счёт? Я не завидую ни тебе, ни всем тем дурням, таким же, как ты, которые околпачены бесноватым фюрером. Мне жалко и тебя, и себя. Я уже не увижу, чем кончится война. Но Бог не допустит торжества дьявольских сил».

Радости Генриха не было предела, когда он узнал, что зачислен в противотанковые войска, покрывшие себя лаврами в победоносных кампаниях в Польше, во Франции и на Балканах. «Почти все мы, – признавался он, – прошли через гитлерюгенд и стремились внести свою лепту в самую прекрасную в мире армию. Мы походили на подростков щенков, рвущихся с поводка». Генриха направили в водители и несколько месяцев обучали навыкам современного боя. Потом была торжественная церемония принятия присяги, где гитлеровские генералы давали последние напутствия воинам фюрера. «Нам напомнили, – рассказывал Генрих, – что Бог по-прежнему с нами, хотя мы это и так знали, поскольку эти слова были на бляшках ремней, так что нам нечего и некого было бояться. Нас призывали к готовности идти на любые жертвы ради установления мира на земле и утверждения немецкого «нового порядка».

Никого из щенков не смущало то обстоятельство, что к миру, хотя на него никто не покушался, кроме «усатого дьявола», оказывается, нужно идти через войну. «Щенки», конечно, не предполагали, какой она будет, но верили фюреру, что «новый порядок» и мир будут установлены молниеносно.

Епископ, тоже присутствовавший на церемонии, благословил солдат на военную акцию водворения мира на земле, но на вопрос белокрысого наивного солдатика – следовать ли ему Божьей за-

поведи «не убий» или беспрекословно выполнять приказы командиров, которые наверняка будут противоречить заповедям Христовым, священнослужитель, возложив жирную ладонь на солдатскую каску, туманно ответил: «Да благословит тебя Бог, сын мой!». Слова эти даже Генриху Метельману, верившему всем нацистским бредням, показались верхом лицемерия.

«Несколько месяцев спустя, – напишет позднее ветеран вермахта, – когда во время битвы за Крым мы одерживали победу за победой, тот парень погиб. Ему не успело исполниться и девятнадцати. Кто-то рассказал мне, что в его нагрудном кармане обнаружили книжечку Но-вого Завета. И хотя он вынужден был исполнять приказы вышестоящих, я твёрдо убеждён – этот человек не желал убивать. Не уберёгло от гибели и епископское благословение».

Я же, поживший значительно больше, чем наивный немецкий солдатик, и побывавший под фашистскими бомбами, в назидание современникам и потомкам вынужден заметить, что за лицемерную государственную политику Бог наказывает не отдельного человека, а всю страну, которая проводит такую политику...

Генриху Метельману повезло несравнимо больше, чем солдатику, погибшему в Крыму, и не одному миллиону тех, чьи тела зарыты на огромном пространстве от Эльбы до Волги и горных кавказских речушек. Он сумел, не игнорируя приказов военного начальства, пройти через многие сражения германского Восточного фронта и вернуться на родину, а потом рассказать о своём боевом пути много поучительного для немецкого читателя и много неизвестного – для русского. Тут-то вот и вспомнится мудрая поговорка – «Бог-то Бог, да сам не будь плох». Где уменьем, обрётённым в каждодневной изворотливости бедной рабочей семьи, где той же самой изворотливостью, а то и хитрецей, прикрытой наивным простодушием, он сумел сохранить себе жизнь.

Меня, например, заинтриговало то, как Генрих ловко, под всяким благовидным поводом уклонялся от участия в боях и пользовался уважением со стороны русского населения, щедрого на сердечную доброту даже по отношению к иноземному захватчику. Впрочем, он не раз демонстративно её удачно обходя неизбежные упрёки своих командиров в симпатиях к русским «варварам». Если бы собрать воедино все его приключения, то он мог бы стать героем немецкого плутовского романа.

16

22-я танковая дивизия вермахта, солдатом которой стал Генрих Метельман, была сформирована в конце сентября 1941 года во Франции и в феврале 1942 года передислоцирована в Россию в составе 17-й армии, хотя ранее предполагалось, что её включат в состав резервных бронетанковых частей где-нибудь в Чехословакии. Те из солдат, которые умели соображать, поняли, что дела у немцев на Востоке идут не совсем хорошо, коль понадобилось

пополнение, и были разочарованы переменной адреса. Генрих вспомнил, как его отец, участник Первой мировой войны, говорил о том, что русские солдаты бьются насмерть и что только бездарное царское командование было виновато в неуспешной военной кампании России. Это воспоминание несколько огорчило его, но вера в силу «лучшей армии мира» принесла ему утешение.

Дорога в Россию заняла много времени, хотя некоторые из новобранцев, узнав о конечном адресате передислокации, были рады длительным задержкам в пути. Почему-то все вспомнили холодную зиму 1812 года и отступление Наполеона из-под Москвы по заснеженным полям России. И соотносили прошлую судьбу французской армии со своим возможным будущим. «До сих пор, – думал Генрих, – ни одной иностранной армии так и не удавалось завоевать Россию». И мысль эта не давала ему покоя. Пугали и сообщения о казнях немецких высокопоставленных офицеров за трусость, проявленную перед лицом врага. Но о том, сколько жертв принесла война Германии, газеты предпочитали не сообщать.

На остановке в Штутгарте в вагон пробилась пожилая женщина и стала расспрашивать, не продаст ли кто-нибудь жиру. Все ответили отказом и с удивлением спросили, разве она не получает жиры по карточкам?

« – Получаем, – сразу взорвалась женщина. – Да только их на два дня не хватает. Зато Геринга (рейхсмаршал, ответственный за экономику Германии. – В. С.) скоро надо будет не в легковушке возить, а на прицепе к ней, такое пузо наел. Вы что, не слышали, что ли, как

на одном из митингов он спросил у своих партийных шишек: чего вы хотите – пушек или масла? И все заорали – пушек, пушек! А мне не на чем картошки поджарить!» Никому из едущих на фронт эта мысль даже не приходила в голову.

Следующая остановка была в Нюрнберге, знаменитом ежегодными партийными съездами нацистов. В 1939 году там прошёл так называемый «Съезд мира», на котором Гитлер заверял всех, что он не хочет войны. И едва закончился этот съезд, как началась Вторая мировая война.

Как только поезд тронулся, в вагоне разгорелись громкие споры. «Один из нас, – вспоминал Генрих, – распинаясь по поводу последней речи Геббельса, в которой имперский министр пропаганды расхваливал прозорливость фюрера, который решил напасть на Россию и таким образом предупредил удар русских. У него нашёлся оппонент, который задал ему вопрос: «А как ты думаешь, все остальные страны, которые мы захватили – Польша, Дания, Норвегия, Люксембург, Голландия, Бельгия, Франция, Югославия, – тоже собирались напасть на нас? А если собирались, почему решили нападать именно сейчас, когда мы набрались сил, а не раньше, тогда, когда мы были слабы?». Дело чуть не дошло до драки, но на шум в вагон вошёл офицер и прекратил этот политический диспут.

«Так неужто среди нас, гитлерюгендцев, есть инакомыслящие, – впервые задумался Генрих, которому вопрос оппонента показался справедливым. – Как же мы будем воевать, если не понимаем друг друга?».

И так почти на каждой остановке, независимо от масштаба города. Глейвиц, события в котором послужили поводом для развязывания Второй мировой войны, не стал исключением. Кто-то напомнил, что здесь польские солдаты незаконно пересекли границу рейха, захватили радиостанцию и стали выкрикивать в эфир провокационные призывы. Их вскоре уничтожили. По этому поводу бывший докер из Гамбурга, старше других новобранцев по возрасту, выступивший резонёром в полемических схватках молодёжи, иронично заметил, что все до единого эти польские солдаты были перебиты во время подавления их акции и что Гитлер с помощью Геббельса воспользовался этим случаем для объявления войны Польше.

« – Ну и что тут удивительного? – воскликнул один из «щенков, рвущихся с поводка». – Ну перестреляли их, так им и надо! Пусть это послужит примером для всех, кто задумает поднять оружие на рейх.

– Всё так, – якобы согласился с ним докер, – но вот что удивительно, никого не оставили в живых и не дали возможности объясниться людям, чтобы те смогли понять, кто есть кто.

– А что значит «понять, кто есть кто?»

– А то, что у нас в Гамбурге поговаривали, что это были не поляки, а немцы, которых эсэсовцы вытащили из концлагеря, напялили на них польскую форму, привезли в Глейвиц, заставили их напасть на

радиостанцию и зачитать «обращение к польскому народу». А после расстреляли».

Не напоминает ли вам эта ситуация современную лицемерную политику стран, стремящихся не одно десятилетие дирижировать миром?

Генрих удивлялся самому себе. Оказывается, в его теле сидели два маленьких Генриха, которые думали по-разному, постоянно спорили друг с другом. Но что было особенно удивительным – каждый из них был прав. Не обладая иной информацией, кроме изданий нацистской партии, он и в этот раз соглашался со своим ровесником, но верил и докере из Гамбурга, своему земляку.

Не зря же то ли Радищев, то ли Карамзин (каждый из них причастен к жанру путешествия) говорил, что путешествие развивает человеческий ум и способствует самопознанию. В февральскую Россию 1942 года Генрих приехал уже несколько иным человеком. Его ум начал рефлексировать. Генрих перестал соглашаться с любым услышанным им высказыванием, не проверив его собственным разумом, хотя бы на том уровне, который позволял ему начавший стремительно обогащаться жизненный опыт.

До польского Лемберга воинский состав 22-й дивизии добирался больше двух недель. Отсюда

и началось быстрое отрезвление немецкого воинства. Здесь, вспоминал Генрих, «нам выложили кучу жутких историй о партизанах-коммунистах, почти ежедневно подрывавших железнодорожные пути на Востоке. Наш состав перегнали на запасной путь позади станции, где он оставался в течение нескольких дней. В те дни мы мало-помалу переставали верить в бодрые сводки с Восточного фронта, поскольку своими глазами видели составы, прибывавшие оттуда. Мы наблюдали с транспорта раненых солдат, возвращающихся в рейх; один из них стоял вплотную к нашему, и мы имели возможность поговорить с ними. Те рассказали нам о страшных морозах и о тяжелейших условиях, в которых приходилось воевать, и об уроках, преподанных вермахту Красной Армией».

В ожидании основного состава 22-й дивизии прибывшую часть расквартировали в Феодосии, где Генрих Метельман и принял первый бой на советской земле.

В чём же повезло новоиспеченному солдату вермахта, так долго добравшемуся до поля боя? Во-первых, по решению Манштейна, не рискнувшего подставлять только что прибывшую часть, командование которой еще находилось в пути, под пули и снаряды Красной Армии, он избежал участия, по его же словам, в «мясорубке». Во-вторых, в селении, куда была переведена рота Метельмана, она простояла в качестве резервной несколько месяцев, не принимая участия в боях. Солдаты главным образом занимались строевой подготовкой да изредка принимали участие в боевом сопровождении двух сотен крымских татар, добровольно поступивших в услужение Гитлеру. Хорошо зная местность, они выслеживали стоянки партизан и уничтожали их по собственной воле фашистским оружием.

Здесь, в теплой избушке 60-летней хозяйки и ее парализованного сына, Генрих благополучно перенес студёные морозы и довольно сносно научился говорить по-русски. Но надо отдать ему должное: он обладал незаурядным благородством. Уже в другом селении, куда по тактическим соображениям была переведена рота, партизаны провели несколько террористических актов. Генрих догадался, что их совершила 19-летняя девушка и ее брат, в родительском доме которых расположился экипаж немецкого танка. К миловидной студентке Симферопольского пединститута Генрих впервые в своей жизни почувствовал влечение. Анна «излучала достоинство, гордость, и походка ее отличалась женственностью, даже если она выводила коз на пастбище или взрыхляла землю мотыгой, в ее движениях присутствовала особая неповторимая грация». В девушке тоже проснулось теплое чувство к немецкому солдату. Когда офицеры начали высказывать предположение, что виновником взрывов в расположении немецких войск являются Анна и ее брат Михаил, Метельман горой встал на их защиту. «Я чувствовал, – признается он потом, –

что играю с огнем, но предпочитал не копаться в своих эмоциях, да и не имел по этой части особого опыта в силу своей молодости. Однако я осознавал наличие незримой связи между мной и Анной. Именно это осознание и заставило меня поступать так, а не иначе. Правда, от внимания моих сослуживцев не ушло, что я в последнее время какой-то необычно тихий и задумчивый. Они не подозревали, какая буря чувств бушевала внутри меня.

Наступило воскресенье, день выдался погожий, приход весны чувствовался буквально во всем. Наша четверка уселась на траву и наслаждалась пригревавшим солнцем. В этот момент я увидел, как Анна, спустившись по лестнице, направилась к узкой тропинке, ведущей к речке. На ней было довольно красивое серо-зеленое платье, волосы собраны на затылке в узел, а на ногах белые чулки. Мне она показалась в тот момент просто красавицей, и, когда один из наших засмотрелся на девушку, я испытал прилив гордости. Поворачивая на тропинку, она бросила на меня взгляд мельком, но достаточно многозначительный. Едва она скрылась из виду, как я объявил, что, мол, мне необходимо сбегать в деревню, лежавшую в противоположной стороне от речки. Но, едва исчезнув из поля видимости моих товарищей, я чуть ли не бегом припустил к речке. Добравшись до воды, я понял, что в этом месте тропинки нет, а берега илистые, топкие. Пришлось какое-то время идти прямо по воде, держась за свисавшие ветви деревьев, низко склонившиеся над речкой. Хорошо хоть, что не лесная чащоба, подумал я. Сердце подсказывало мне, что Анна будет ждать меня, и, одолев очередной поворот русла, я увидел ее. Девушка присела у самой воды на корточки и сосредоточенно смотрела в неё, будто что-то разглядывая. Медленно повернув голову, она заметила меня и, как мне показалось, вовсе не была удивлена моим появлением здесь. Миновав мелководье вброд, я скинул пилотку на траву рядом с ней и тихо произнес по-русски:

– Анна, моя Анна!

– Здравствуй, Генри, – ответила она.

Только это мы и сказали друг другу. Мы стояли почти вплотную, но не дотрагиваясь друг до друга. Анна неотрывно смотрела прямо мне в глаза. Я вибрировал, будто до предела натянутая струна – ещё бы, такое со мной было впервые! Впервые оказаться наедине с Анной! Общение шло на уровне эмоций, не слов, что могли значить слова тогда? Казалось, я весь обратился в осознание её присутствия. Тут Анна отступила и уселась на ствол поваленного дерева, а я шлепнулся на траву у её ног. Не требовалось особой проницательности, чтобы понять, что и девушка взволнована, но, совладав с собой, она, по-прежнему глядя мне в глаза, едва слышно произнесла:

Генри, у меня на душе камень. Ну почему, почему ты оказался здесь, в моей стране, в такой роли?

– Анна, я в этом не виноват. В прошлом году меня призвали в армию, потом подготовка, потом Франция, а оттуда погнали сюда. Я и понятия не имел, что попаду в Крым, я вообще не знал, что Крым существует и что он – тоже часть Советского Союза!

В принципе, всё именно так и было.

– Но ты понимаешь, что между нами никогда не сможет быть ни дружбы, ни чего-то большего. Это ты понимаешь, Генри, или нет? Наша страна такая красивая, а ты пришел сюда как солдат, как враг, мы жили в мире, мне так нравилось жить здесь. Я так её люблю, что готова жизнь отдать, чтобы защитить её. Даже от тебя, Генри. Ты ведь враг для нас, врагом был и им останешься. И мира между нами быть не может, пока мы вас не прогоним отсюда. Ну, скажи мне, какое право мы имеем на наши чувства друг к другу?! Ты меня понимаешь, Генри?

– Да, Анна, понимаю. Я всё понимаю. Но у меня нет слов, чтобы объяснить, как же все-таки мерзко ощущать себя оккупантом чужой страны и как отвратительно сознавать, что и ты меня таким считаешь. Признаюсь, я никогда до этой поры об этом не задумывался.

Нам столько хотелось тогда сказать друг другу, но, вероятно, моего скудного словарного запаса не хватило и на сотую долю того. Потом Анна, держа в руках букетик полевых цветов, вдруг склонилась голову и расплакалась. Мне было невыразимо больно смотреть на неё, и одно-временно я испытал счастье, потому что эти слёзы говорили мне куда больше слов. Когда я, желая утешить её, ласково дотронулся до её плеча, она сказала: «Нет, Генри, нет, не надо этого!».

– Мне нужно идти! – объявила Анна, успокоившись. – Я никогда не забуду этой нашей встречи здесь, никогда в жизни!

Какое-то время мы молча стояли, не в силах уйти отсюда. Воздух был наполнен птичьим щебетом, в двух шагах журчала река. Печаль и радость, мрак и свет – всё смешалось в моей душе, и я не пытался распутать этот диковинный узел. И когда мы уже уходили, Анна вдруг обернулась и, зажав мое лицо в ладонях, крепко поцеловала меня в губы.

Едва я успел опомниться, как девушка смело шагнула в воду и стала переходить на другой берег. Я бросился за ней.

– Нет, Генри. Я уж лучше пойду одна, а ты, как только я поднимусь на горку, иди в другую сторону вдоль речки. И не торопись. И вот что – ты должен доверять мне!

И всё. Я стоял и смотрел, как Анна проворно взбирается на взгорье. Она только раз обернулась и едва заметно махнула мне рукой, а потом исчезла из виду. Усевшись на дерево, на котором только что сидела Анна, я попытался привести в порядок свои мысли. И уже по пути домой через перелесок я вдруг понял, что имела в виду Анна, сказав, что бы я верил ей. Я был один, безоружный, в районе, контролируемом партизанами, но не тревожился,

потому что знал – Анна не станет подвергать меня опасности. Будто во сне брёл я, а когда добрался до мой, мои приятели всю резались в карты, сидя на траве. По их физиономиям я понял, что они заметили, что возвращался я совершенно другим путем, но никто и слова не проронил.

Анна была уже в доме, они с матерью готовили обед. Дверь была распахнута – день стоял погожий. Мать вышла на веранду и спросила меня, как я погулял. Анна, стоя позади неё, внимательно смотрела на меня. Я ответил, что погулял очень хорошо, что здесь, у вас, очень и очень красиво. От внимания Анны не ушло, что подчеркнул это «у вас». Наградой мне была добрая улыбка.

Мы пробыли в Зали ещё две недели, главным образом занимаясь подготовкой техники и вооружений. Неподалеку от Зали располагался крупный склад боеприпасов, который однажды ночью был взорван в результате меткого попадания бомбы, сброшенной на бреющем полете советским бомбардировщиком. Вскоре выяснилось, что попадание это было результатом не мастерства штурмана и пилота, а тщательно продуманного плана. Партизаны разожгли четыре огромных костра в лесистых холмах вокруг, расположив их таким образом, что если соединить их воображаемыми линиями, то в перекрестье их попадал как раз склад боеприпасов. Я точно помнил, что Анна в ту ночь дома не ночевала. Когда я встретил её утром, она вплотную подошла ко мне, чего раньше не случалось. На лице её было выражение плохо скрытой радости, мол, ну, и как тебе это?

– Анна, – сказал я, – оказывается, склад боеприпасов был взорван благодаря четырем кострам, разложенным партизанами.

– Да, да, Генри, я тоже слышала об этом, – сказала она, глядя прямо мне в глаза.

Я стоял и смотрел на её разорванное пальтишко, на стоптанные мужские ботинки явно на размер больше, и меня охватило непонятное чувство гордости. Да, я гордился Анной! Она продемонстрировала незаурядное мужество, и по её глазам я видел, что она догадалась о моих чувствах.

Через несколько дней поступил приказ о переброске роты Метельмана, ещё не воевавшей по настоящему, вновь в Феодосию, где начинался второй раунд борьбы за Керчь. К наступлению готовились и вермахт, и Красная Армия. Когда уходящая из Зали немецкая колонна миновала последний из сельских домов, Генрих справа увидел женскую фигуру. Это была Анна. Генрих незаметно махнул ей рукой. Анна ответила тем же. И хотя на таком расстоянии Генрих не мог разглядеть её лица, он чувствовал, что она плачет.

«Наша колонна, – вспоминал в послевоенные годы Генрих Метельман, – уходила всё дальше и дальше, приближаясь к линии фронта, где нам предстояло сражаться с её земляками. На одном из грузовиков в хвосте кто-то затаил солдатскую песню, разухабистую, маршевую и веселую, одну из тех, которыми издавна славилась немецкая армия.

Остальные, включая меня, подтянули. Бездумно повторяя слова, не содержавшие намека на гуманность человеческих отношений, а один только фанатизм, я готов был отдать всё на свете за то, чтобы не сидеть сейчас за рулем и не горланить шовинистический бред. Мыслями я был там, в перелеске, куда вышла меня провожать моя Анна. Да, вот уж воистину страннее пары и не может быть – солдат вермахта и русская партизанка! Сражаться друг против друга – это в порядке вещей, но любить? А может, как раз в наших с Анной чувствах друг к другу и заключалась надежда для этого жестокого и несправедливого мира? Извивавшаяся змейкой дорога требовала от меня предельной сосредоточенности. Но какое там – сердце колотилось, идущая впереди машина расплывалась у меня перед глазами. Я от души надеялся, что товарищи не заметят моих слёз – вот ещё, солдат и вдруг оплакивает уходящую любовь!».

Удачливому солдату вермахта, не лишённому сентиментальности, снова повезло. Первый бой, в котором он участвовал на советской земле, случился 9 мая 1942 года, то есть через четыре месяца, когда он появился на ней, и за три года до того, когда Германия окажется у разбитого корыта. За это время не одна сотня тысяч его соплеменников сложила во имя фюрера свои головы, а он не получил и царапины. Бог, по какой-то известной ему одному логике, был на стороне Генриха Метельмана.

Накануне этого дня, ставшего впоследствии знаменательным, начался второй раунд Керченско-Феодосийской операции, которая преследовала цель освободить от фашистов Крым и не пустить их на Таманский полуостров, открывавший гитлеровцам дорогу на Кавказ. Советское командование готовилось к наступлению, запланированному на середину мая, сосредоточив на Крымском фронте 260 тысяч бойцов, 3577 орудий и минометов, 347 танков. Немцы в свою очередь тоже собирали силы для решительных боёв, преследовавших прямо противоположную цель: изгнание советских войск из Крыма, включая Севастополь, сосредоточив 5 пехотных дивизий и 1 танковую – свеженькую 22-ю (в ней 180 машин), вошедшую теперь в состав 11-й полевой армии, которой командовал генерал-полковник Эрих фон Манштейн (через два месяца он станет генерал-фельдмаршалом). Эти части были усилены тремя дивизионами штурмовых орудий и румынскими пехотной дивизией и кавалерийской бригадой.

Ставка Верховного Главнокомандования знала как о готовящемся немецком наступлении, так и о том, что оборонительная линия наших войск была не подготовлена, за исключением так называемого Парпачского рубежа на южном участке Черноморского побережья. Уповав на количественное превосходство советских боевых сил, а также на «непреступность» Парпачского оборонительного рубежа, Ставка пребы-вала в благодушном настроении, сосредоточив две трети войск (47-ю и 51-ю армии) на северном участке Крымского фронта,

предположив, что именно здесь немцы пойдут на прорыв. Однако Манштейн перехитрил советское командование. Операцию, которая называлась «Охота на дроф», он начал не там, где его ожидали наши военачальники, а на южном побережье, уничтожив ранним утром 8 мая разведанные заранее командные и наблюдательные пункты и узлы связи, парализовав всю систему управления советских войск. В общем, как уже бывало неоднократно, наступил информационный хаос, следствием которого стало бесконтрольное отступление войск. Многие части Красной Армии оказались в окружении, Керчь была сдана немцам, и к 18 мая сражение, если позволительно назвать так хаотические бои и отступление, закончилось. К исходу дня 11 мая 22-я дивизия окружила 8 советских дивизий, перешла в наступление в северном направлении – от Парпач на Огуз-Тебе и вышла к Азовскому морю.

Короче говоря, не вникая в подробности того, как фашисты «охотились на дроф», Манштейн выиграл и второй раунд боев на Крымском фронте, своевременно пустив в дело 22-ю дивизию и став злым гением Жукова. Солдатские острословы с горечью каламбурили: «Если б наши генералы в Крыму не наломали дров, мы б накостыляли всем «охотникам на дроф». В Керченско-Феодосийской операции потери советских войск составили более 330 тысяч человек, по большей части пленными, свыше 3400 орудий и минометов, около 350 танков, 400 самолетов. Это стало вторым крупным поражением Красной Армии после провального наступления под Харьковом. Теперь путь на Сталинград для немцев был открыт не только с запада, но и с юга. Многие соединения из вороньей стаи, пировавшей на Северском Донце и охотившейся на дроф на Черноморском побережье, слетелись осенью 1942 года на Волгу и Дон. А штаб 11-й армии Манштейна зимой вполне логично стал центром координации боевых действий группировки армий «Дон», занявшейся деблокированием окруженных под Сталинградом гитлеровских войск.

17

Для мемуариста-фронтовика (он же – документалист), восстанавливающего события прошлого, где домысел неуместен, огромное значение имеют несколько факторов: непосредственное участие в них, святое поклонение правде, достоверность изображаемых фактов и угол зрения на них (пространство воспроизводимого). Последнее обстоятельство в значительной мере зависит от воинской специализации автора, посягнувшего обратиться к документальной прозе, и определяет композиционную структуру произведения.

Много ли вы видели воспоминаний, написанных солдатом, воевавшим в дальнбойной артиллерии? Я, например, ни одного. Объясняется это, на мой взгляд, просто: он слишком удалён от своего противника, объекта непосредственного созерцания, формирующего эмоциональный мир автора. Он даже результаты своей фронтовой работы

в лучшем случае наблюдает через оптическое стекло. А в худшем – и не видит их, получая сведения от посредника – корректировщика артиллерийского огня. Да, он, разумеется, испытывает определённые эмоции, связанные с удовлетворённостью или неудовлетворённостью своим солдатским трудом, но не имеет контакта со своим врагом, который бы позволял ему судить о психологическом состоянии самого врага, чтобы с максимальной достоверностью воспроизвести фронтовую ситуацию. И слава богу, что не имеет, нервы его в относительном порядке, до тех пор пока противник не засечёт его координаты и не пришлёт ответный подарок. А если противник успел это сделать, то начнётся дуэль на расстоянии, которая изрядно потреплет нервы, а может быть, выражаясь медицинским эвфемизмом, приведёт к летальному исходу. Ну, а если останется жив, то его «мемуары» могут свестись к лаконичной фразе лермонтовского персонажа: «Забил заряд я в пушку туго и думал: угощу я друга...». А при современной дифференциации солдатского труда он может не сказать и этого.

Между прочим «Бородино» – классический эталон мемуарного по-вестования, в котором содержатся все элементы композиционной структуры документального произведения в «стяжённом» виде. Здесь есть и экспозиция («Мы долго молча отступали...»), и характеристика пред-боевой обстановки с вкраплениями пейзажного описания («И вот нашли большое поле: есть разгуляться где на воле! Построили редут. Чуть утро осветило пушки и леса синие верхушки – французы тут как тут»), даётся лаконичное описание пространства и времени, в координатах которого происходит баталия, и предшествующих боёв с одновременными штрихами психологического настроения русских солдат, считавших пере-стрелку плёвым делом («что толку в этакой безделке») и ждущих серъёз-ного – в духе национальной боевой традиции – дела (рукопашного боя, в котором русские были всегда сильны), где русский солдат может не только показать всю свою мощь, но и доказать верность родине, презирая смерть («Уж мы пойдём ломить стеною, уж постоим мы головою за родину свою»). Здесь и характеристика командира («рождён был хватом»), и отношение солдатской массы к нему, и фронтовой бой («кто кивер чистил весь избитый, кто штык точил, ворча сердито, кусая длинный ус»), и портретная характеристика воинов (как в только что приведённом случае), и отличающиеся индивидуальной окраской диалоги и монологи воинов, и обязательный атрибут военной прозы и поэзии – батальные сцены, выписанные достоверно, без театральности претенциозности, и даже – что особенно примечательно! – философско-телеологическое объяснение причины сдачи французам Москвы, что редко встретишь в современной мемуаристике («Когда б на то не божья воля, не отдали б Москвы!»). Это, если угодно, целый исторический роман, стоит только развернуть каждую лермонтовскую фразу в отдельную картину. Лермонтов сумел

постижь и воссоздать панораму отдельного сражения и вложить в неё типические свойства именно русской битвы, благодаря своему гению. Мемуарист постигает этот комплекс мыслей и чувств непосредственным участием в фронтовых событиях. И чем шире его угол зрения, тем богаче, разумеется, при умении владеть словом, картина прошлого, воспроизводимая им.

Наиболее широк угол зрения на конкретные фронтовые события у солдат стрелковых подразделений и полковой или противотанковой артиллерии, где противники зачастую сходятся лицом к лицу или, выражаясь фронтовой терминологией, вступают в непосредственное соприкосновение. Тут хватает и живописных батальных сцен, а эмоций – хоть отбавляй. Но названные мною войска не относятся к фронтовым должностям. Сравниться с ними по боевым потерям может только кавалерия, которая защищена ещё менее пехоты. Нынче всадника можно обрядить в бронезилет, в Великую Отечественную войну не было и такой возможности. Но верного спутника кавалериста, коня, не закуёшь же в стальные латы. В наш техногенный век кавалерия как род войск, видимо, обречена на исчезновение. Но в сороковые годы в сложных метеоусловиях она была неплохой заменой танковых войск и выручала в критических ситуациях, требовавших быстрого оперативного решения. Жив ли сейчас кто-нибудь из ветеранов-кавалеристов, не могу сказать.

Уничтожение в открытом бою себе подобных – занятие рутинное, доставляющее удовольствие, пожалуй, только вампиру и откровенному человеконенавистнику. Поэтому среди пехотинцев и кавалеристов сыскать мемуаристов трудно. Это самая «убыточная» часть войск. Немногие доживают до той поры, когда возникает непреодолимый зуд за-свидетельствовать на бумаге свои фронтовые деяния. И немногим до-ставляет радость заново воскрешать в памяти всё то, что хотелось бы давно забыть.

Ну, а что танкистами, принадлежащими к клану элитных войск вермахта, избранность которых нашла отражение даже в рационе питания? – спросите вы. Они, казалось бы, надёжно защищены от стрелкового оружия броневой скорлупой. Но тоже не вечны. Средств уничтожения танков достаточно. К тому же они могут гореть и взрываться, и экипажу нужно иметь кошачью изворотливость, чтобы в считанные минуты покинуть свой гусеничный гроб и не попасть под огонь пехотных подразделений. Не попал – имеешь шанс сохранить жизнь до следующего аналогичного случая. А сколько их выпадает за время войны, знает только Бог, к которому уже не раз обращался Генрих Метельман с молитвой, и Всевышний внимал его мольбам, видя сверху его доброту. С божьей помощью и удачливостью, которая, может быть, тоже посылалась сверху, он не так часто испытывал свою судьбу в боях сумел вернуться на родину и даже написать, как вы уже знаете, воспоминания о своей

фронтовой жизни, которые во многом отличаются от традиционных, перенасыщенных батальными сценами. В этом случае опять-таки сказалась солдатская специализация, предельно сузившая угол зрения мемуариста-танкиста.

Через смотровую щель танка многое не увидишь. И чаще всего оценить результаты своего труда в полном объёме танкист получает возможность постфактум. А в наступательных боях он лишается и этой возможности. Поэтому ждать каких-либо откровений от воспоминаний танкиста не приходится ни в фактическом, ни в эмоциональном отношении, потому что о фактах он сам получает сведения из вторых рук, а чувственное пространство до предела сжато стальной коробкой. К чести Метельмана, взявшись за свои мемуары спустя двадцать лет после войны, он не пустился во все тяжкие, домысливая то, чего не видел своими глазами. А поскольку фронтовая биография водителя танка не содержит в себе ничего героического, а в промежутках между боями, которые по разным причинам были у него достаточно длительными, он чаще всего общался с мирным населением оккупированных территорий, то Генрих Метельман поступил весьма разумно, сосредоточившись на этой стороне своих военных лет. Именно эти страницы и представляют наибольший интерес для русского читателя, поскольку для советской литературы эта область «международного» общения несколько послевоенных десятилетий, особенно в годы холодной войны, находилась под запретом. Говорить тогда о так называемой «народной дипломатии» считалось дурным тоном. Ну, а для соотечественников в этом случае Генрих Метельман выступил в роли Миклухо-Маклая, открывшего страну папуасов.

Причём эта сфера военной жизни автора повести «Сквозь ад за Гитлера» удивительным образом совпала с центральным мотивом его воспоминаний, чаще всего определявшим проблематику и сюжетику так называемого «романа воспитания», классическим образцом которого является роман Достоевского «Подросток». Главная сюжетная линия та-кого жанра по обыкновению подчинена истории формирования человеческой личности с юных лет до зрелости, что, в сущности, и происходит с добрым солдатом вермахта в два первых года советско-германского военного конфликта, хронологию которого в соответствии с жанровыми законами мемуаристики Метельман строго соблюдает. Это даёт ему возможность показать и своё место в контексте важных исторических событий, и их роль в становлении и конечном прозрении собственной личности, попутно восстановив тот событийный фон, который ещё долго будет интересовать представителей не только двух противоборствующих наций, но и многих других народов, оказавшихся так или иначе причастными к мировому конфликту. А довольно продолжительный промежуток времени между самими событиями и воспроиз-

ведением их позволил ветерану Второй мировой войны основательно осмыслить её воздействие на свой духовный мир и соотнести себя нынешнего (то есть периода работы над мемуарами) с собой прошлым, когда он был живым воплощением гитлеровских идей, не подвергавшим сомнению ни один из фашистских догматов. И надо отдать должное Генриху Метельману, он не кривит душой. Он пишет о себе с протокольной нелюбопытностью, не скрывая своей юношеской веры в фюрера, своей оболваненности гитлеровской пропагандой да и просто неразвитости ума. Он жил чувствами, в которых сохранилось доброе отношение к людям, хотя в практической жизни опирался на веления разума, что – в конечном счёте – позволило ему вернуться на родину живым и здравомыслящим, прозревшим и от не выпадающих на долю каждого событий, и от встреч с людьми инакомыслящими, которые всегда действуют духовному прогрессу общества, даже в тех случаях, когда эти – иные мысли – вызывают отторжение со стороны властителей и общества, не готового к их восприятию. Потому что мыслящий инако думает не о сиюминутной выгоде от своих размышлений. Он верит в отложенное на время общественное понимание его, как верил, к примеру, Салтыков-Щедрин, оптимистически заявляя, что «история утешает».

Инакомыслие отличается от предательства, в котором чаще всего обвиняют тех, кто опережает время (их даже сжигают на костре!), тем, что оно бескорыстно. И, утешая душу, не приносит дивидендов в практической жизни. Метельман тщательно фиксирует тех, кто впервые заложил в его душу сомнения и помогал ему смотреть на мир по-новому, а не через щель в танке... Это его земляк, гамбургский докер, усомнившийся в официальной версии начала Второй мировой войны. Это случайная немка, жаждавшая на останковке в Штутгарте купить у немцев жир, обратившая внимание Генриха на монструозное телосложение Геринга. Это симферопольская студентка Анна из крымского посёлка Зали, с которой он расставался со слезами на глазах, заставившая Генриха впервые осознать, «как мерзко ощущать себя оккупантом чужой страны». Это мать погибшей украинской девочки, встречавшей незваных гостей хлебом-солью, гнев которой, несмотря на всю нацистскую спесь, пробудил в водителе танка чувство вины.

Какое-то время, летом 1942 года, когда не было танковых боёв, Генриху было поручено охранять лагерь русских военнопленных. В отсутствие начальства он позволял себе общаться с теми, кто находился за колючей проволокой. Особенное впечатление на него произвели советские войсковые офицеры и политработники. «Меня, пропитанно нацистской пропагандой в школе и в рядах гитлерюгенда, – признавался он, – первые контакты с живыми, а не воображаемыми коммунистами поначалу озадачивали. Пленные, ежедневно доставляемые сюда, во внутренний участок лагеря,

либо поодиночке, либо мелкими группами, представляли собой различные человеческие типы и совсем не такие, какими я их себе представлял. Они на самом деле сильно отличались и от основной массы пленников, тех, кто был сосредоточен во внешнем участке лагеря и кто внешним видом и поведением мало чем отличался от обычных крестьян востока Европы. Что меня больше всего поражало в политруках и членах компартии, так это присущее им достоинство и несомненные признаки образованности. Никогда, или почти никогда я не видел их в состоянии отчаяния, они никогда не рыдали и ни на что не жаловались. И никогда ни о чём не просили. Когда подходил час казни, а казни происходили постоянно, они шли на эшафот с высоко поднятой головой. Почти все они производили впечатление людей, которым можно довериться, я несколько не сомневался, что повстречайся я с ними в мирных условиях, я вполне мог подружиться с ними.

Все дни были похожи один на другой. У ворот с той и с другой стороны всегда находился часовой, иногда двое с винтовками на плече. Обычно под охраной находилось до десятка или чуть больше «гостей». Содержались они в кое-как убранном и пустовавшем свинарнике, в свою очередь, окружённом колючей проволокой. Это было уже третье кольцо ограждения – тюрьма в тюрьме, находящейся тоже в тюрьме. Охрана была организована так, что даже малейших шансов на побег у пленных не оставалось, так что нам было особенно нечего волноваться по этому поводу. Поскольку нам приходилось видеть их почти круглые сутки, мы знали их всех не только в лицо, но и по именам. Именно мы конвоировали их туда, где проводилось «расследование», именно мы и сопровождали до самой стены, где их и расстреливали».

Один из пленных, почти ровесник Генриха, лейтенант-политрук, немного знал немецкий язык, а Метельман, как я уже говорил, научился изъясняться по-русски. Политрука звали Борис. Оказалось, что он тоже учился на слесаря-железнодорожника в Горловке, как Генрих в Гамбурге. Они часто беседовали на разные темы, за исключением политических. По словам Метельмана, они были близки друг к другу «в общечеловеческом понимании», но в области идеологии их «разделяли сотни световых лет». Генрих понимал, что единственным преступлением Бориса было то, что он военный, к тому же политрук, значит, будет обязательно расстрелян, и не мог он в душе согласиться с такой мерой наказания. У него даже возникали мысли каким-то образом помочь Борису, но выхода не находил. Вечером, накануне расстрела, Генрих, уверенный в том, что Советы чуть ли не на днях ждёт неизменное поражение, поинтересовался у Бориса, что же будет теперь с мировой революцией:

–Теперь-то уж ей явно не начаться, и вообще, это преступный заговор против мира и свободы и был таковым с самого начала. Разве не так?

– Генри! – ответил Борис. – Ты вот мне рассказывал о своей жизни, что ты, как и я, из бедной семьи, из семьи рабочего. Ты человек не злой и не тупица. Но, с другой стороны, ты распоследний тупица, если твоя жизнь так тебя ничему и не научила. Я понимаю, что те, кто промывал тебе мозги, даром времени не теряли и ты бездумно глотал всю эту пропагандистскую чепуху. И что самое печальное, ты позволил внушить себе идеи, в корне противоречащие твоим же интересам, идеи, которые превратили тебя в послушное орудие в недобрых руках. Мировая революция – часть мировой истории. Она и сейчас продолжается.

Даже если вы выиграете эту войну, а вам её не выиграть, революцию в мире не остановить военными средствами. У вас мощная армия, нам трудно противостоять ей, вы столько людей уничтожили и ещё уни-чтожите, но идею вам не уничтожить! Недовольство в массах дремлет до поры до времени, но только до поры до времени. Придёт час, и они пробудятся от спячки, все неимущие, все те простые люди и в Африке, и в Америке, в Азии и в Европе. В один прекрасный день люди поймут, что власть денег, власть капитала обирает их, но в то же время закаляет их. Люди однажды поймут это, и тогда их идеи подхватят миллионы и миллионы во всём мире. И они сделают всё для утверждения этих идей во имя человечества. Жаль, что я не увижу этого. А у тебя есть шанс дожить до той поры. Если тебя не постигнет моя участь...

«Никому и никогда, – признавался позднее Генрих, – ещё не удавалось добраться до таких глубин моей души, я чувствовал себя обезоруженным, беспомощным перед безжалостной логикой его слов». Сотни раз вспоминал Генрих слова Бориса.

18

После разгрома войск Красной Армии, принимавших участие в бесславной для Советского Союза Керченско-Феодосийской операции, 22-я танковая дивизия вермахта стремительно двинулась на юго-восток, не встречая серьёзного сопротивления и не принимая участия в кратковременных стычках с выходящими из окружения советскими подразделениями. Встречные колонны советских военнопленных вдох-новляли немецких солдат на новые подвиги и внушали мысль о скорой победе. Офицеры тоже мечтали об этом. Оставалось самое малое – покорить Сталинград.

К середине июля фашисты были уже в Ростове, удивившем их своим цивилизованным видом. «На танках и бронетранспортёрах, – вспоминал Метельман, – мы въехали на территорию большого завода с огромными пустыми цехами. Заводские постройки были новыми, удобными. Кроме того, здесь имелись и спортивные комплексы, столовые, залы с душевыми – всё это нам было в диковинку, потому что мы никак не ожидали увидеть в России каких бы то ни было признаков цивилизации. А здесь нашим взорам представляли объекты, ничуть не уступавшие аналогичным в Германии

и даже кое в чём их превосходившие. Например, прекрасный стадион с ровными гаревыми беговыми дорожками. На стадионе было полным-полно людей – айнзатцгруппа СС проводила спецоперацию – на футбольное поле стонались гражданские лица, исключительно мужчины... Эсэсовцы пояснили нам, что это всё инженеры, преподаватели институтов, словом, представители интеллигенции, а их собрали здесь для проверки. Мы, облокотившись на деревянные барьеры, наблюдали за всем, как за футбольным матчем – с любопытством и не понимая толком происходящего. Кое-кто из ростовчан пытался узнать у охранников, для

чего их сюда пригнали, и твердили, что они ни в чём не виноваты. Но охранники лишь грубо отпихивали их, советуя держать рот на замке. На стадион пропускали женщин и детей, пытавшихся разыскать своих родственников, принесли им кое-что из одежды или еду. Охранники их пропускали и даже передавали кому положено принесённые вещи, но контактировать с задержанными не разрешалось. Всё это вызывало у нас, фронтовых солдат, сочувствие. К нам подошла какая-то женщина с девочкой лет тринадцати-четырнадцати и спросила, где может находиться её муж. Что мы могли ей сказать? Когда мы попытались объяснить ей, что мы представители вермахта, а её мужем занимается СС, было видно, что женщина перепугалась. Обе потом расплакались и стали уходить. Когда мы пару дней спустя покидали Ростов-на-Дону, люди эти ещё оставались на стадионе, и я не знаю, какова их дальнейшая судьба».

Про зрелище на ростовском стадионе Генрих вскоре забыл. А вот другое зрелище, которое ему удалось увидеть в одном из селений на подступах к Ростову, не выходило из головы, заставляя постоянно размышлять об особенностях русского характера. Событие это потрясло его не меньше, чем предрасстрельное откровение политрука Бориса. Тогда гитлеровские танкисты на несколько дней задержались в деревне, ранее оккупированной немцами, которая находилась на берегу реки с неизвестным Генриху названием. Когда начали располагаться на ночлег, бывалые солдаты предупредили вновь прибывших, что деревенька эта беспокойная, кто-то по ночам взрывает немецкую технику. Поэтому обязательно надо выставить охрану. Так и сделали, усилив ночные посты. Поутру Генрих узнал, что злоумышленника, а точнее – злоумышленницу, удалось поймать. Народной мстительницей оказалась пожилая женщина, лет шестидесяти с небольшим. При ней были и улики: противотанковая мина и сапёрная лопатка.

Спустившись к реке умыться, водитель танка увидел на берегу старушку, сидевшую под ивой со связанными руками. «Я очень удивился, – вспоминал Генрих, – но всё же поздоровался. Она будто воды в рот набрала. И сама она, и её обувь, и одежда производили впечатление дряхлости. Чувствовалось, что этой женщине в жизни пришлось несладко. Когда-то светлые волосы сейчас поседели

и были связаны тугим узлом на затылке. Она казалась сутулой, даже горбатой, словно тяжкая жизнь стремилась пригнетать её, прибить к земле, однако, невзирая на дряхлость, неряхой она мне не показалась.

Заметив меня, один из охранявших её солдат подошёл ко мне и ввёл в курс дела. Женщина внимательно следила за нами и наверняка ожидала от меня взрыва возмущения. Но его не последовало. Что-то было в ней такое, что поражало, изумляло меня до глубины души. В ответ на мою реплику, что, мол, мы очень довольны, что она наконец попалась, она, скривившись, плюнула в мою сторону. Я спросил, как её зовут, женщина ответила, что её зовут Галина.

– Галина?.. А по отчеству?

– Галина, и всё! – отрезала она, явно не желая разговаривать со мной. Правда, тут же добавила с угрозой: – У меня трое сыновей в армии!

Видимо, мне следовало понять это так: «Погоди, они ещё и до тебя доберутся!»

Ещё утром её потащили на допрос в одну из хат, где размещался командный пункт и штаб одновременно. Потом наш командир, майор Матцен, который был родом из Шлезвиг-Гольштейна, которому было уже под пятьдесят, допросил женщину. К слову сказать, наш майор был человеком порядочным. Когда я минут пять спустя увидел, как Галину вывели из штаба, следов побоев на женщине я не заметил. В данных обстоятельствах майору Матцену оставалось лишь единственное решение. И он вынес приговор.

Странно и жутко было смотреть, как два здоровенных бугая-охранника выводят эту тщедушную старушонку из хаты. На ногах у неё были соломенные лапти, завязка на одной ноге развязалась, и она едва не потеряла эту диковинную туфлю. Горб на спине не давал ей высоко поднять голову, но все видели, что она отмеряет последние метры на этой земле с гордым видом. Сначала её подвели к полевой кухне и предложили поесть. Она отказалась, согласилась только глотнуть воды. Я поймал себя на мысли, что восхищён мужеством и смелостью этой женщины, не терявшей присутствия духа даже в этой безнадежной ситуации. Один из конвоиров подозвал меня и попросил перевести её слова. Она попросила нас выполнить её последнее желание – сводить её к реке, на берегах которой она родилась и прожила всю жизнь. Мы молча проводили её до воды. С повлажневшими глазами она сложила на груди руки, словно для молитвы, и тихо произнесла: «Прощай, родная! Спасибо тебе за всё!» Взглянув на реку, она поправила платок на голове, повернулась и заявила, что готова принять смерть.

Пока мы ходили к реке, наскоро соорудили подобие виселицы и привязали к ней верёвку с петлёй на конце. Я заметил, что Галина мельком взглянула на оружие убийства, но без страха или волнения. Под петлёй поставили несколько рядных ящиков – получилось высокомерно, и кто-то

попытался подсадить Галину, однако женщина решительно отказалась, попыталась вскарабкаться на ящики, но упала, и конвоир, подхватив её под мышки, поставил на ящики. Женщина ещё раз взглянула на реку. Потом вдаль, туда, где лежала её деревня, а потом на нас. Все молчали. Едва конвоир взял в руки петлю и попытался надеть на шею Галине, как она выхватила её у него и надела сама. У того глаза на лоб полезли – так он был поражён. Потом она, брезгливо плюнув в нашу сторону, срывающимся голосом выкрикнула:

– Гады, гады фашистские! Гады проклятые! Вы – зараза для всего мира!

Было заметно, что майору Матцену вся эта сцена явно претила, и он стал проявлять признаки нетерпения. Я сидел как раз позади него и заметил, как он кивком головы велел охранникам покончить со всем.

Майор приложил руку к козырьку фуражки, отдавая честь героизму этой женщины. После этого конвоир, подойдя к виселице, выбил ящики из-под ног приговорённой. Раздался глухой стук, и наступила тишина.

Матцен, повернувшись к нам, бесцветным голосом произнёс:

– Быстро отнести её вниз и похоронить!

Я отвязал верёвку от поперечной перекладки, и мы, осторожно взяв ещё тёплое тело, отнесли вниз по склону к месту, располагавшемуся в нескольких десятках метров от реки, вырыли могилу. Я осмотрел труп и ничего не обнаружил – ни колец, ни украшений, ничего. То ли от лени, то ли от жары, но мы не стали рыть глубоко. Когда женщину положили в могилу, я бросил туца и верёвку. Не знаю, почему я так поступил, воз-можно, чтобы оставить хоть какой-то знак того, как она умерла. Закиды-вая землёй могилу, я раздумывал над тем, что ведь наверняка в деревне есть кто-нибудь из её родственников и друзей. Поэтому, когда на месте захоронения возник невысокий холмик, я с молчаливого согласия товарищей водрузил на него камень побольше – в качестве ориентира».

Генриха Метельмана можно отнести к типу людей, которым хочется поклоняться Всевышнему, но так, чтобы это не мешало грешить, потому что они не способны обуздать свои эгоистические желания и лишиться жизненного комфорта. Это не духовная вера и не бескорыстное верование. Таких людей множество в любой политической партии. Генрих и в гитлерюгенде очутился только потому, что ему не хватало радости и удовольствия в семье, лишённой жизненного комфорта. А сил, чтобы сойти с проторенной дороги, не нашлось. Трудно поверить в то, что он полностью доверился откровенно человеконенавистнической идеологии гитлеризма, потому что по мере развития ума и расширения жизненного опыта, чему – как это ни прозвучит парадоксально – способствовала война, столкнувшись его лицом к лицу с людскими иными идейного «ве-роисповедания» и других нравственных норм, заставив сомневаться во многом, что он

принимал на веру. Человек врождённой доброты, совершавший на войне поступки, противоречащие христианским заветам, Генрих теперь не упускал случая проявить милосердие и добросердечие к народу, с которым воевал. О чём свидетельствует и его последний поступок, подталкивающий нас к внесению коррективов в сложившийся стереотип фашистского солдата.

Кстати, когда Паулюс узнал, что германская армия использует варварский способ расправы с противником, он приказал запретить повешение.

От Ростова танковая дивизия начала наступать прямо на север, к большой излучине Дона. Туда же, к Калачу-на-Дону, двигались и другие части. А от Калача, радовались солдаты, до Сталинграда уже рукой подать, каких-нибудь пятьдесят километров. Но радость оказалась преждевременной. Именно эти километры, признается уже после Сталинградской битвы Метельман, «стали для нас адом. На пути мы встречали венгерские, итальянские, румынские дивизии, желавшие тоже отхватить кусочек от русского пирога. А однажды наткнулись на часть, состоявшую исключительно из словаков. Мы не знали, как вести себя с нашим союзниками. Кроме языкового барьера существовал и психологический, в виде нашей заносчивости. Мы-то уж ни на йоту не сомневались в нашем над ними расовом превосходстве, как, впрочем, и в военном. Мы считали, что от них мало

проку, да и помощи никакой, так что всегда опасались за наши фланги, если союзников бросали на их оборону. Было очевидно, что и советское командование их ни в грош не ставит – если русские замыслили контрудар, он, как правило, приходился именно на участки фронта, обороняемые союзниками, – итальянцами, венграми, румынами.

Серьёзную проблему представляла советская авиация, хотя наши люфтваффе ещё имели на тот период неоспоримое превосходство в воздухе... Мы знали, что Красная Армия отступает, но отступает организованно, что многие части уже перебравшись за Дон, что, несмотря на это, огромные силы сосредоточены и на нашем берегу этой реки. Продвигаясь к Волге, мы были всегда готовы ввязаться в драку, а иногда даже здорово рискнуть ради выигрыша во времени. Дело в том, что обеспечивать высокие темпы наступления танкового батальона, включая все его службы, даже в идеальных условиях крайне сложно. График движения был весьма плотным, поэтому небоевые транспортные средства зачастую сильно отставали от нас. В августе мы, наконец, вплотную подошли к оперативной цели – к северному участку излучины Дона. И понимали, что время беззаботного продвижения по степи миновало, ибо река, как мы считали, представляла собой для отступавших русских последний рубеж, защищать который они будут до конца».

Интересна реакция Генриха Метельмана на вступление его батальона в шолоховские пределы. Приведу её, невзирая на то, что эпизод этот не

имеет непосредственного отношения к фронтовым событиям: «Ещё мальчишкой я читал роман Михаила Шолохова «Тихий Дон», и описание предреволюционной обстановки поразило меня. Сейчас я по воле судьбы оказался заброшен туда, где развёртывались описанные Шолоховым события. Как рассказывали, Шолохов до сих пор жил в одной из казачьих станиц где-то неподалёку, так что она могла оказаться этим самым селом. Персонажи Шолохова поразили меня и своим крестьянским духом, любовью к земле, запечатлевшись в моем сознании как символ несгибаемости и силы русского народа. А не пробудили ли мы дремавшего исполина? Я и думать не мог, что когда-нибудь окажусь на Дону, а уж если мне выпало бы здесь оказаться, я явно предпочел бы прибыть сюда несколько в ином качестве – как друг, но не как завоеватель».

В придонской деревеньке Маньково, простиравшейся на пыльной степной равнине, солдату вермахта, который не испытывал особого желания воевать и уже начал сомневаться в компетентности батальонных офицеров, в очередной раз повезло. У его танка полетела муфта сцепления. В полевых условиях отремонтировать ее не было возможности. Батальон двинулся дальше, а Генриху пришлось дожидаться, пока подвезут новую муфту. Он поставил возле танка палатку и начал наслаждаться бездельем. Благо, провианта ещё хватало. Прошла неделя – ни ремонтников, ни запчастей не было. Скучные запасы закончились, пришлось идти на поклон к селянам, которые не испытывали к немцу недобрых чувств. Ребяшня, постоянно крутившаяся возле фашистской машины, вскоре уже считала Генриха своим немцем. И приносила из ближайших домов то кружку чая с краюхой хлеба, то варёной картошки. А то и кусок сала. Разумеется, с разрешения родителей. А потом хозяйка соседского дома пригласила немца на завтрак. Так и остался он в этом доме на постое с пропитанием. А когда дочка хозяйки, тридцатилетняя Соня, уронила в колодец ведро и Генрих, невзирая на все трудности, достал его, вся семья прониклась к «нашему немцу» доверием. Более того, хозяин дома, шестидесятилетний мужчина, согласился взять его к себе в помощники по хозяйственным делам. Утром Генрих вместе с ним уходил на работу, вполне вписавшись в ритм сельской жизни, не гнушаясь и русского шнапса.

Так прошло больше месяца, пока в батальоне не вспомнили о забытом солдате и поврежденном танке. Проводы Генриха, вновь обрядившегося в солдатскую форму, были трогательными. Глава семейства, старший наставник Генриха, впервые взявшего в руки вилы и грабли, по сельскому труду, на прощание обнял доброго солдата вермахта, похлопал по спине, а потом, оглядев его фашистскую форму, презрительно скривил губы. Мать Сони и бабушка её дочери Кати тоже обняла Генриха и расплакалась, что-то бормоча о своих сыновьях, которые были в Красной Армии, и сказала, что они могли бы быть друзьями Генриха, если бы

не эта окаянная война. Соня и Катя тоже обняли его, расцеловали, а потом бросились в дом. Солдату даже показалось, что оттуда донесся плач. Да и сам он не мог говорить из-за комка в горле.

После нескольких дней участия в наступательных боях Генриху вновь подфартило. Он получил месячный отпуск на родину. «Настроение было, – вспоминал он, – лучше некуда. Любая задержка поезда воспринималась как лишний день вдали от передовой: мы ехали домой – вот что было главным и решающим... Мы старались не думать о том, что это всего лишь месяц или четыре недели, которые пролетят незаметно, и нам снова предстоит возвращение на фронт». Оказавшись на родине, Генрих увидел, что развязанная Гитлером война – «во имя лучшего будущего германского народа!» – как не уставал твердить фюрер – принесла населению еще до боёв на немецкой территории одни беды и несчастья, голод и слёзы по погибшим. Желание защищать такую Германию пропадало.

В последний день перед отъездом сына мать Генриха решила высказать ему всё, что у неё накопилось на душе.

– Генри, ты серьёзно считаешь происходящее на Восточном фронте справедливым и праведным? – спросила она.

– А что ты имеешь в виду? – прикинулся Генрих непонимающим.

– Ну, ведь тебе хорошо известно, какого мнения был обо всём этом твой отец, и если раньше я не во всём соглашалась с ним, то теперь соглашаюсь. Он назвал вторжение в Россию одним из величайших преступлений против человечества. Как он переживал, что ты, его единственный сын, которого он так любил, тоже оказался вовлечённым в него. А теперь ты снова уезжаешь! Я вижу в выпусках еженедельной хроники горящие дома и каждый раз думаю: ведь в них кто-то жил, жили люди, молодые и старые, дети жили. А теперь они гибнут – с какой стати они гибнут? Ради чего?

Доводы Генриха о том, что, если он не поедет выполнять свой долг, его просто-напросто расстреляют как дезертира, на мать не действовали.

– Да, да, я всё понимаю, – говорила она, однако настаивала: – Но ты постарайся, будь с собою честным, как я. Неужели ты на самом деле искренне веришь в то, что вы делаете в России – правильно? Нет, это не так, с любой точки зрения это не так. И когда ты мне твердишь о том, что, мол, все это ради блага нашей страны, тебе не вспоминаются слова из Библии, когда Иисус сказал – не убий, он всё же сделал одно исключение – только ради своей страны это и может быть справедливым? А какое благо принесла война в нашу страну?

Генрих тоже всё это понимал, но из заколдованного круга, в котором он оказался по своей воле, ему уже было не выбраться. Застрелиться? Такой выход опять-таки противоречит религии. Оставалось положиться на божью волю, а там что будет...

По воле божьей, а на самом деле из-за нехватки топлива для моторизованных частей в осеннюю

распутицу некоторые танковые под-разделения дивизии поставили на прикол. Солдат Метельман вроде бы и воевал. Но на самом деле не воевал, то есть как бы не участвовал в умножении зла на русской земле, в чем его упрекала мать. И этим утешился. В конце октября, когда возникла необходимость и в танковом батальоне Генриха, машины, простоявшие длительное время в капонирах, стало невозможно завести по самой простой причине: оплётку кабелей танкового электрооборудования погрызли мыши. Восстановить её – дело трудоёмкое. И опять Генрих числился на фронте не воюя.

Солдатское «радио» сообщило, что об этом курьёзе – танковая дивизия потерпела поражение от полевых мышей – стало известно даже в советской Ставке. Пришлось спешно восстанавливать электропроводку и подключаться к оборонительным боям южнее Серафимовича. Шел уже первый месяц зимы 1942 года. Танковый батальон, приданный румынской армии, не столько усиливал их позиции, сколько предотвращал бегство румынских солдат, обороняя их правый фланг. А всякое серьёзное дело Иваны начинали по обыкновению с какого-нибудь фланга союзнических войск. Здесь 19 ноября Генрих стал очевидцем грандиозного фейерверка, который устроили советские войска, ринувшись в наступление по окружению армии Паулюса. День этот был сырым и холодным. Мокрые хлопья снега заволочили всё вокруг.

Даже эхо исчезло. Такая погода была на руку немцам, потому что наши войска не имели возможности использовать авиацию. Пришлось ограничиться продолжительной артподготовкой. Но и она произвела на фашистов незабываемое впечатление. Метельман только что вернулся с поста в свою землянку и завалился спать. «Меня разбудил страшный грохот, – вспоминая об этом дне, рассказывал он в своей документальной повести. – Казалось, сам ад разверзся, даже свеча погасла – так трянуло нашу землянку, и мы в крошечной темноте стали натягивать на себя что попадёт под руку. Землянка ходила ходуном, на нас сыпалась земля, и грохот стоял оглушительный. Ещё толком не проснувшись, мы наталкивались друг на друга, хватали не свои пилотки, шапки, сапоги, оружие и орали друг другу что-то, не слыша друг друга. Я каким-то чудом всё же сумел отыскать своё имущество и только спустя время понял, что натянул штаны задом наперед. Выбравшись из укрытия, мы оказались в настоящем аду – грохот разрывов, комья мёрзлой земли. Из-за вспышек взрывов на мгновение становилось светло как днём. Визжали мины, разрываясь поблизости и заглушая доносившиеся с румынской позиции крики. И вдруг грохот и гул кончились так же внезапно, как начались. От наступившей тишины впору было лишиться рассудка. По опыту мы знали, что миновала первая фаза, что именно сейчас всё и начнётся, что самое худшее впереди... Оставалось дожидаться атаки русских. Над позицией румын в воздух взмыли несколько ракет, но мы не обратили на них вни-

мания, поскольку во все глаза глядели туда, где располагались позиции русских – именно оттуда следовало ждать опасности.

И верно – вскоре до нас донёсся характерный гул. Увертюра окончилась. Минуту или две ничего и никого не было видно. Но гул, вернее, лязг танковых гусениц, который не спутаешь ни с чем, приближался. Рассвирепевший бог войны зловеще лязгал доспехами. Вокруг кружил чей-то самолет. Но нам было уже не до него. Лязг гусениц с каждой минутой становился отчётливее. Кто-то прокричал: «Идут! Идут!» Но всем и так было ясно, что идут. И вот мы увидели, как выползает первое чудовище и надвигается на нас. Русские танки шли с включёнными фарами, паля по нам из пушек. Трудно было с ходу определить, сколько их было, и мне тут же вспомнились недавние увещевания наших командиров о том, что, мол, «русские сейчас на последнем издыхании» и что они просто «пытаются попутать нас рёвом танковых двигателей».

Прямо перед нами параллельно нашим позициям тянулась ложбина с крутыми откосами метра три глубиной и двадцать длиной. Несколько танков уже спустились вниз, исчезнув на время из виду, но было слышно, как они, отчаянно гудя, выбираются к нам, готовясь накрыть нас. И вот прямо у меня перед носом возник один, поднявшись на дыбы у кромки ложбины, выставив напоказ своё отвратительное брюхо и готовясь всей своей мощью ринуться на нас. Когда до них оставалось от силы пятьдесят метров и я различил бегущих вслед танкам русских пехотинцев с автоматами наперевес, то понял, что игра окончена и что остается лишь срочно искать, где укрыться.

Нырнув в неглубокую траншею неподалёку от входа в нашу землянку, занавешенную мешковиной, окунулся в спасительный мрак. Вскоре до меня донесли голоса – переговаривались явно по-русски, потом раздался смех, и тут я даже не услышал, а скорее почувствовал, как по нашим позициям, как по наезженному тракту, прошлось несколько их «тридцатьчетвёрок». От страха я забился за нашу железную печурку, рассчитывая, что, если бревенчатый потолок рухнет, здесь меня не завалит. Никогда за всю войну я не ощущал себя таким беспомощным и загнанным зверьком, боявшимся шевельнуться, а не то что оказать врагу вооруженное сопротивление. Из меня словно разом выбили мой солдатский дух. В воздухе разило гарью, а я, зажав голову между коленей, сидел и вопрошал: «Мама, мамочка, скажи, ну зачем ты родила меня на этот свет?» И снова внезапно несколько минут – или часов? – спустя всё стихло. Только издали доносился гул удалявшихся русских танков».

Когда к Генриху вернулось самообладание, он выбрался из землянки, чтобы увидеть последствия артиллерийской подготовки и танковой атаки русских. Впечатление от промчавшегося танкового вихря было удручающим. Повсюду валялись искореженные тела однополчан вперемежку с трупами

румынских солдат. Последних было немного. Основная масса куда-то бесследно исчезла. Позднее Генрих узнал, что колонна румын отправилась маршем в указанный русскими офицерами пункт для того, чтобы сдаться в плен. Отвоевались мамалыжники!

Генрих собрал солдатские книжки погибших товарищей и снял с них жетоны. Некоторые из раненых немцев и румын еще подавали признаки жизни. Добрый солдат вермахта ничем им не мог помочь. «Я молча повернулся, – признался он, – и побрёл прочь от этого кошмарного места. Вслед мне выкрикивали ругательства, но я знал – останься я там, и я тоже околею вместе с ними. Будь у меня в пистолете больше патронов, я наверняка положил бы конец их страданиям.

Я вернулся в землянку, прямо на плите поджарил яичницу, подкинул туда мясца и нажрался до отвала. После сытной еды меня потянуло в сон, и я, подстелив под себя сразу несколько одеял (многим они оказались уже не нужны. – В. С.), провалился в глубокий, сродни беспомысленности, сон. Ни мучительных сновидений, вызывающих укоры совести, ничего ровным счётом».

На следующий день, экипировавшись тёплой одеждой и запасшись провиантом за счет погибших товарищей, Генрих Метельман пустился в путь по неизведанному маршруту. Ориентируясь по Полярной звезде, которая оставалась у него справа, он шёл ночами точно на запад, обходя деревни. Поскольку не знал, кем они заняты. Светлое время суток проводил в сараях, в покинутых жителями хатах, в скирдах соломы, а то и просто под деревьями. Когда хотелось пить, жевал снег.

На пятые сутки у него появился напарник – такой же заблудший немец. На десятый день они натолкнулись на группу потерявшихся при отступлении – таких было много и в донской, и в волжской степи – немецких солдат (около ста человек), которой командовал гауптман. Аналогичные группы из красноармейцев, выживших из окружения или избежавших немецкого плена, на фронтовой территории были не редкостью. И те, и другие зачастую встречались непредсказуемо на путях-перепутьях и чаще всего – досыта навоевавшись! – находили общий язык: обменивались ранеными, пленными, продуктами до тех пор, пока немецкая авиация ещё могла доставлять их подразделениям вермахта.

К концу 1942 года снабжение немецких войск значительно ухудшилось, поскольку советская авиация начала доминировать на Восточном фронте. В эту пору так называемая «народная дипломатия» находила решение многих жизненно необходимых вопросов для солдатского взаимопонимания между воюющими сторонами гораздо оперативнее и успешнее, чем официальное командование. И у немецких мемуаристов таких примеров множество. Не исключение среди них и Генрих Метельман.

В конце концов бродячая группа Метельмана добралась до станицы Морозовской и была вклю-

чена в охрану временного гарнизона. Так из танкистов Генрих превратился в пехотинца. И возвращался к своей специальности только тогда, когда выбывал из строя водитель танка. Пока шли бои на Среднем Дону, у советских войск, сосредоточенных на нейтрализации армейских групп, занимавшихся деблокированием окружённых войск 6-й армии, до Морозовской дело не доходило. Потом жизнь Генриха вновь оказалась в стороне от главных фронтовых событий, на что он, впрочем, не сетовал. Только в январе 1943 года Метельману пришлось принять участие в короткой схватке с советскими танками, которые поспешили ретироваться, узнав о численном превосходстве немецких войск.

После завершения Сталинградской битвы и начавшегося отступления немецких войск Генрих Метельман, не удостоившийся гитлеровских наград, прошёл обратный путь до Германии, где был взят в плен в зоне военных действий Великобритании и США, но в 1949 году отпущен. Несколько лет прожил на родине, но, не выдержав прессинга со стороны родственников, обвинивших его, как и многих других, не сумевших отдать свою жизнь за фюрера и по вине которых Германия проиграла войну, вернулся в Англию, где начинал свой послевоенный трудовой путь.

Годы, проведённые в России, добрый солдат вермахта считает временем своего прозрения. Вот заключительные строки его мемуаров: «До сих пор меня гнетет чувство вины за себя и за своих товарищей, по вине которых пострадало столько ни в чём не повинных людей в России. Это тяжкое бремя я не в силах сбросить с плеч. Теперь, когда моя жизнь близится к концу, я иногда пытаюсь понять, чем она была. Драмой? Трагедией? Преступлением? Комедией? И не могу дать однозначного ответа на этот вопрос. Я мучаюсь от осознания, что причинил страдания ближним своим, но я не в претензии к тем, по чьей вине выпало страдать мне».

Я тоже не в претензии к тому, кто рано лишил меня безоблачного сталинградского детства...

Уличные бои в Сталинграде продолжались вплоть до капитуляции в начале февраля 1943 года последней группировки фашистов в северной части города. Почти все фронтовые сводки центральных советских газет информировали об этом население страны. Вот одна из информационных газеты «Правда» о ставшем знаменитым Доме Павлова, появившаяся 19 ноября 1942 года, когда ситуация под Сталинградом, с началом нашего наступле-

ния, ознаменовала тенденцию перелома в нашу пользу в боях на советско-германском фронте, под названием «Сталинградские дни»:

«С ожесточением и упорством идёт борьба за каждый дом в Сталинграде. В этой борьбе решающее значение имеют хитрость и смекалка. Отделению Павлова была поставлена задача – занять пустой дом, ничем не отличающийся от окружающих зданий. Разница состояла лишь в том, что дом этот контролирует площадь и почему-то до сих пор не занят немцами. Стать его хозяином – значит получить господство над всеми подступами к площади. Он несколько отдалён от переднего края и может служить прекрасной позицией для боевого охранения.

Павлов внимательно выслушал командира, потом с такой же старательностью изучил местность и ночью с отделением пробрался в назначенное место. Противник занимал соседние дома, и ему в голову не приходило, что наши бойцы пойдут на такое сближение с ним. Так и осталось отделение Павлова нести службу боевого охранения.

Шли дни, недели борьбы. Противник много раз пытался выбить группу смельчаков, держал под обстрелом здание, высылал снайперов, автоматчиков. Временами завязывалась автоматная перестрелка на измор, на выносливость, охота на отдельных бойцов и солдат. Так зародился у нас настоящий снайперский азарт, и на боевом счету снайпера Александрова вскоре было записано 12 уничтоженных вражеских солдат.

Люди зарывались в землю, проделывали ходы сообщений, завели хозяйство...

– Где наблюдал? – спросите вы разведчика Афанасьева. Последний с полной серьёзностью ответит:

– Из дома Павлова.

Из штаба дивизии звонят:

– Левее дома Павлова скопление пехоты противника. Учтите.

Так и начал свою историю «дом Павлова». Приходили новые люди – бойцы, командиры. Они воспринимали все традиции части, и в их обиходе появились эти два слова «дом Павлова». Хотя многие из них и не знали содержание этих слов.

Мужественный сержант и его бойцы с законной гордостью часто слышат приказы, распоряжения, вопросы, которые по обстановке неизменно связаны с «домом Павлова».

И боевыми делами они упрочняют славу храбрецов».

EDITORIAL

Vladimir Tulupov

Media Design Problems in the Context of Media Convergence 2

HISTORY OF JOURNALISM AND LITERATURE

Natalia Kozlova

Nikolay Astyrev. Voronezh Start 5

Abstract: the Article is dedicated to a famous writer and local activist of the 1880-90s N. Astyrev. It outlines the main stages of his creative biography, the beginning of which is connected with the Voronezh province. The author presents fragments of his publications in the magazine «Herald of Europe».

Vladimir Kolobov

Voronezh and Voronezh Citizens in A. V. Zhigulin`s Diary 13

Abstract: the paper examines the diary records of a famous writer, former prisoner of the Stalinist camps, Anatoly V. Zhigulin (1930-2000), dedicated to his homeland and his like-minded people: writers, journalists, former members of CYP (Communist Youth Party), anti-Stalinist clandestine organization.

ENCYCLOPEDIA OF JOURNALISM IN CENTRAL BLACK EARTH REGION

Viktor Rudenko

The «Kommuna» Newspaper at the Turn of the Century (1993-2016) 18

POLITICS AND JOURNALISM

Murat Temirov

From Obama to Trump: East Europe Bifurcation 22

SCIENTIFIC JOURNALISM

Olesya FarberovichDynamics of Scientific Research Development in Germany and Israel
(Based on Comparative Review of Journals «Max Planck Forschung»
and «Technion» of 2010 and 2015). 25

Abstract: the article dwells on the way scientific journalism compares and characterizes the achievements of Israeli and German scientific schools by means of a relativistic method. These schools work on the intersection of sciences taking into account a 5-year gap in nanotechnology and molecular biology and genetics.

DIGEST

«On the Way to the Newsstand the Newspaper Turns into bits and bytes»:
the Publisher of Bild Speaks about the Monopoly on Information in the Digital
World 31

INVESTIGATION IN JOURNALISM

Rimma Adamova

Creating the Famous «Baksanskaya» 33

INTERNET COMMUNICATION

Viktor Khorolsky

Ethic and Medical Aspect of Internet Communication 37

Abstract. The essay explores ethics violations in network communications being the evidence of an unhealthy environment in mass communications. The author performed an experiment joining a network conversation with unknown interlocutors (on politics, elections, etc.), which proved deviations in the style of journalistic texts, especially those raising acute topics.

ADVERTISING AND PUBLIC RELATIONS

Marina Novichikhina

Using Root affixes as one of Promising Ways to Create a Trademark in the Current Context 42

Abstract: this article examines the informative value of trademarks formed by root affixes.

HISTORY

Denis Pimenov

Voronezh New Martyrs of the Revolutionary Period 45

EDUCATION

Joseph SterninRevisiting the Topic of Scientific Articles and Ratings
Why do not we Respect ourselves? 51

CULTURE

T. Fedorenko

Peculiarities of Street Theatre Shows (as Exemplified by the Italian Theatre) 55

*Abstract: this article is a fragment of the author`s book «Street Theatre: Study of the Street Theatre in the Context of Cultural Traditions, Town-forming and Management Factor of the Metropolis» and is devoted to studying the concept of the street theatre in the works of the brilliant Italian Director, Dario Fo.**Key words: Dario Fo, street theatre aesthetics, society democracy, historic heritage, world view.*

LITERATURE

Viktor Konetsky

Odd one out 58

Vitaly Smirnov

Turning Point 64